
ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

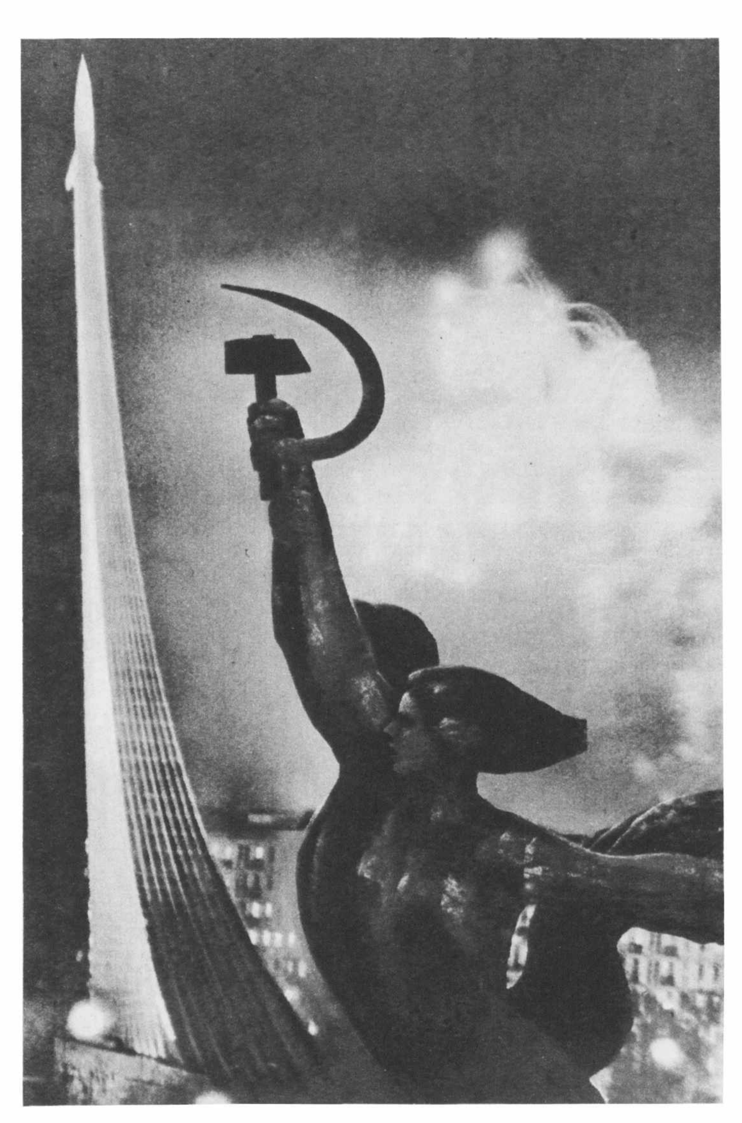

Фото Б. Витчевского.

12 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

Человек вышел на работу вместе с солнцем. Солнце делает весну: отогревает землю, будит виноградную лозу. И человек делает весну: пашет, боронит, сеет.

— Это очень важно — работать на земле вместе с солнцем,— говорит Андрей Каструбин.

Он так считает, хозяин этой пашни, и не только потому, что он колхозный бригадир. В год его рождения это самое поле враг рвал снарядами, засевал железом. Но и тогда уже Андрей, которого заслонила от смерти Родина-мать, был хозяином своей земли.

Вчера, накануне сева, тракторист его бригады, двадцатилетний парнишка, выпахал еще один снаряд, может быть, последний снаряд от той войны. И снова пошли тракторы с культиваторами и сеялками. Бригадир смотрел им вслед. О чем он думал на весеннем ветру? О чем сегодня думает человек, хозяин колхозной земли? Какие семена ложатся в землю нынешним апрелем?

Подробно о делах и людях молдавского колхоза имени XX партсъезда мы расскажем в репортаже «Как делают весну» в следующем номере «Огонька».

Н. БЫКОВ
Фото Дм. УХТОМСКОГО.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 15 (1972)

11 АПРЕЛЯ 1965

Перед началом переговоров.

Телефото спец. корр. ТАСС В. Егорова.

ДРУЖБЕ КРЕПНУТЬ

Двадцать лет назад Советский Союз и Польша заключили Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. За эти десятилетия между двумя странами укрепились подлинно братские, добрососедские отношения.

На днях истекает срок действия договора. Советский Союз и Польская Народная Республика решили подписать новый документ — Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. С этой целью в Польшу по приглашению ЦК ПОРП и Совета Министров ПНР прибыла советская партийно-правительственная делегация во главе с Первым секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. В составе делегации — член Президиума ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и другие.

Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии В. Гомулка, Председатель Совета Министров ПНР Ю. Циранкевич, тысячи жителей польской столицы тепло встретили советских гостей.

В тот же день начались переговоры советской и польской партийно - правительственных делегаций. Во время переговоров состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития и укрепления братских отношений между СССР и ПНР.

Жители Варшавы приветствуют посланцев Советского Союза.

БОЛЬШОЙ ЛЕША И МАЛЕНЬКИЙ ГЕНКА

Пять лет тому назад летчик Николай Кравченко и его жена Галина Васильевна отмечали день рождения своего сына Гены. Виновнику торжества исполнился год. Летчики, как известно, люди широкой натуры, и подарки сыпались, как из рога изобилия. Сыну своего друга принес подарок и Леша — так в полку и по сей день зовут космонавта Алексея Архиповича Леонова. Заранее узнав об именинах, Алексей написал картину «Зимний пейзаж». Тут же за праздничным столом состоялся импровизированный вернисаж. Картина была одобрена и водружена над кроваткой маленького Генки.

Сейчас Генке шесть лет, но по-прежнему, просыпаясь по утрам, он видит над своей кроватью подарок дяди Леши и так же, как его большой друг, хочет стать космонавтом.

Майор Г. ЧЕРНОМОРСКИЙ

ПОЛЬСКИЕ ОРДЕНА — КАВКАЗЦАМ

Многие кавказцы — грузины, азербайджанцы, армяне — сражались в партизанских отрядах на польской земле за освобождение ее от немецко-фашистских захватчиков. Для того, чтобы вручить им государственные награды Польши, в Тбилиси приехал чрезвычайный и полномочный посол ПНР в СССР Эдмунд Пщулковски.

За два дня до его приезда в Тбилиси скончался генерал-майор в отставке Шалва Лаврентьевич Чанкотадзе, командовавший в 1944 году гвардейской авиатранспортной дивизией, которая доставляла польским партизанам оружие и вывозила раненых из тыла. Крест Грюнвальда 3-й степени, который посол должен был вручить генералу, вручен его семье. Представителю Юго-Осетинского облисполкома был передан золотой крест ордена Виртути Милитари, предназначаемый партизану-осетину Я. Г. Тедееву, награжденному посмертно.

Золотых крестов ордена Виртути Милитари удостоены Ге-

ВСТУПАЯ В ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Торжественно отметила Венгерская Народная Республика свой большой праздник — двадцатую годовщину освобождения страны от фашизма.

В Будапеште состоялся военный парад и демонстрация трудящихся.

В празднике венгерского народа приняли участие партийно-правительственная делегация Советского Союза во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояном, посланцы других братских стран.

НА СНИМКЕ (слева направо): Председатель Президиума ВНР Иштван Доби, Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Янош Кадар, космонавты А. Николаев, В. Николаева-Терешкова, А. И. Микоян и глава болгарской делегации Живко Живков.

Фото МТИ — ТАСС

По приглашению Советского правительства нашу страну посетил Президент Пакистана фельдмаршал Мохаммед Айюб Хан.

Высокий гость встретился в Кремле с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, нанес визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояну.

Фотокорреспондент ТАСС А. Стужин сделал этот снимок во время посещения Президентом Пакистана павильона «Атомная энергия» на Выставке достижений народного хозяйства.

рой Советского Союза, бывший командир партизанского полка Д. И. Бакрадзе, чиатурский бурильщик В. Т. Манджавидзе. Большая группа бывших партизан-азербайджанцев награждается Партизанскими крестами.

И. СЕМЕНОВА.

Посол Польши Эдмунд Пщулковски вручает награду бывшему командиру отряда имени Урицкого Гумбату Намазову.

Фото В. Джейранова.

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Осенью 1944 года на одной из баз Черноморского военно-морского флота ко мне подошел матрос и, удостоверившись, что я военный корреспондент из Москвы, подал листок бумаги. То были стихи «Письмо с фронта». Они тронули меня своей искренностью и поэтичностью.

— Это не вы писали?

Матрос замялся.

— Видите ли, это письмо...— начал было он, но в этот момент его позвали на катер, готовый к выходу в море.

— А где же автор письма курсант Шермушенко? — крикнул я вдогонку. Гул заработавшего мотора заглушил ответ. Матрос махнул рукой, этот жест можно было истолковать как угодно.

Письмо осталось у меня. Я не знал, что с ним делать. Думал, что рано или поздно встречу в печати другие произведения этого автора, В. Шермушенко, или услышу о нем. Не мог же он написать только одно-единственное стихотворение. Однако больше мне не пришлось услышать о нем. Не встретил я и того матроса, который передал мне письмо.

А письмо лежало и лежало в моих бумагах, и всякий раз, как я вспоминал о нем, возникала какая-то тревога. Что, если это не просто поэтическое произведение, а подлинное, настоящее письмо, только написанное стихами? И кто-то его ждет, кому-то оно принесет не только горькую отраду, но и душевный покой?

Сейчас публикуются его первые строки. Быть может, письмо найдет своего адресата.

П. РОГОЗИНСКИЙ

ПИСЬМО С ФРОНТА

Ты не пишешь давно. И порой тяжело
На счастливые лица смотреть,—
Если к другу письмишко из дома пришло,
Он от радости хочет запеть.
Он доволен на многие ночи вперед
И меня познакомить спешит,
Он с улыбкой мне строчки простые прочтет
И обронит: «Твоя все молчит?»
Ты молчишь... только знаю, что если другой
Разделил одинокие дни,
Ты б не стала молчать, поделилась со мной,
Рассказала, что счастлива с ним.
Я не знаю, кому б я об этом сказал,
Чтобы легче мне было в бою,
Только реже от этого я бы не стал
Вспоминать непоседу мою...

НАШ КОНКУРС

На этом снимке мы с Ваней Клима. Фото сделано в 1963 году в Чехословакии.

Человек родился

Поезд из Кошиц на станцию Острава Поруба пришел на рассвете. Немногочисленные пассажиры покинули вагоны, последними сошли мы. Огляделись. Встречающих вроде нет. Но только взялись за чемоданы, видим: бегут двое мужчин навстречу. Того, который постарше, покоренастей, я узнал сразу — то был Карел Клима. А вот этот юноша — высокий, стройный, с внимательными голубыми глазами, с чуть смущенной улыбкой,— кто он? Неужели Ваня, тот самый Ваня?..

Было это в мае 1945 года. Последние дни войны, последние усилия наших войск, победа близка. Войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Еременко с боями продвигались на запад. 30 апреля была взята Моравска Острава, а 2 мая часть, в которой я служил, вышла на окраину села Стара Вес, недалеко от Остравы.

Бой за село между нашими войсками и гитлеровцами был тяжелым, фашисты сопротивлялись упорно, село несколько раз переходило из рук в руки. В самом начале боя я вместе со своим связным — санитаром Сашей Сафроновым — пошел искать помещение для приема раненых (был я тогда командиром санитарного взвода батальона). Нам приглянулся дом посреди села. Это было большое здание, слегка поврежденное снарядами,— гостиница «У Поличку». Нам не пришлось стучаться в дверь: уже на пороге встретила нас женщина лет пятидесяти с проседью в волосах. Через стекла очков приветливо улыбались измученные глаза, лицо было печальным: видно, какое-то горе терзало душу женщины.

Мы осмотрели помещение. Франтишка Поличкова— так звали хозяйку дома — угостила нас крепким черным кофе. Разговорились, с горем пополам понимая друг друга. Стали поступать раненые, пришлось заниматься ими. И тогда она поняла, что их русские постояльцы — медики. Вначале я не мог понять, почему это так взволновало хозяйку. Она преобразилась, стала о чем-то горячо, с мольбой в голосе просить меня. Но о чем? Я покачал головой: «Не понимаю». Тогда она взяла меня за руку и повела в комнату.

Переступив порог, я понял все. Да, тут нужна была медицинская помощь. На широкой деревянной кровати лежала молодая женщина, она рожала, рожала тяжело, видимо, события последних дней были причиной тому.

Только что село занимали враги. В гостинице «У Поличку», в большом зале для танцев, на заваленном мусором полу орали пьяные немцы, около трехсот гитлеровцев находились рядом с комнатой, где была больная. Потом началось сражение за Стару Вес. Рядом с домом рвались снаряды, мимо окон проносились, лязгая гусеницами, танки. Сидя в подвале, люди с волнением и тревогой прислушивались к исходу боя...

Немцы, потеряв село, подвергли его ожесточенному артиллерийскому налету и перешли в контратаку. Карел Клима, боясь, что гитлеровцы вновь ворвутся в село, опасаясь за жену, укрыл ее на чердаке. Несколько снарядов разорвались рядом, осколки угодили в крышу дома, можно представить себе состояние рожавшей женщины. Подхватив под руки теряющую сознание жену, Карел перенес ее вниз, уложил в постель и стал ждать, что будет дальше... И вдруг русское «ура» разнеслось по улице. В село пришли освободители...

Короче говоря, мне пришлось волей-неволей стать акушером.

Все зависящее от меня было сделано. В комнате раздался пронзительный крик новорожденного. Родился мальчик, родился гражданин новой, свободной республики. И вот держу я его в своих руках, маленького, беспомощного, кричащего... А там, за окном, еще идет бой, рвутся снаряды и гранаты, трещат автоматные и пулеметные очереди, падают на сырую майскую землю Чехословакии последние жертвы войны, умирают солдаты России, умирают, чтобы жили другие, чтобы счастливо жил и вот этот малыш и тысячи других...

У постели роженицы собрались родные и близкие, нужно было дать имя мальчику, и тогда бабушка малыша сказала со слезами в голосе: «Я думаю, что у него не может быть другого имени, как русское, ну хотя бы Ваня». Все согласились. Мы с Сашей Сафроновым присоединились к такому решению. Так и назвали мальчика Ваней, Иваном.

Счастливая бабушка быстро накрыла стол, за которым мы провозгласили тосты за здоровье Вани, его мамы, за скорую победу, за мир на земле. Канонада удалялась на запад, часть наша тоже уходила вперед. Настало время и нам прощаться с новыми друзьями, с Ваней. Но прежде чем покинуть дом, мне пришла в голову счастливая мысль: а напишу-ка я Ивану, будущему человеку, письмо.

Вырвал Карел из тетради лист бумаги, посадил меня за стол, и стал я писать письмо, письмо в будущее... Я написал об обстоятельствах рождения Вани, о боях за Стару Вес, о великой битве советских людей за свободу и независимость народов Европы. Я пожелал Ване хорошего здоровья, хорошей учебы, пожелал ему вспоминать нас, русских людей...

Письмо подписал: «Советский офицер Алексей Глебов»,— а ниже написал свой адрес. Уже хотел передать письмо Карелу, потом передумал, вложил листок в конверт, запечатал его и написал: «Ивану Клима. Вскрыть через 15 лет».

Шли годы. Уходили из памяти отдельные эпизоды фронтовой жизни, забывались названия городов и сел, за которые воевал когда-то, забыл я и название села, где родился Ваня.

Прошло пятнадцать. И вдруг в мае 1960 года на мое имя пришло письмо из Чехословакии. Письмо от Вани Клима!

«Дорогой Алексей Гаврилович!— писал Ваня.— 15 лет тому назад, 3 мая 1945 года, Ваша армия освободила мою родную деревню Стара Вес возле Остравы... Может быть, вы помните, как во время боя я родился. Мы дома часто говорим об этом и вспоминаем о Вас. Вы, наверное, помните, что в этот момент Вы передали письмо моему отцу и просили его, чтобы оно было вскрыто через 15 лет.

Прошло ровно 15 лет, и мы его открыли. Хотелось бы выразить Вам благодарность от меня и от всей нашей семьи. Спасибо за Ваши добрые слова, которые будут сопутствовать мне в течение всей моей жизни. Я видел много документов, прочел немало книг, из которых узнал, как тяжела была война и сколько жертв понес героический советский народ. Я даю свое честное слово, что всегда и везде буду бороться за укрепление мира. Хотелось бы мне побывать у Вас, на Вашей родине, познакомиться с Вами и лично поблагодарить за все, что Вы сделали для нас...»

Все эти годы я думал о встрече с Ваней, с его родителями.

И вот эта необычайная встреча состоялась летом 1963 года на чехословацкой земле, в Остраве Поруба, где живут теперь Ваня и его родители.

За празднично накрытым столом, как и восемнадцать лет назад, мы провозгласили тосты за счастливую встречу, за дружбу, за Ваню Клима, который теперь сидел рядом со мной и счастливо улыбался, радуясь, что мечты наши сбылись.

Две недели гостили мы с женой и дочерью в гостеприимной чехословацкой стране, у своих далеких, но ставших близкими друзей. Особенно взволнована, до слез взволнована и рада нашему приезду была бабушка Франтишка Поличкова. Могла ли она подумать даже, что эта встреча состоится когда-либо!..

Все жители села восторженно приветствовали нас, устроили митинг в честь нашего приезда. Ну, а как Ваня? 3 мая 1965 года ему исполняется двадцать лет, он студент металлургического института, член Чехословацкого союза молодежи. У него есть меньшая сестренка Ела, она тоже пошла по стопам отца и брата — учится в металлургическом техникуме, тоже член ЧСМ. Отец Ивана — Карел Клима — инженер, мать Бланка — работник библиотеки. А бабушка, основная виновница нашего знакомства, живет по-прежнему в деревне Стара Вес.

Я сам в 1960 году демобилизовался в звании майора. За участие в Великой Отечественной войне и службу в Советской Армии награжден одиннадцатью орденами и медалями. Сейчас работаю рентгенотехником в медсанчасти завода «СК» имени академика Лебедева в гор. Ефремове. С Ваней и с его родителями мы по-прежнему переписываемся. Надеемся на новую встречу у нас, на советской земле.

А. ГЛЕБОВ,
майор запаса

г. Ефремов,
Тульской области

ПРАГА, МАЙ 1945

Первое знакомство.

Я был солдатом 70-го гвардейского минометного полка, который с войсками 2-го Украинского фронта закончил войну в Чехословакии. В то время не будучи еще художником, я любил рисовать. А сейчас, просматривая наброски того времени, я вспоминаю о неповторимых днях, которые мне пришлось увидеть.

Юрий ЧЕРЕПАНОВ

Владимир ЦВЕТОВ

В ПОИСКАХ ЛЕНИНСКОЙ СТРАНИЧКИ

Эта небольшая история поисков в Токио неизвестного советским людям интервью, которое В. И. Ленин дал корреспонденту японской газеты, началась случайно.

Как-то в середине марта 1963 года по просьбе агентства печати «Новости» я встретился с Ясухико Кобаяси, главным редактором вышедшего в Японии Собрания сочинений В. И. Ленина. Кобаяси отлично знал, как, кем и когда издавались в Японии ленинские работы. Уже прощаясь с Кобаяси, я подумал: «А не знает ли он кого-нибудь, кто встречался с Лениным?» И я спросил его об этом.

— Моих друзей-коммунистов, кто видел Ленина, уже нет в живых,— с грустной улыбкой ответил Кобаяси. Потом подумал немного и сказал:— Вы, конечно, слышали об интервью, которое взял у Ленина корреспондент японских газет «Осака Майнити» и «Токио Нити-Нити» Кацудзи Фусэ? Оно опубликовано и у вас и у нас. У вас — в книге «Ленин и Восток». Она вышла, по-моему, в 1924 году.

— Да, я читал это интервью.

— Говорят, что интервью у Ленина взял еще какой-то японский корреспондент.

Это было так неожиданно, так захватывающе, что я забросал Кобаяси вопросами:

— Кто? Из какой газеты? Когда это было? Где интервью опубликовано? Жив ли этот журналист?

Ясухико Кобаяси развел руками. Он не мог ответить ни на один из этих вопросов.

— Если мне удастся что-либо выяснить, я обязательно сообщу вам,— пообещал он.

Мысль о том, что, может быть, существует интервью с Лениным, неизвестное в Советском Союзе, что, возможно, есть страничка жизни Ленина, о которой еще не знают советские люди, захватила меня.

Снова и снова прочитывал я текст интервью, взятого Фусэ у Ленина, книгу «Возвращаясь из рабоче-крестьянской России», которую Фусэ написал в 1921 году. Хотя бы намек на второе интервью! Изучал все, сказанное Лениным о Японии. Безрезультатно. Может, и не было второго интервью с Лениным? Да и сказал об этом Кобаяси как-то неопределенно.

Кобаяси сдержал слово. Позвонив как-то, он сказал, что хотя ничего определенного узнать не удалось, но существование второго интервью подтвердил один из старейших членов Компартии Японии, депутат парламента. Но его в Токио не оказалось. Ничего не оставалось, как довольствоваться тем, что передал мне Кобаяси.

— Видимо,— сказал он,— второе интервью с Лениным было опубликовано в газете «Асахи», но в какой именно — в токийской или осакской,— неизвестно.

Это уже зацепка. Я приступил к поискам.

В начале века «Осака Асахи» отличалась по содержанию от «Токио Асахи». У газет был один владелец, и они придерживались одного курса, но каждую газету делала отдельная редакция и заполняла ее своими материалами. Однако за рубежом обе газеты представлял один корреспондент, и его сообщениями могла пользоваться любая из них.

Расспросы сотрудников газеты мне ничего не дали: о ленинском интервью никто не имел ни малейшего представления. Я решил просмотреть подшивки «Токио Асахи» и «Осака Асахи», начиная с 7 ноября 1917 года и кончая 1924 годом. Но уже на мартовской папке «Токио Асахи» за 1918 год я понял, что это займет слишком много времени. Если бы я просматривал только одни заголовки статей и информаций, мне понадобилось бы по крайней мере месяца три-четыре.

Я уже было собрался захлопнуть папку с мартовскими номерами «Токио Асахи» за 1918 год, как вдруг увидел заголовок «Хладнокровный Ленин».

ЯСУЙЯ УТИДА

В феврале 1917 года в Россию прибыл новый японский посол. Работники посольства не удивились, что им оказался Ясуйя Утида. В японском министерстве иностранных дел место посла в России всегда считалось одним из самых важных и самых почетных. Предыдущий посол, Мотоно, по возвращении из России стал министром иностранных дел. Его преемник Ясуйя Утида занимал эту должность с 1911 года.

Богатая родословная Утида, корнями уходившая в историю древнего феодального клана Кумамото, его близость к императорскому двору и ярая приверженность монархическому строю тем не менее не мешали послу довольно трезво подходить к событиям, происходившим в России. Утида пристально следил за развитием русской революции. Как и те, что правили тогда Японией, он страстно желал поражения революции, но, разобравшись в политической обстановке в России, все более убеждался, что победа останется за нею.

Знакомиться с Россией новому послу помогал тридцатилетний атташе Хитоси Асида, тот самый Асида, который в 1948 году станет премьер-министром Японии и окажется верным исполнителем воли Соединенных Штатов. Но в то время, в 1917 году, молодой Асида еще не утратил способности воспринимать мир, людей такими, какие они есть. Вероятно, Асида был единственным в посольстве, кто однажды в беседе с послом посмел отозваться о Ленине так:

— Среди большого числа революционеров нет такого, кто превосходил бы Ленина по духу и энергии. Тот факт, что массы внимают Ленину, любят скромный его облик, объясняется умением Ленина верно схватывать сокровенные мысли масс.

Утида не зачислил атташе в разряд «опасно мыслящих». Утида сам заинтересовался Лениным, и, по-видимому, ему очень хотелось поближе увидеть и услышать вождя большевиков.

31 декабря 1917 года Ленин подписал приказ об аресте румынского посла Диаманди и всех членов румынского посольства. Эта мера была ответом на разоружение румынскими войсками русского полка и на арест полкового комитета. Дипломатический корпус расценил ее как покушение на неприкосновенность дипломатов, аккредитованных в России. И послы некоторых государств, в том числе и Утида, во главе со старейшиной дипкорпуса послом США явились 1 января 1918 года с протестом к Ленину. Ленин объяснил дипломатам, что Диаманди арестован в силу чрезвычайных обстоятельств, никакими дипломатическими трактатами и никакими дипломатическими обрядностями не предусмотренных, что для него, социалиста, жизнь тысяч солдат дороже спокойствия одного дипломата. Ленин согласился немедленно отпустить всех членов румынского посольства, если будут освобождены русские солдаты. Во время этой встречи Утида удалось обменяться с Лениным несколькими словами.

19 января 1918 года Утида направил Советскому правительству один из своих последних документов. Это было заявление о том, что Япония «не имеет и тени намерения вмешиваться во внутренние дела русского народа». А в это время Япония уже готовила военный десант, который 5 апреля высадится во Владивостоке. Однако Утида не стал ждать начала интервенции. Он выехал из Петрограда и 20 марта был уже в Харбине. Здесь он дал интервью корреспонденту «Токио Асахи», которое газета поместила 23 и 26 марта под заголовками «Позиция японского посла Утида в отношении большевиков» и «Хладнокровный Ленин».

«Мне представилась возможность встретить-

ся и поговорить с Лениным, когда члены антантовской миссии — и вместе с ними я — пришли к нему, чтобы заявить протест против ареста румынского посла,— рассказывал Утида корреспонденту «Токио Асахи».— Мы убедились, что Ленин — хладнокровный человек. Его высказывания логичны и резонны, ведь он крупный экономист, имеющий много печатных трудов... Он исключительно горячий пропагандист марксизма, и он последовательный практик. В его душе долго вынашивалась идея уничтожения имущих классов, национализации банков и промышленности. И эту идею он воплотил в жизнь... Все без исключения участвовавшие в визите к Ленину признали, что он один из самых выдающихся людей в современной России».

Корреспондент газеты поинтересовался отношением большевиков к Японии, и Утида ответил:

«По моему мнению, нельзя считать, что большевики питают ненависть к Японии. Я могу привести такой факт, подтверждающий мой вывод. По дороге сюда мы вынуждены были задержаться в одном сибирском городе. Тогда-то в Японии и родились слухи, что нас большевики якобы арестовали. В действительности же представители рабоче-крестьянской власти очень вежливо предложили нам временно остановиться, так как они не могли гарантировать нам полной безопасности в движении дальше».

К концу марта 1918 года уже ни для кого не было секретом, что Япония вот-вот вторгнется на Советский Дальний Восток, и журналист захотел выяснить отношение японского посла к предстоящей интервенции.

«Посылка войск в Россию будет иметь серьезные последствия, от которых может зависеть судьба нашей империи,— ответил Утида.— Нельзя подходить легкомысленно к этому вопросу. Я, как посол, должен буду подробно доложить министру Мотоно обстановку, создавшуюся в России, и обсудить с ним наши меры в отношении ее. Весьма вероятно, мой доклад послужит важным критерием для решения этого вопроса, но, разумеется, не решающим...

Кроме того, необходимо помнить, что нынешнее правительство России представляет подавляющее большинство русского народа. Оно функционирует посредством созданных им законодательных, административных и судебных органов. Поэтому, мне кажется, преждевременно говорить о разрыве с ним дипломатических отношений, хотя посольство и выехало из России».

Ясуйя Утида умом понимал, видимо, что Россия не вернется к старому, что интервенция бесцельна, что она губительна для Японии, но сердцем не мог согласиться с существованием Республики Советов.

Как я ни пытался установить, о чем Утида докладывал министру иностранных дел, сделать это мне не удалось. На официально представленную японскому министерству иностранных дел просьбу нашего посольства в Токио познакомить меня с текстом доклада Утида министерство ответило, что текст не сохранился.

Интервью Ясуйя Утида — находка весьма интересная, и я был рад ей. Но не она цель моих поисков. Снова принялся я за расспросы старых журналистов, различных общественных деятелей, с кем мне приходилось встречаться и разговаривать. Возможно, мои усилия так и остались бы напрасными, если бы случай не свел меня с Масао Майя.

Сейчас «Асахи»— одна из трех крупнейших газет Японии. Тираж ее дневного и вечернего выпусков — около пяти миллионов экземпляров. Среди японских журналистов «Асахи» слывет органом, где публикуются проверенные факты и приводятся точные цифры. Такую славу газете добыл хорошо организованный отдел проверки и справок, в котором работает добрая половина из трех тысяч сотрудников редакции. Руководитель этого отдела Масао Майя согласился помочь мне в поисках ленинского документа.

КАКО ОБА

В годы первой мировой войны газета «Токио Асахи» привлекла к себе внимание читателей репортажами с русского фронта. Подробная информация о ходе боев, мастерски сделанные зарисовки фронтового быта русской армии принадлежали выдающемуся журналисту Како Оба, который довольно долго находился в России и уехал накануне революции. А когда свершилась Октябрьская революция и японские газеты на все лады комментировали первые шаги Советского государства, снова наиболее яркими и достоверными материалами оказались те, что были подписаны Како Оба. Может быть, Оба знает что-либо о втором интервью у Ленина? Я высказал свое предположение Майя, но тот ответил, что Како Оба давно умер, и порекомендовал мне познакомиться с его записками и дневниками, которые хранились в архивах «Асахи». Масао Майя любезно предоставил их в мое распоряжение.

Биография Како Оба, полная неожиданностей, интереснейших событий и увлекательных путешествий, могла бы читаться как приключенческий роман, оставь журналист не разрозненные дневниковые записи, а описание своего жизненного пути, начиная, скажем, с того момента, когда он четырнадцатилетним мальчиком был отдан в услужение в дом крупного чиновника. Здесь началась учеба — тайком и от хозяина и от других слуг, насмехавшихся над подростком, который хотел выбраться «из грязи в князи», как они говорили.

Общеизвестна необычайная прочность сословных перегородок, существовавших в японском обществе в начале века. И все-таки Како Оба, третий сын в бедной семье, которого хозяин, усердно перенимавший все европейское, звал «бой», так и не поинтересовавшись его именем, сумел пробиться в «высшее общество». В 1901 году тридцатилетний Оба, овладевший русским и английским языками, стал офицером генерального штаба — гнезда японского милитаризма.

И вдруг неожиданный и резкий поворот в сознании Оба, в который невозможно поверить, если бы не документальные свидетельства. В 1906 году, оставив военную службу, Оба отправился в Россию, чтобы заняться коммерцией. На русский берег он сошел под конвоем. Таможенники обнаружили в его багаже листовки, выпущенные подпольной большевистской типографией.

И снова неожиданное: в отличных по форме репортажах с русско-германского фронта корреспондента газеты «Токио Асахи» Како Оба нет-нет да и дает себя знать шовинистический, милитаристский угар, точь-в-точь такой же, каким были пропитаны самые реакционные газеты стран Антанты. Но проходит шесть лет, и японская полиция берет под наблюдение Како Оба, члена Социалистической лиги, которая подготовила условия для создания в Японии коммунистической партии.

Желание увидеть Ленина зародилось у Оба сразу же после сообщения японских газет о том, что «глава правительства красной России начал свою деятельность провозглашением декретов о земле и мире». Однако только в 1921 году Оба смог отправиться в Россию.

15 мая он выехал из Японии, а в конце мая белогвардейские отряды Унгерна вторглись в пределы Дальневосточной республики, метя захватить и разрушить Транссибирскую железную дорогу на участке Чита — Иркутск. В середине июня белогвардейцы были разгромлены. Незадолго до их разгрома Како Оба, передав из Читы две корреспонденции, направился в Иркутск. Но в Иркутске он не появился. Поиски ни к чему не привели: Како Оба бесследно исчез. Видимо, он погиб во вре-

ВСТРЕЧА В БУХЕНВАЛЬДЕ

Леонид СТЕПАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Несмотря на загруженность работой и свой далеко не юный возраст, Хайнц Бауш снова и снова едет из Дрездена на место бывшего концлагеря, чтобы рассказать немецкой молодежи или иностранцам, приезжающим в ГДР, о том, что такое был Бухенвальд.

Дорогой товарищ Бауш, находившийся в Бухенвальде с 1933 по 1945 год, очень скупо и сдержанно отвечает на наши вопросы, которые касаются его личной судьбы. Но в мужественном голосе этого широкоплечего, седого человека совершенно неожиданно прорываются нотки молодой задушевной нежности, когда по нашей просьбе он начинает рассказывать о Ёжи — маленьком мальчике, спасенном и воспитанном узниками Бухенвальда.

История Ёжи — Стефана Ерзи Цвейга известна теперь во всем мире. Книга Бруно Апитца «Nackt unter Wölfen» (на русском — «В волчьей пасти») переведена на многие языки. Потом был кинофильм, потом сотни газетных репортажей о том, как благодаря этому кинофильму был найден тот, кого когда-то принесли в Бухенвальд в чемодане и долго прятали на вещевом складе, чтобы спасти от адской печи.

Однако рассказ Хайнца Бауша производит совершенно особое впечатление. Ведь это именно он работал на вещевом складе и был одним из воспитателей мальчика. Товарищ Бауш приводит такие детали, от которых щемит сердце от жалости к ребенку, начавшему скитания по концлагерям Европы буквально с трехнедельного возраста. Но от других подробностей Бауша сердце наполняется горячей гордостью за тех, кто в нечеловеческих условиях проявил самые благородные человеческие качества.

Ёжи был не единственным ребенком в Бухенвальде, хотя такие маленькие, как он, в концлагерь попадали редко. В отдельные периоды в Бухенвальде детишек было несколько сотен. И ко всем из них узники проявляли исключительную заботу. Они старались брать на себя тяжелый труд, с любовью изготовляли из своих обносков обувь и одежду для детей, учили и воспитывали их.

Теперь уже много рассказано о Бухенвальде; вряд ли можно найти взрослого человека, который не видел бы страшных фотодокументов, не читал бы книг или очерков о варварском истреблении многих тысяч людей. И все-таки каждый попадающий в бухенвальдский музей впервые содрогается от ужаса и ненависти. Здесь каждый метр земли пропитан кровью, кажется, что здесь деревья и травы всегда будут пахнуть человеческим пеплом.

— Дядя Хайнц!

— Ты?!

Вначале мы ничего не можем понять. Товарищ Бауш бросился к молодому человеку в очках. Они крепко обнимают друг друга.

— Это же Ёжи! Понимаете? Ёжи! Вот так встреча!

Мы хватаемся за фотоаппараты. Ёжи смущенно улыбается, протестующе машет перед своим лицом руками. Видно, что он скромен, застенчив, а кроме того, у него очень мало времени.

Куда же так спешит Ёжи? Что он делает сегодня здесь, в Бухенвальде?

Оказывается, Ёжи спешит на съемку. Сейчас как раз делают первые пробные кадры документального фильма о Бухенвальде. Автор сценария и оператор этого фильма — студент Института киноискусства при Министерстве культуры ГДР Стефан Ерзи Цвейг.

Конечно, нам не терпится узнать, о чем будет рассказывать первый фильм Ёжи, и вообще побольше узнать о том, как сложилась его жизнь после окончания войны. Но Ёжи очень, очень спешит, и мы не смеем его задерживать. Тем более, что он обещает нам все рассказать через два дня в Бабельсберге.

От центра Берлина до Бабельсберга километров 20, но мы проехали на машине больше шестидесяти — объезжали Западный Берлин. Вот улица Карла Маркса, 33,— Институт киноискусства. На террасах, в открытых окнах, в скромном кафе — молодые, энергичные люди нескольких национальностей. Навстречу выходит Ёжи, он приветливо улыбается,

мя нападения на поезд бандитов, которые, узнав о вторжении Унгерна, снова подняли голову в те дни.

Как ни увлекательны дневники Оба, я лишь бегло просмотрел их и взялся за его статьи и заметки разных лет, собранные в папке и озаглавленные: «Ленин, 1917—1918».

В репортажах и очерках, написанных Оба в России и Англии, Австралии и Бразилии, Франции и Иране, куда он ездил как корреспондент «Осака Майнити», «Токио Асахи», «Токио Нити-Нити», «Иомиури», чувствуется журналист — мастер формы, мастер художественного рассказа об увиденном. Материалы о Ленине свидетельствуют не только о том, что Оба — талантливый журналист. В то время, чтобы правдиво написать о Ленине, не встречаясь с ним и не побывав в Советской России, нужно было обладать проницательным умом, поскольку крупицы истины о вожде революции и его деятельности тонули в потоках лжи и клеветы. Нужно было обладать и мужеством, чтобы опубликовать правду о Ленине. Журналист Како Оба имел и проницательный ум и мужество.

«Одни разделяют идеи Ленина, другие выступают против них, но все вынуждены признать, что Ленин — великий человек,— писал Оба.— С появлением Ленина должно в корне измениться наше представление о типе героя. Ленин — это новый тип героя, порожденный новой эпохой».

Разъясняя свою мысль, Како Оба далее писал:

«До сих пор считалось, что герой должен резко отличаться от толпы, что он должен стоять выше масс. Ленин же держится в гуще масс, живет и работает вместе с ними. Это первая причина, по которой я называю Ленина новым типом героя. Другая причина та, что все поступки Ленина, все его действия зиждутся на строго научной основе и диктуются только ею, а не проистекают от субъективного желания, которое герои и вожди прошлого пытались претворять в жизнь, используя свою власть и силу».

«Герои прошлого обладали такими качествами, как храбрость, сильная воля, гибкость в действиях, умение завоевать уважение и любовь к себе,— продолжал Оба.— Всеми этими качествами обладает и Ленин. Можно было бы привести немало примеров из жизни Ленина, в которых видна храбрость и сильная воля: его поведение в тюрьме и в ссылке, побеги за границу и тайные возвращения. Но Ленин имеет и такое качество, какого не хватало героям прошлого,— смелость духа. Когда властителем дум в Европе был Каутский, когда все преклонялись перед Плехановым, нужно было иметь большую смелость духа и большую уверенность в своей правоте, чтобы выступить против них. Смелость и непримиримость во вскрытии ошибок — вот черты, отличающие Ленина как героя нового типа.

Однако, чтобы ниспровергнуть хоть и ошибочную, но прочно устоявшуюся теорию, мало быть только смелым духом. Нужно впитать в себя и переварить огромную сумму знаний. Лишь такой крупный ученый, как Ленин, мог разгромить Каутского. Сейчас Ленин — самый выдающийся ученый-марксист в Европе.

В нашей стране многие боятся Ленина. Представители буржуазии ненавидят его. Боязнь простых японцев объясняется их незнанием, какой стала Россия с приходом Ленина и большевиков. А Ленин и большевики сделали то, что до них не могло сделать ни одно правительство мира. Они решили самый сложный вековой вопрос — вопрос о земле, причем решили уже на второй день после захвата власти и таким образом, как это было выгодно народу.

Почему Ленин и большевики начали свою деятельность с «Декрета о земле»? Да потому, что понимали: от решения земельного вопроса зависит процветание и упадок, счастье или горе русского народа».

Не лишены интереса и следующие строки, написанные вскоре после того, как страны Антанты, в их числе и Япония, в ответ на предложение Советского правительства о перемирии и демократическом мире стали угрожать Советской России:

«Среди нас есть и такие, которые считают позицию Ленина в отношении продолжения войны непатриотичной. Если эти люди не подлы, то, значит, они наивны. Как мог Ленин выступить за продолжение войны, когда подавляющее большинство русского народа не хочет ее! Как мог Ленин выступить за продолжение войны, которую развязали царь и военщина!

Мне могут возразить, что среди большевиков — руководителей Советской России есть люди, которые тоже считают позицию Ленина непатриотичной, например, Троцкий, возглавлявший одно время русскую делегацию на переговорах с немцами в Брест-Литовске. Да, такие люди в ленинском правительстве есть. И я должен сказать, что их порочные идеи продолжения войны с Германией, их «патриотизм» принесли много горя русскому народу. Он оказался вынужденным согласиться на более тяжелые условия мирного договора с Германией, чем они могли быть. Но Ленин пошел даже на такие условия. И я уверен в его правоте. В самом деле, что значат отдельные условия мира, если его ценой спасается счастье 100 миллионов крестьян, впервые в истории получивших бесплатно землю!

Людей вроде Троцкого немного в России. Я думаю, что 90 процентов населения России радовались решению Ленина подписать сепаратный мирный договор с Германией. Опираясь на волю этих 90 процентов населения, Ленин и большевики сумели одержать победу в вопросе о войне и над Троцким и над другими партиями».

Листаю газетные вырезки и заметки журналиста. Мое внимание привлекает следующая запись:

«Прошло десять месяцев со дня русской революции. Ленин последовательно претворяет в жизнь те идеи, которые вынашивал 20 лет перед революцией, идеи, корнями уходящие еще в прошлый век, когда так называемые декабристы подняли в 1825 году восстание против царя. Практическая деятельность Ленина — это самый строгий экзамен его научной теории социализма. И минувшие десять месяцев показали, что ленинская теория выдерживает испытание жизнью. Думается, история не знает случаев, когда за столь короткий срок оказывалось возможным совершить так много подвигов, как сделал это Ленин».

В те дни, когда в Японии ходили упорные слухи о гибели вождя российских пролетариев в результате покушения на него, Оба записал:

«Со смертью Ленина не наступит крах большевиков. Новая эпоха родила новый тип героя. Но эта эпоха нова еще и тем, что породила многих людей, способных продолжить дело Ленина».

Я внимательно читал записи японского журналиста, сделанные в 1917—1918 годах и до сих пор неизвестные в Советском Союзе. Я не переставал удивляться верности оценок, которые Оба давал тем или иным событиям в нашей стране, его смелым и честным суждениям о Ленине, о нашей революции. А ведь последние страницы записок Оба относятся как раз к тому времени, когда японские войска вместе с армиями других стран вторглись в Советскую Россию, чтобы уничтожить революционные завоевания большевиков. Я нашел в записях журналиста точные прогнозы наших будущих отношений с США, Англией, Германией, мысли о значении социалистической революции в России для народов Востока, звучащие по-современному и сейчас. Но я не нашел в записях никакого упоминания о разыскиваемом мною интервью у Ленина.

Окончание следует.

крепко жмет нам руки, приглашает выпить чашку кофе.

Разговор сразу пошел сердечный, искренний. Ежи с первых же слов признается нам в том, что для него Советский Союз не только великая, но и горячо любимая страна. Он мечтает о поездке в Москву, но считает своим долгом прежде сделать что-нибудь значительное, «чтобы иметь на это моральное право».

— О чем мой фильм? О героях Бухенвальда. Обо всех, конечно, рассказать, невозможно. Поэтому мой кинорассказ посвящен только одному человеку, но такому, в котором есть все лучшие черты его товарищей. Я говорю о старом коммунисте Роберте Зиверте. Для меня лично это образец Человека с большой буквы.

Роберту Зиверту сейчас 77, но он и не думает идти на пенсию. Он встречался в Женеве с Владимиром Лениным, боролся вместе с Эрнстом Тельманом, и при всем этом я за всю свою жизнь не встречал более скромного человека. А между тем эта скромность сочетается с подлинным героизмом.

Вы, конечно, знаете о том, как был убит Эрнст Тельман в Бухенвальде. Боясь всенародного возмущения, гитлеровцы сочинили версию о его гибели во время бомбежки лагеря американской авиацией.

Роберт Зиверт собрал в подземном бункере — там, где теперь музей Эрнста Тельмана,— большой многонациональный митинг. Бухенвальд узнал об убийстве Тельмана, потом узнала вся Германия и весь мир.

Роберта Зиверта схватили и отправили в Веймар. В глубоких подвалах, откуда не услышишь человеческого крика, его пытали три дня и четыре ночи. На вопросы фашистов во время пытки он с издевательским спокойствием отвечал: «Вы нас держите в Бухенвальде за то, что мы коммунисты. Тельман — знамя немецких коммунистов. Так что же вы хотите? Пока мы живы, мы будем верны своему знамени».

Мы спрашиваем Ежи, войдут ли в документальный фильм его личные воспоминания.

— Нет,— отвечает он,— об этом еще рано. Об этом я расскажу, когда стану настоящим мастером. Ведь это очень ответственно. И знаете, мне это очень тяжело... Поймите... Мне не было и трех лет, когда я видел, как овчарка жрала полуживого человека...

Но я помню и другое. Я помню первый день освобождения. Безмерную радость многих людей. Митинг на Аппельплатц в Бухенвальде, когда узники давали клятву отдать все силы борьбе с фашизмом. Тогда я был очень мал, не понимал всего. Но я считаю, что я тогда тоже давал клятву.

Ежи в Бухенвальде. Апрель 1945 года.

Стефан Ерзи Цвейг с героем своего фильма Робертом Зивертом.

Хайнц Бауш у ворот Бухенвальда. Апрель 1965 года. На воротах написано: «Каждому свое».

Эльбрус строится

Евг. СИМОНОВ

Стоящий особняком от Главного Кавказского хребта, Эльбрус — ни с чем не сравнимый мир, хотя лежит он в нескольких часах езды от традиционных курортов группы кавказских Минеральных Вод. В разгар июля вы можете защелкнуть маркера креплений и слушать, как аппетитно похрустывает зернистый снежок под пластмассовыми подошвами ваших лыж. Можете видеть в один и тот же миг и ночь и день, ибо в лежащей у подошвы горы Баксанской долине уже непроглядная темь горной ночи, а на вершинах горит солнце дня.

В аквамариново-свежих водах, несущих зелень породивших их ледников Донгузорунке или Азау, мы вылавливали с инженером А. В. Чудайкиным форель, вряд ли уступающую севанской. А над склонами Шхельдинского ущелья видели охраняющего своих козлят горного тура.

Мы встречали здесь веселые ватаги туристов — плановых и самодеятельных. И в шпигеле их походной стенгазетки стояло: «А нам чо, а нам чо, мы махнем через Бечо!» И, топая к Бечойскому перевалу по тропе, именуемой «зачетный маршрут номер 46», они притихали, завидев злобно ощерившиеся трещины ледника Муркомьер. А с плато «Приют 11» с почтением вглядывались в кручи двурогой Ушбы. Еще бы!.. На Западе существовал даже клуб ушбистов, тех, кто поднялся на ее вершину.

ОТЕЛЬ СОЛНЕЧНОГО УЩЕЛЬЯ

Мы помнили, что название балкарского селеньица Иткол переводится как «Собачье ущелье». Когда же теперь в колоннаде баксанских сосен возникло перед нами светлое, стройное, смело глядящее на солнце здание первого в нашей стране высокогорного отеля, подумалось, что самое время подыскивать для него в том же балкарском лексиконе новые слова: «кюнюм» — «солнечный» либо «гюль» — «цветок».

Отель вступает в строй. Бесшумный лифт вознесет прибывшего до увенчавшей все пять этажей плоской кровли, на которой с таким аппетитом пьешь процеженный от городской пыли, насыщенный смолистой амброзией сосен, ароматами альпийских лугов воздух гор. Мир вершин — он перед вами! Здесь они словно бы подвинулись к путнику, кивают белыми папахами, подзывают.

В отеле 320 мест: от молодежных (с двухъярусными койками) до номеров-люкс,— и знакомит нас со всем этим хозяйством Алексей Александрович Малеинов. Не полжизни, как это положено писать, а всю ее отдал он горам!

Подобно Малеинову, Юрий Михайлович Анисимов отряхнул прах столичных тротуаров, осев в Терсколе. Он директор первого и пока что уникального пути над облаками, именуемого «Чегетская канатно-кресельная дорога». Она проложена по северным (дольше держится снег) склонам горы, чье имя значит «Стоящая в тени».

Мы поднимались в мерно покачивающемся креслице с Малеиновым. Облако, в которое мы въехали, щедро обрушило на нас все транспортированные им с берегов Черноморья осадки, но не смогло испортить ощущения радостной новизны. Отряхиваясь, подобно выбравшемуся из воды и снега пуделю, ваш корреспондент не преминул задать несколько вопросов директору новой магистрали.

«...Полностью оправдала себя. По замыслу планировалась в основном для зимы, но даже летом, в бессезонье, продавали за воскресные дни до 2 150 билетов. Готовимся поднять на Чегет уже стопятидесятитысячного пассажира. Необходимо ускорить ввод в строй продолжение нынешней трассы — дороги «Чегет-2». Поднявшись тогда до отметки «3 050», мы растянули бы зимний сезон с ноября до июня. А третий, еще более высокий «Чегет-3», откроет для всех и огромный снежный цирк у самой вершины».

ОПОРЫ КАРАБКАЮТСЯ К ВЕРШИНАМ

В том наступлении, которое ведут строители на Эльбрус, и Иткольский отель и Чегетская дорога — всего лишь предмостные укрепления.

На лежащей у подножия Эльбруса поляне Азау мы видели уже законченную шестиэтажную коробку еще одного отеля. На подъеме к Старому Кругозору шипели молнии в руках сварщиков, стыковавших опору, которой предстоит, расставив стальные ноги, укрепиться на склонах самого Эльбруса. Нелегко у ползущих в долину ледников, среди ненадежных морен выбрать фундамент для махины, равной по высоте 18-этажному зданию!

Но первая опора уже встала на полпути к крутому подъему Эльбруса. Окрашенная алым сталь на фоне вулканических пород!

Но это лишь старт строительства. Не за горами время, когда для подъема на Эльбрус не нужно будет шагать 8—9 часов.

...Заберемся мы с вами вместе с 40 пассажирами в кабину и тремя этапами поднимемся на четыре километра вверх.

Не раз читали мы о героических подвигах вертолетчиков, то зависавших над грозившей расколоться льдиной, то — это было на наших глазах — садившихся на «пятачок» у Птышского ледника. Пилоты брались помочь и тем, кто обстраивает Эльбрус: один из «МИ» мог бы за 2—3 минуты доставлять монтажников на высотный стройучасток, на подъем своим ходом им нужно несколько часов в день. Вертолет был бы незаменим и на подъеме стальных конструкций.

Мы вынуждены повторять нудное «бы», ибо наехавшая следом за пилотами (они-то брались!) инспекция из Ростова начала с того, что потребовала немыслимого в тесноте гор огромного вертодрома, а кончила тем, что вообще наложила вето на вертолеты.

Лишь после того, как здесь побывал один из маршалов авиации, появилась надежда на то, что виртуозы-вертолетчики помогут обживать и обстраивать Эльбрус.

Ленинградские металлисты завода имени Котлякова, куйбышевские машиностроители, волгоградские лифтовики уже поставили уникальное оборудование для той дороги, которой предстоит вознести нас с вами на Эльбрус. Вскоре встанут опоры, зазмеится над вечными снегами стальная нить каната. Но станции новой дороги (автор проекта Н. Г. Костомаров) все еще не столько предмет эксплуатации, сколько объяснительных записок треста с названием столь же длинным и трудным, как иной перевальный маршрут.

ЭЛЬБРУС ПОДАРИЛИ СПОРТСМЕНАМ

Хороши, спору нет, долины и склоны Инсбрука, Шамони, Вербье, Кортина д'Ампеццо! Но сами же наезжавшие к нам из этих мест альпинисты с горнолыжниками отдавали первенство нашему Кавказу. Это подтвердил и наш недавний гость, исходивший на своих лыжах склоны всей Европы, Густав Деберль. Он был, кстати сказать, первым на глазах автора этих строк спустившимся с такой неплохой лыжной «горки», как западная вершина Эльбруса! А это 5 633 метра над уровнем моря.

Этот край покидали восхищенными и те, кого, казалось бы, ничем не удивишь после Гималаев или Анд. И сэр Джон Хант, под началом которого был покорен третий полюс планеты — Эверест. И объехавшая полмира миссис Джойс Даншит, которая докладывала «о замечательной стране Эльбрус» в кружке имперских гидов. И прославленный «тигр снегов» Тенцинг, который, как он выразился, удостоился чести быть принятым римским папой, английской королевой и самим Эльбрусом.

Эльбрус подарили спортсменам! Весомый и приметный это гостинец. Не нужно обладать воображением писателя-фантаста, чтобы, глянув на панораму, зримо представить себе главный туристский проспект страны, в который вскоре превратится ведущее к Эльбрусу Баксанское ущелье.

Нынешнее Баксанское ущелье — тупик, замкнутый с трех сторон в верховьях стенами Главного хребта, лавовыми контрфорсами Старого Кругозора, отвесами эльбрусского массива. Но архитекторы уже задумались над этим, предложили оперативное вмешательство в созданный природой горный аппендикс. Ведь все больше людей будет привлекать этот край! А как же это будет здорово — после лыж и ледников окунуться в пенистый прибой Черного моря! Оно же рукой подать. За хребтом.

После подземных каналов наших гидростроителей или горной трассы в Киргизии не таким уж невыполнимым представляется тоннель под Главным хребтом, в направлении нынешних перевальных путей. И тогда лыжные склоны подвинутся к морю.

Перед поворотом нынешней дороги к Эльбрусу вы могли приметить щель Ирикского ущелья. И оно взято на учет проектировщиками. Подъем на канатной дороге до станции «Мир». На вездеходе или, что еще лучше, на лыжонках по безбрежному заснеженному плато. А там по другой воздушной дороге к истокам Кубани. Глоток порожденной ледниками воды, как символ прощания с белеющим на горизонте Эльбрусом,— и несколько часов спустя вы разгуливаете по «пятачку» Кисловодска.

А хижины? И не только для туристов, но и для охотников и рыболовов. Тропинки для любителей конного спорта: ведь Кабарда славилась и породистыми скакунами и неприхотливым горным «коньком-горбунком». И такие разбросанные в горах неприхотливые хижинки обойдутся куда дешевле, чем одна колонна санатория-дворца в Сочи либо в Кисловодске.

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

Отсюда начинается канатно-кресельная дорога на вершину горы Чегет.

В такое чудесное солнечное утро горы зовут в поход.

Этот снимок сделан на высоте около трех тысяч метров. Здесь к услугам туристов и альпинистов уютное кафе с камином и маленькая комфортабельная гостиница — приют на случай капризов погоды в горах.

Англичане спросили много вина, и Левше первую чарку... Рис. М. Соколовой и А. Курицына.

Тульские мастера оставили у себя аглицкую блоху в футляре и в золотой царской табакерке. Рисунок А. Тюрина.

Александр I.

Николай I.

Донской казак Платов.

Живет Левша!

Т. ТРОИЦКАЯ

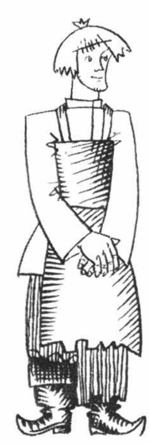
Рисунки А. Тюрина.

Сказания о замечательных делах гениев земли русской живут в памяти народной, хотя имена многих давно забыты да утеряны. Вот и тульский Левша, что аглицкую стальную блоху подковал... Только то и знает о нем Лесков, что он косой, а «на щеке пятно родимое» да «на висках волосья при учении выдраны». За то ж как сметлив и переимчив он, как талантлив!..

Давно мечтал режиссер И. П. Иванов-Вано положить на экран неувядаемый сказ Н. С. Лескова. Сейчас мультипликационный фильм «Левша» полюбят многие поклонники русского народного искусства.

Почти два года работали над своим фильмом режиссеры, художники, операторы. Пришлось съездить в Тулу к оружейникам, в Городецкий музей близ Горького, в Ленинград. Внимательно изучали творчество Кустодиева, Билибина, Кузьмина, Теребенева, старинные гравюры и лубки. Несколько лубков и гравюр целиком использовали в картине — например, «Похороны Александра I», «Война 1812 года».

И вот едет донской казак Платов во дворец — везет к царю Николаю от оружейников подкованную нимфозорию. И Левшу с собой прихватил. Едет, спешит — кони мчатся, искры из-под копыт летят. Вдруг — стоп, опускается полосатый шлагбаум. Поезд! В кадре возникает старинная гравюра «Железная дорога». Смешной маленький паровозик; коричневатый дым столбом валит из труб в ярко-синее небо. Роскошные дамы и господа восседают на открытых платформах, слегка обалделые, но довольные.

Левша.

На таком фоне и «действуют» персонажи фильма. Это не обычные мультипликации, а рисованные и вырезанные из ватманской бумаги человечки.

Все рисунки выдержаны в лучших традициях лубка: кони с выгнутыми шеями и развевающимися гривами; бабы в полушалках, с детишками на руках; бородатые, заросшие до самых бровей мужики... И в то же время здесь нет грубой псевдонародной стилизации, этакой развесистой клюквы — молодцов с разухабистыми гармошками да молодок в стоящих колом сарафанах. Хороший вкус присутствует в каждой мелочи. Художники экономны. Никаких лишних деталей. Четкий графический силуэт. Мысль выражена с максимальной простотой и доходчивостью.

Герои фильма безгласны, а за экраном сказывает сказ о Левше Д. Журавлев. Это очень по-лесковски.

«Когда император Александр окончил венский совет, то он захотел по Европе проездиться...» — начинает свой рассказ Журавлев. И перед зрителем на экране появляется роскошный экипаж на высоких рессорах, а в нем томный, жеманный император, преклоняющийся перед всем иноземным. Изящно царь лорнет к глазам подносит и все «ах» да «ах» на лондонские достопримечательности! И вокруг императора все нарисовано в нежных, почти воздушных акварельных тонах. Когда же с ним сделалась меланхолия, стал чернеть царев портрет — помер император!..

Бравым солдатом представлен донской казак Платов. Усы длинные, брови к переносью сходятся, мохнатые. На нем яркий кафтан и синие шаровары. Недоволен он государевым склонением, чуть что — трубку в рот и жуков табак раскуривает. И сейчас скажет: так и так, и у нас дома не хуже!..

Николай I перед зрителями появляется под звуки военного марша и барабанного боя, на фоне солдатских учений. Все сцены с его участием выполнены в желтовато-зеленой гамме — цвет армейских мундиров. «Превзойти англичан!» — командует, как на военном параде, царь, и все, как солдаты на учении, кидаются тотчас его приказание выполнять!

Хотя внешность Левши не соответствует описанию Лескова — в фильме он симпатичный русоволосый юноша,— это не изменяет существа образа.

Левша — ласковый, одухотворенный, артист в работе. Очень талантлив, скромен, даже робок. Любит свою родину, беспокоится о ее благе и остается в этом своем стремлении в полном одиночестве.

Аглицкая блоха.

...Фильм оставляет большое впечатление. Талантливое, самобытное произведение по-настоящему волнует. А когда смотришь последние сцены — трагические в полном и высоком смысле этого слова,— совершенно забываешь, что на экране вырезанные из бумаги человечки. Комок подступает к горлу — так жалко Левшу и так больно за него: мечется он, развевается его белый больничный балахон, как мерцающее пламя свечи, и всюду каменная стена равнодушия сановников. А Левша умоляет: «Скажите государю, что в Англии ружья кирпичом не чистят, пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся».

Так и умирает бедный, своему отечеству верно преданный человек. А сколько их было, таких же преданных, таких же безвестных на русской земле! Им посвящается этот замечательный фильм.

СТЕПНЫЕ ГОЛОСА

Иван ФЕДОРОВ

РУЧЕЙ

Не знаю я, не подглядел,
как он родился в тишине,
но слышал я, как он запел
на голубой своей струне.

Он желудь пробудил от сна,
траву густую оросил,
вербине влаги дал сполна,
дубку прибавил сил...

Дубок растет,
шумит листвой —
мужать ему здесь триста лет!

Пусть небольшой,
но добрый
свой
ручей оставил след.

* * *

Снега пламенеть начинают
при утренних зорях,
и текут, и поют —
это значит весна!
И текут, и поют,
и мечтают о море,
снится им ширина,
снится им глубина.

И ручьи превращаются
в быстрые реки,
ну, а реки впадают
в большие моря...
Иль поют, иль текут,
иль врываются с воем в отсеки,
и срывают с судов боевых якоря.

Так и мой ручеек набирается силы,
он назад не бежит,
он вперед держит путь,
ищет тропку свою
и до самой могилы
не захочет нигде и на миг
отдохнуть.
Чтобы к морю донесть
свои добрые капли,
будет биться с преградой
один на один...
А без мелких ручьев
наши реки давно бы иссякли
и не стало б на свете
широт и глубин.

Снега пламенеть начинают
при утренних зорях,
и текут, и поют —
это значит весна!
И текут, и поют,
и мечтают о море,
снится им ширина,
снится им глубина.

ТРАКТОРИСТ

Грачи и те ходить устали
по зяби вязкой и сырой.
Заволокло дождями дали,
а ты в степи,
ты держишь строй.

Осипший ветер...
Не впервые
ему свистеть и выть во мгле...

Но громко струны дождевые
поют о хлебе и тепле.

ЛЕСНАЯ ПОЛОСА

Не для забав, не для красы
стоит лесная полоса...
Здесь бури пробуют басы,
ломают ветры голоса.

Идут снега,
метут снега
и обнимают землю-мать.
Чтоб вдаль не сдула их пурга,
здесь полоса должна стоять
и бой держать.
Суровый бой,
чтоб наше доброе зерно
могло подняться над землей.

МАСТЕР

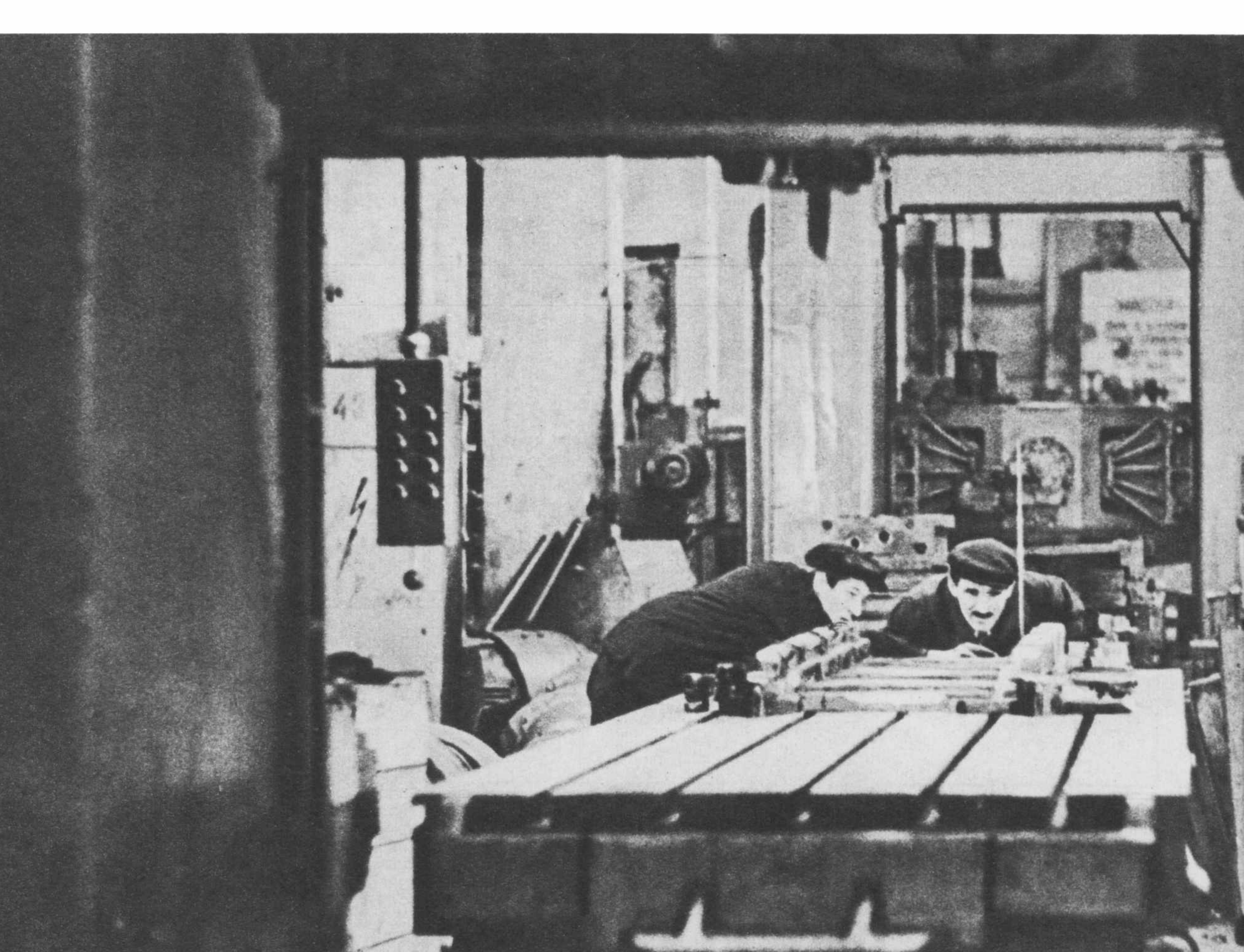

Фото А. УЗЛЯНА.

Станкостроительный завод имени Кирова в Минске... Мощная машиностроительная промышленность выросла в республике.

Мы пришли на собрание в первый механический цех завода. Это было самое обыкновенное собрание, на котором велись обычные разговоры о непременном графике и ритме в работе. Имя коммуниста мастера цеха Александра Антоновича Давыдовского называлось чаще других и называлось с уважением и почтением. Мы попросили начальника цеха Леонида Федоровича Гончара познакомить нас с мастером. Леонид Федорович горячился:

— Как хотите, дорогие товарищи, но Давыдовского оставьте в покое. Вы его выбьете из колеи на день или еще больше. А он в цехе так необходим, что ему и на час нельзя отвлечься от дела...

Начальник цеха еще долго убеждал нас найти «другую кандидатуру», но чем больше он рассказывал о Давыдовском, чем убедительнее говорил о его особой роли в жизни цеха, тем тверже становилось наше решение рассказать об Александре Антоновиче. Давыдовский оказался тем настоящим мастером не по званию, а по своей сущности, той важнейшей фигурой на производстве, без которой, как без старшины в роте, не обойтись.

...На другой день, хотя и пришли рано, мы уже не застали Александра Антоновича в конторке. На его столе чертеж, логарифмическая линейка и защитные очки.

В еще тихом, по-утреннему безлюдном цехе мы увидели Александра Антоновича, проходившего между станками. Цех оживал, быстро наполнялся движением и рабочим шумом, который не смолкал до конца дня.

Напрасно беспокоился начальник цеха: мы не посмели отвлекать Александра Антоновича от его дел. Но весь день фотообъектив следил за мастером, и потом мы диву давались, как разнообразен и плотен обычный будничный день мастера цеха.

Строгальщику Ивану Гаврилову мастер помог установить «стол» без перекосов — дело сложное. А потом, как бы невзначай, завел разговор с ним о том, что теперь, после десятилетки и двухлетней работы на заводе, пора подумать и об институте.

А вот Давыдовский сам советуется с ветераном завода расточником Павлом Игнатьевичем Пугачем. Старый рабочий скоро уходит на пенсию. Всю свою трудовую жизнь он провел на родном ему Кировском станкостроительном; всю жизнь, кроме военных лет, когда на груди его засверкали две Красные Звезды, орден Славы, медали «За отвагу».

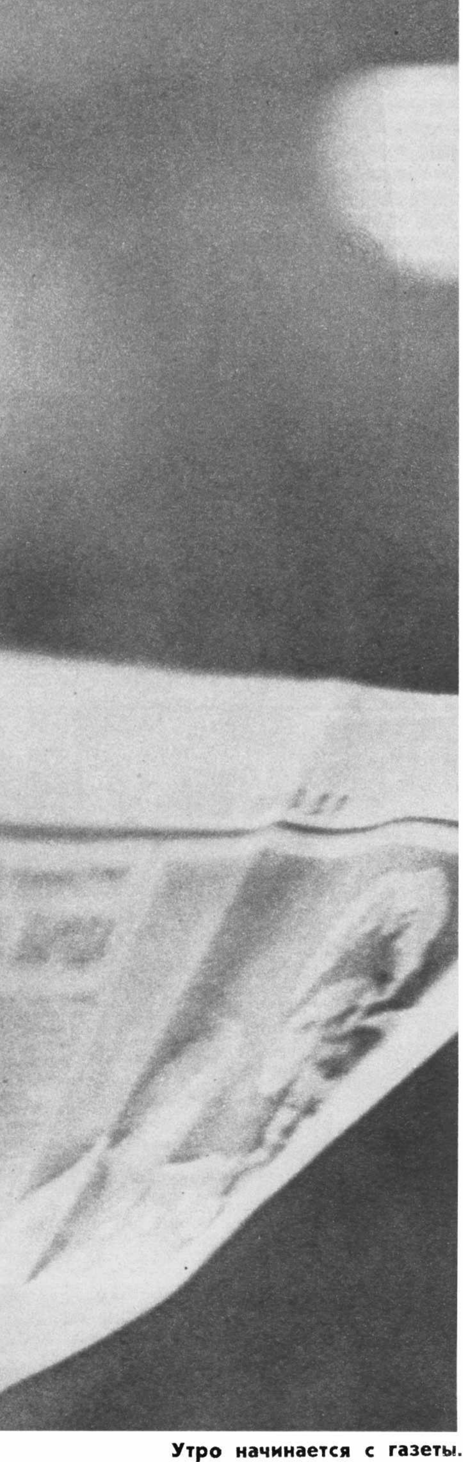
Мастер — душа цеха. Время от времени цеховые интересы заставляют Давыдовского побывать и на соседних производствах и в других заводских службах. В соседнем сборочном цехе, например, главный инженер завода Марат Климентьевич Гороховик решил на месте обсудить результаты нововведения и решил узнать мнение начальников цехов и Давыдовского.

Создавая новый протяжной станок, конструкторы допустили небольшой просчет. А когда заготовка поступила в цех, мастер сразу заметил это упущение и вместе с технологом — в конструкторское бюро. Что ж, ведущий конструктор согласен: «Ум хорошо, а три лучше!»

Так весь день.

«Как белка в колесе»,— говорит Александр Антонович. А сам доволен, и по глазам его видно, что другой, спокойной, судьбы не желает, что в этих бесконечных волнениях и хлопотах и заключены смысл и радость его жизни.

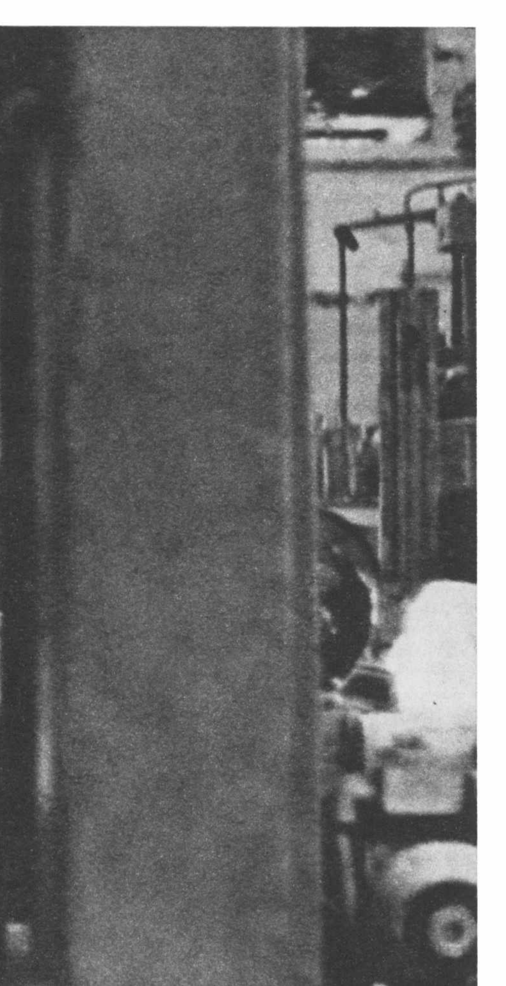
В. ПОНОМАРЕВ

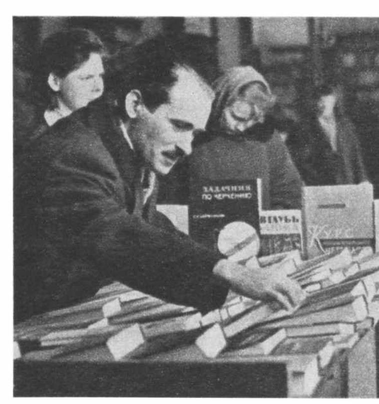
Утро начинается с газеты.

Конструктор Леонид Хурсик и мастер держат совет.

◀ Ивану Гаврилову Давыдовский помог установить «стол».

С получки.

Вечером — театр...

Когда организовалась рыболовецкая артель, пришел конец такой жизни. И по первости Изгина мучила потаенная тоска по вольным переездам. Каждодневная многолетняя работа в колхозе приглушила эту тоску. Но в последние годы вновь заговорил властный зов тайги. А старику все реже и реже удавалось потешить свое сердце радостью дальних странствий. Старость и болезни держали его в четырех стенах темного, приземистого дома.

И заметили люди: у старика появились странности. Ни с того ни с сего Изгин переставлял в доме нехитрую мебель. Высокий русский стол, обитый потрескавшейся, выщербленной клеенкой, переносил от окна к глухой стене, низкий стол — пырш — перетаскивал к нарам, менял местами толстые чурбаки-сиденья.

Не знали люди, что после таких перестановок в доме убийственная тоска по странствиям хоть ненадолго, но заглушалась: перестановка мебели создавала иллюзию смены мест, переездов.

В нынешнюю весну перестановки так участились, что замученный длинноногий стол стал жалобно скрипеть. И, чтобы не расшатать его окончательно и как-то отвадить себя от этой неодолимой потребности, старик прибил большими гвоздями ножки стола к полу.

Шли дни. Долгожданная осень медленно вступала в свои права. Нгаски-ршыхн — чересхребтовый ветер, дующий с материка, стал настойчивым и до дерзости властным. Он взбеленил залив, который долго и упорно бил в берег гривастыми волнами, будто зная, что отсюда ему суждено застывать.

Как-то утром привычно пропела дверь, вместе со светом в глаза ударили силуэты лодок, но за ними старик не увидел живого плеска воды. Как глаза мертвеца, холодно мерцала тусклая полоса. Старик облегченно вздохнул: скоро...

А пока он займется промыслом нерпы. Осенью нерпы не уходят в море: в заливе достаточно пищи. Они просасывают тонкий лед и дышат через отдушины. Иногда выходят на лед. Тогда их далеко видно на ледяной пустыне.

Еще несколько дней стужи — и по заливу можно будет ехать. Изгин заточил легкий гарпун, подтянул ремни на нарте, обрубком лесины подпер дверь, чтобы бродячие собаки не проникли в коридор, и первым в селении открыл сезон дороги. Откормленные собаки рванули и понесли Изгина к острову Нга-Марф. По целине еще не сбитого ветрами снега четко обозначились две узкие полоски — след Изгиновой нарты. Попарно привязанные к потягу собаки мчали легко и споровисто. Над заливом взлетела длинная, горячая песня полозьев. Впереди упряжки, соединенный с потягом длинным постромком, резво бежал передовик Тынграй. Он знал, куда его направил хозяин. Каждую осень Тынграй ведет упряжку на остров. Там его и всю упряжку ждет свежее нежное мясо нерпы. Старик не командует собаками: передовик отлично знает дорогу.

Вдруг Тынграй резко бросился в сторону. Упряжка с визгом пошла за ним. Изгин не остановил нарту, а только слегка притормозил. Тынграй, суматошно тыча носом, стал разгребать чуть приметный бугор. Под тонким снегом ворочалась черная вода. Отдушина! Обрадованный старик не по возрасту ловко спрыгнул с нарты и отметил отдушину веткой ольхи, прихваченной на всякий случай. Нерпа этой отдушины, по нивхским обычаям, уже имеет хозяина. Теперь даже если кто-нибудь добудет ее, обязательно отдаст хозяину отдушины.

Скосившаяся бревенчатая изба припорошена свежим снегом. Она дохнула на хозяина холодным сумраком. Изгин внес меховую постель, юколу для себя и собак, кастрюлю и другие вещи. Затопил железную печку сухими прошлогодними дровами, что аккуратно сложены у стены.

...Изгин проснулся с мыслью: не проспал ли? Было темно и холодно, избушка остыла за ночь. Маленькое окно — будто грязный листок бумаги: начинался рассвет. Старик приподнялся на локтях, старость больно отдалась в позвоночнике. Кряхтя поднялся и разжег печь.

Позавтракал юколой и вышел. Солнца еще не было, но даль хорошо проглядывалась. Старик от радости вздрогнул: на белой, как простыня, поверхности залива чернели три крупные точки. Это нерпы. Сегодня первый день охоты по замерзшему заливу. Старик надел белый маскировочный халат, взял озмырш — изящный гарпун — и мелкокалиберную пятизарядку и спустился на лед.

Изгин долго целился. Нерпа взмахнула ластами, красиво изогнулась и ушла в отдушину, будто пронзила лед. Капли крови на снегу говорили о легком ранении.

— Эх-хе-хе-е-е!..— только и сказал Изгин.

Вторую нерпу, маленькую, взял. Третья не подпустила на выстрел. Неудача не огорчила охотника. Чего хорошего ждать, когда он не соблюдает даже самых простых обычаев! Ведь перед охотой надо было задобрить хозяина моря Тол-ызна. Старик отругал себя за поспешность.

Вернувшись в избу, Изгин вытащил из мешка кулечек с рисовой крупой, которую прихватил не для того, чтобы после охоты баловать себя душистой кашей или наваристым бульоном, а специально для жертвоприношений. Отсыпал горсть крупы, выложил из пачки несколько папирос, что предназначены для той же цели (Изгин не приучил себя к папиросам, курит махорку в трубке), и не поленился сходить за целый километр к отдушине.

— Будь благожелателен ко мне, дряхлому старику. Угостил бы тебя, да нечем: беден я,— сказал, мягким жестом бросая в воду приношения.

Изгин больше месяца не ел свеженины. Потому, не откладывая надолго, ловко разделал нерпу, закусил сладкой печенкой. Сварил и съел нежную грудинку. Собак тоже не обидел — дал им вареную требуху с кровью. Голову нерпы обсосал и закопал под обрывом — пусть другие нерпы не думают, что Изгин дурно обращается с их сородичами.

За последующие два дня старик добыл только одну нерпу.

«Ничего,— успокоил он себя,— только начало охоты».

Как-то, поднимаясь с залива на берег, Изгин заметил: под обрывом в снегу замельтешил рыжий хвост. Неужто лиса? Чего это она подошла прямо к избе? Да и собаки рядом. Лиса вынырнула из снега, в зубах голова нерпы. Это была молодая, совсем светлая лиса. Она тонко тявкнула на человека.

— Дура! — ответил человек.

Лиса, дразня собак, помчалась прибрежными буграми.

Следы лис стали попадаться часто. Но старик не обращал на них внимания: мех еще недостаточно вылинял. Да и охота на этих прекрасных ходоков — большая трата сил. А старик уже не может долго стоять на лыжах.

В пятое утро вышел Изгин из своей избушки и так и замер: семь нерп лежало на ледяном панцире залива. К первой подкрался близко, но она успела уйти в отдушину. Другие нерпы лежали в отдалении и не могли заметить человека в белом халате. Старик решил подождать. Если у нерпы нет второй отдушины, она через несколько минут высунет нос, чтобы вдохнуть воздух.

Так и есть. Вода запузырилась, забулькала, и показался буроватый усатый нос. Изгин с силой вонзил в него гарпун. Нерпа рванула и сдернула наконечник гарпуна с древка, но ремень, связывающий их, не дал ей уйти. Ремень натянулся, зазвенел тетивой тугого лука, с него бусинками брызнула вода. Нерпа неистово вырывалась, но жало наконечника с открылками прочно засело в слое жира под кожей. Изгин с трудом подтянул упорствующую нерпу, коротко и хлестко ударил палкой по голове, вытащил на лед.

Ко второй подкрался близко и тут увидел — она без головы. А следующая нерпа была с разодранным горлом. Чистая работа. Это мог сделать только Он. Да, да, Он. Это его манера работы. Старик обрадовался тому, что у его друга клыки еще сильны.

Он, конечно, знает, что Изгин одряхлел и очень нуждается в его помощи. Он явился ночью. Как всегда, мастерски подкрался к нерпам и ударами клыков умертвил их. Это Он приготовил подарок своему давнишнему другу. Сам же, должно быть, сейчас отдыхает в буграх острова.

Полдня Изгин занимался тем, что возил дары друга и варил пищу себе и собакам.

После крепкого чая, по обыкновению, должен был прилечь отдохнуть, но волнение от встречи со старым другом выгнало его из избушки. А он-то боялся, что больше не увидит Его. Вышел на залив, нашел след. Старик узнает Его среди тысячи лисьих следов. Он крупный, как у ездовой собаки. Старик пригнулся над ним. Когти притупились, почти не обозначились на снегу. Да, стар. Эта зима — последняя зима старого друга. Такова воля природы. Изгин лишь ускорит его конец. Чего ему зря мучиться?

Восемь зим назад в это время и в этом же месте они впервые встретились. Как-то днем Изгин рассматривал в бинокль поверхность залива и вдруг заметил: с Лесистого мыса оторвалась черная точка. Она пошла прямо на Нга-Марф. Точка превратилась в длиннохвостую собаку. «Наверно, сука»[1], — решил

Окончание. См. «Огонек» № 14.

[1] Нивхи обрубают кобелям хвосты.

Изгин. Сука пробежала мимо него в нескольких шагах, и только тогда Изгин распознал в ней черно-бурого лисовина. Схватил ружье, но зверь скрылся за ропаком. А спустя минуту старик уже радовался, что не убил дорогую лису.

Когда Изгин был молодым, каждый род нивхов имел свои охотничьи угодья. У отцов Изгина было большое урочище за Лесистым мысом. Летом и осенью там собирали ягоду и орехи, зимой охотились на соболя. Но главным богатством считались черно-бурые лисы. Лисят выкапывали из нор и держали в поселке. Тогда чуть ли не у каждого дома можно было видеть маленькие хатки. Тонкий лай лис перемешивался с грубым лаем нартовых собак. И этот хор можно было услышать почти

ПОВЕСТЬ

Вл. САНГИ

Гравюры А. Брусиловского.

во всех нивхских селениях. На племя оставляли несколько нор лучших чернобурок. Чувствуя покровительство человека, звери не уходили из урочища. Со временем нивхи перестали держать лис. И никто уже не интересовался теми норами. Одна из причин — норы расположены далеко от поселка.

С некоторых пор охотники стали замечать, что помеси черно-бурых и рыжих лис — крестовок и сиводушек — стало больше. А потом у промысловиков появились дальнобойные ружья. Охотники преследовали дорогих зверей и выбили почти всех. Бывали зимы, когда чернобурок не встречал ни один охотник с побережья. Вот как мало стало их!

Когда Изгин впервые увидел лисовина, охотником овладело такое чувство, будто он встретил единственного брата. Наверно, это потомок чернобурок Лесистого мыса. Где-то глубоко в душе, волнуясь и радуясь своему возрождению, шевельнулось придавленное толстым слоем времени чувство — чувство хозяина и покровителя. Первая мысль была: как бы лисовин ненароком не нарвался на выстрел какого-нибудь охотника!

В течение зимы Изгин и лисовин встречались несколько раз. Человек отгонял зверя от косы, по которой ходили охотники. Лисовин уходил спать в сторону Лесистого мыса. Его переход на залив и косу лежал через Нга-Марф. При каждой встрече радость наполняла душу Изгина, и он разговаривал с лисовином, как с родным. А тот, отбежав немного, садился, рассматривал его и, оглядываясь, медленно уходил.

Лисовин перестал бояться Изгина. И не надо, умница! Знай свое дело — размножайся.

Несколько раз лисовин попадал в облаву охотников, но каждый раз перепрыгивал через флажки и уходил, дразня стрелков богатым пушистым хвостом. Он крупный и сильный. О нем в селениях ходили легенды и поверья. Будто это не лиса, а какой-то дух, обиженный на кого-то. Он, превратившись в дорогую лису, показывается людям, чтобы напомнить о себе.

В феврале, во время гона, он водит целую стаю самок. Другие самцы боятся его: уж очень сильны челюсти черно-бурого, а удар широкой грудью может любого сшибить с ног. А в следующую зиму охотники добывали крестовок и сиводушек. И никто не знал, что надо благодарить не Курна[1], а Изгина. Изгин же от этой доброй тайны испытывал неописуемую радость.

С годами спина лисовина все больше и больше седела. И уже на шестую зиму его плечи сплошь заискрились серебром, и шкура лисовина стала дороже, чем шкура самого темного соболя.

Лисовин — прекрасный охотник. За утро с ходу убивал не одну заспавшуюся нерпу. Он без труда мог зарезать оленя-нялака[2]. Его добычу подбирал вместе с лисами и Изгин. И усердно благодарил прекрасного охотника. И еще старательнее следил, чтобы лисовин не ходил на косу.

И в прошлую зиму Изгин видел своего старого друга. Тогда Изгину стало не по себе. Лисовин потерял гибкость, так красившую его, позвоночник огрубел, провис, шаг потерял изящную размашистость, задние лапы не ложились во вмятины от передних, великолепный чок — округлый единый след от передней и задней лап — был потерян, и след получался какой-то размазанный. Изгину стало больно от мысли, что и его друга настигла безжалостная старость. Она чертом вошла в некогда могучее тело и изнутри верно и настойчиво подрывала его. Теперь Изгина беспокоила другая мысль: лисовин подохнет где-нибудь в тайге, и никто так и не оценит редкостную шкуру.

В марте прошлого года состоялась последняя встреча. Март — это время гона. А лисовин был один. Наверно, он уже не самец, с болью подумал старик, но не стал стрелять: шкура линяла.

Вскоре охотник слег и только к лету встал с постели.

В эту осень один из охотников на позднюю утку рассказывал, что видел молодую бурую лису. Хотя она не успела надеть «выходную» шкуру, можно полагать, что это крестовка. Неужели это потомок лисовина? Неужели он еще может продолжать свой дорогой род? Чувство, похожее на надежду, вселилось в душу Изгина и стало тревожить и звать в дорогу. Но силы...

Старика все лето мучила мысль: станет ли он на охотничью тропу? Кое-кто в селении поговаривал, что старик отправил на пенсию свое охотничье сердце. Но больнее всего было самому признаться в этом. «Я еще покажу, на что способен!» — сказал он самому себе.

Двенадцать нерп — немалая добыча.

Тяжело груженная нарта с трудом дотащилась до поселка.

Изгин остановил нарту у своего дома, закрепил ее остолом, начальный конец потяга с передовиком Тынграем привязал к колышку и, отодвинув обрубок лесины, толкнул дверь. Он остановился от неожиданности. В стороне, у стены лежала большая мерзлая нерпа. Старик понял: эта нерпа из отмеченной им отдушины. Нивхи строго соблюдают добрые обычаи. Но кто добыл эту нерпу? К вечеру старик получил ответ — на чай явился Залгин.

То ли продуло по дороге, то ли остыл во время ожидания нерп у отдушины, но стоило ему попасть в тепло, как старика стало разламывать. Ныли все суставы. Не спалось. Только тяжелая дрема смежит веки, как ноющая боль в позвонке заставляла его вздрагивать. По ночам просыпался мокрый, замучил пот.

Теперь старик целыми днями лежал на оленьих шкурах поверх низкой полати и смотрел на огненный живой глаз — кружочек в дверце горящей печи.

Тут забуранило на неделю, и старик радовался: не надо подниматься с постели. Его навещали родственники, друзья-старики. Приносили гостинцы: мягкую юколу из тайменя и свежий топленый жир нерпы. При посетителях он старался держаться бодрее.

Прошел буран.

Но старик не поднялся. Он пролежал до большого февральского бурана и встал лишь тогда, когда над миром установилась морозная, до звона в ушах тихая солнечная погода.

Старик торопился. Неизвестно, что будет через несколько дней. Может быть, его снова повалит болезнь. А пока чувствует себя вполне сносно. Скорей в тайгу!

Но у него нет широких лыж. Изгин попросил их у старика Тугуна, который уже два сезона не становится на лыжи, но хранит охотничьи принадлежности — память о былой славе.

— Зачем тебе мои лыжи? — еле веря в услышанное, спросил Тугун.

— Я похожу по тайге,— тихо ответил Изгин.

— Ты же не оправился после болезни,— сказал Тугун, а сам подумал: «Старость — такая болезнь, от которой не оправляются».

— Я хорошо чувствую себя. Дай лыжи. Я похожу по тайге. — Голос Изгина дрожал, срывался. Было похоже, что это — его последнее желание.

...Лесистый мыс остался за спиной.

Звериный инстинкт подсказывал: нужно идти гуськом. Но мешал потяг — прочная, сплетенная из тонких веревок бечевка, к которой привязаны собаки попарно. И собаки тонули в рыхлом снегу на глубину своего роста.

Со стороны казалось: по снегу скользит цепочка стройных острых ушей, а за ними — полчеловека... Тяжелее всех Тынграю: ему пробивать дорогу.

А каюр спешил. Надо успеть засветло добраться до каменистых россыпей.

— Та-та!

Собаки дружнее налегают, постромки упруго гудят. Но через несколько минут упряжка снова сдает. Из груди, сдавленной широким ремнем-хомутом, с тяжелым свистом вырывается воздух. Языки провисли на добрую ладонь. Болтаются, как мокрые тряпки. И с них обильно капает жидкость

Упряжка на ходу беспрестанно хватает снег, жадно глотает.

И вот она совсем стала. Собаки виновато оглядываются на хозяина; их верные глаза говорят: «Сейчас мы снова пойдем, дай только немного передохнуть».

— Та-та!

Упряжка пошла. Медленно и трудно. Она огибала лома — нагромождения поваленного леса, обходила придавленные невзгодами суковатые деревья. Иногда какой-нибудь пес попадал под лежалый ствол, исчезал в снегу с головой. И каюр останавливал нарту: пока пес выкарабкается из рыхлого снега, совсем выбьется из сил.

День пошел к исходу. А до россыпей еще далеко.

Охотник в этих местах впервые, держит направление еще по указанию отца, сделанному, когда Изгин был в возрасте посвящения в охотники: кончится марь, пойдут отроги, что на расстоянии двух дней быстрой ходьбы после понижения переходят в отвесные горы. До гор не доходить. Идти долиной маленькой речки. Слева и справа долина перерезается несколькими распадками. Выше она сужается. На расстоянии полутора дней ходьбы отроги, что идут по правую руку, обрываются, и поперек твоему ходу поднимается Округлая сопка с обвалившимся склоном. В этих россыпях раньше было обиталище чернобурок. За сопку лисы не заходят. Там поперечная расщелина покрывается глубоким снегом. В нее ветры не проникают, и снег всю зиму лежит рыхлый. Звери не любят эту расщелину.

Лисы отвоевали долину речушки, что берется у основания Округлой сопки, и жируют в ней круглый год, благо в долине много пищи: кедрового ореха, ягоды, мышей, боровой дичи — глухарей и рябчиков. В речушку большими косяками входит летом горбуша, а осенью — кета. Рыба мечет икру. А после, дохлую, ее выносит течением на песчаные мели.

— Та-та!

Собаки идут шагом. Слышен хрип, как будто на горле собак сомкнулись челюсти медведя.

Охотник становится на широкие лыжи и вы-

[1] Курн — всевышний.
[2] Олень-нялака — двухлеток.

ходит вперед. За ним — упряжка с пустой нартой.

Справа показался распадок, заросший густым невысоким ельником. Возможно, лет пятьдесят назад здесь прошел пожар, и деревья не успели вытянуться.

Уже сумрак заметно опустился на тайгу. И под кронами пихты и ели — тени. А отроги тянутся, тянутся, и конца им не видно.

— Порш! — тихо и как-то безразлично, будто покорившись неопределимости пути, командует каюр.

Собаки тут же залегли. Их бока вздымаются часто-часто, как маленькие кузнечные мехи. Собаки жадно глотают снег.

— Вам очень жарко. Замучил я вас, — как бы извиняясь, говорит каюр.

Те в ответ благодарно виляют обрубками хвостов.

Каюр не стал привязывать нарту к дереву: уставшая упряжка без причины не сойдет с места, — закрепил одним остолом.

Огляделся по сторонам. Высокие темные тучи набросили на землю мглистую тень. У горизонта морозно алела узкая, как лезвие охотничьего ножа, полоска. Тихо. Погода вроде бы не изменится.

Редкие прямоствольные лиственницы вынесли оголенные ветви до самого неба. На сучьях снег, будто кто-то невидимой рукой разложил по толстым ветвям ломти тюленьего сала. Тайга отрешенно и спокойно бормочет свои вечные слова. Похоже, что великой тайге совершенно безразлично, кто вошел в нее: зверь ли, птица ли, человек ли.

Сумрак густел на глазах.

Старик поводил плечами и поясницей, изгоняя озноб, неслышно вошедший в его несильное тело и овладевший им. Когда руки немного отошли, схватил топор и пошел выбирать сухое дерево. У старика строго-настрого заведено: в любых условиях не отказывать себе в горячем чае.

Нарубил сухих сучьев, повалил две нетолстые сухостойные лиственницы, перетаскал к нарте. Для растопки содрал с деревьев бороду — лохматый лишайник «бородач».

Через несколько минут бойко затрещал сухой бездымный костер. Старик туго набил снегом обгорелый чайник и подвесил его над костром.

Чай пусть себе варится, нужно накормить собак. Старик отрезал кусок сала величиной с пол-ладони и, подцепив кончиком ножа, бросил ближайшему псу, высоконогому Аунгу. Тот на лету поймал предназначенную ему порцию. Второй кусок перелетел через голову Аунга и угодил в пасть жадному вислоухому Мирлу. Через несколько минут вся упряжка закусила мороженым салом, после чего грызла мясистую юколу.

Вскоре поспел кипяток. Старик опустил щепоть чая в поллитровую алюминиевую кружку, достал из мешка вареного мяса, немного хлеба и стал жевать в задумчивости.

Горящие угли тонко запели. Дух огня напоминал о себе. Старик отломил кусок хлеба и юколы, бросил в костер: вот тебе, добрый дух. Сделай, чтобы больному старому охотнику сопутствовала удача. Чух!

Когда старик закончил свою нехитрую трапезу, уже совсем стемнело. В небе кое-где бледно мерцали высвеченные костром звезды.

Пора спать. Обложил костер с двух сторон лесинами, наладил нодью — долгий таежный огонь. Нодья будет тлеть всю ночь. Рядом с лесиной выбил ногами яму в снегу. Положил на ее дно оленью шкуру и лег спиной к костру, мысленно попросив хозяина тайги, чтобы он послал ему удачу. Выбрал удобную позу, накинул на голову большой меховой воротник от оленьей дохи и глухо позвал:

— К'ка!

Собаки в упряжке привычно подошли к своему хозяину и тесно залегли вокруг него.

В эту ночь старику снился молодой, энергичный поэт.

...Едва развиднелось, а старик уже был на ногах. Высокие слоистые облака обложили все небо. Сквозь них слабо процеживался скупой свет нового дня.

Тихо. Уже второй день будто закрыли все ворота, откуда в любое время мог вырваться ветер и, радуясь своему освобождению, пронестись по свету.

Нодья почти вся сгорела, остались одни обугленные концы сушняка.

Человек набрал сучьев, нарубил тонкого сухостоя. И второй раз в этой огромной, дикой местности запылал маленький костер.

Откуда-то налетела стая таежных бродяг — мрачных остроклювых кедровок. Они расселись на ближайших деревьях и резким картавым криком будто спрашивали: чем бы поживиться?

Прилетели две маленькие черноголовые синицы. Сели на пенек, уставились бусинками глаз на костер и о чем-то между собой затенькали. Погреться прилетели. Так подсаживайтесь к огню. Всем тепла хватит у костра. Но синички повертели черными головками, невесомо вспорхнули на высокую пихту и стали прыгать с ветки на ветку, внимательно и зорко всматриваясь между хвоинками, — пташки вылетели на завтрак.

Горячий чай выгнал остатки стужи, которая, воспользовавшись сном старика, закралась под самое сердце.

Старик решил не мучить собак. Лес стал гуще, снег глубокий и рыхлый. Растянул упряжку на всю длину потяга, чтобы собаки не запутались в постромках, дал им мороженой наваги и немного сала (кто знает, сколько ему бродить по тайге) и стал на лыжи.

Тынграй и Мирл оторвались от корма: ты что, уходишь без нас?

Охотник оглянулся: уже вся упряжка недоуменно смотрела ему вслед. Старик налег на лыжную палку и быстрее заскользил между деревьями.

Рассыпающийся целинный снег мягко ложится под легкие охотничьи лыжи, обитые мехом нерпы. Радостная взволнованность ведет старого охотника вдаль.

...Лес поредел. И вскоре деревья раздвинулись.

Изгин пересек чистую низину, углубился в ольшаник. Старый охотник не сомневался, что идет по переходу лисовина. И действительно, между кустами, где снег не переметает, охотник наткнулся на тропу. И старое, уставшее от пережитого сердце вновь сообщило о себе, застучало радостно и взволнованно.

Последний, трехдневной давности след вел вверх по долине. Лисовин делал частые галсы в сопки. Но основная тропа вела в верховья речки.

На повороте от речушки Изгин вдруг наткнулся на лыжню. Она уперлась в тропу, дала несколько лучей в сторону и оборвалась: охотник вернулся своим следом. Судя по всему, здесь побывал опытный охотник. Только наметанный глаз Изгина мог заметить места, где расставлены капканы. Их четыре. Охотник был здесь позавчера. Надо обойти чужие капканы, нельзя мешать другому охотнику. Это нерушимый закон тайги.

Вдруг старик рассердился. Ведь черно-бурый лисовин принадлежит ему, Изгину. А тут кто-то другой покушается на его драгоценность. Но кто мог знать, что старик оберегает лисовина уже много лет? Кто знает, что дорогая шкура при желании давно бы украшала венец охотничьей славы Изгина? Охотник, поставивший капканы, конечно, не знал о намерениях Изгина. Получается, что Изгину нужно не мешать тому охотиться. От этой мысли стало не по себе. «У-у-у!..» — злится старик. К тому же он

ненавидит охотников, которые, поставив капканы, преспокойно сидят дома и пьют чай. «Ловись, зверь, ловись!» Изгин нервничает. «Э-э, не выйдет! Впрочем, чего я мучаюсь,— обрадовался Изгин.— Ты лови себе капканами, а я похожу по тайге»,— мирно и окончательно договорился старик с отсутствующим соперником.

Потянул слабый ветер. На полянах взметнулись струйки сухого снега. Они змейками ползли к опушке и исчезали в кустах. А в лесу тихо. Лишь лиственницы таинственно шушукаются своими верхушками.

Слева появился узкий, как щель, оголенный распадок. Лишь кое-где на его крутых склонах зацепился кустарник, теперь утопленный в снегу до ветвей. Вскоре старик заметил: справа отроги заметно понизились. Скоро!

Утром небо было светло-серым, сейчас оно стало мглистым. «Успею обернуться»,— успокоил себя старик.

А вон впереди за двумя излучинами долины — сопка.

Еще километра четыре, и начнутся бугры и россыпи — дом лисовина. В расщелинах — его норы.

Подходя к ним, Изгин нашел сегодняшние следы. Лисовин мышковал на пойме и вернулся к каменистым россыпям.

Тяжело переступая, старик поднялся на первый бугор. Оглянулся по сторонам — не видно лисовина.

Дорога утомила старика, хотелось сесть, привалиться к дереву и расслабить ноги, так долго служившие ему. Старику вдруг стало жаль своих верных ног. Пора им на покой. А он заставил их трудиться так много. Но надо осмотреть другие бугры. Да поспешай, погода что-то не нравится.

Изгин чуть не вспугнул того, кого так долго искал. На снегу под нависшими ветвями ольхи четко обозначился черный круг. От волнения старик чуть не присел. Сердце колотилось так гулко, что казалось, лисовин слышит его удары. «Он, конечно, знает, что я здесь,— думает Изгин,— но не уйдет. Он позволит мне взять его шкуру».

Метрах в двадцати от лисовина топорщится куст кедрового стланика. Отличное укрытие! Подход удобный. Изгин стал подкрадываться. Нагнувшись до ломоты в спине, он медленно и мягко переступал широкими лыжами. Мех, которым обиты лыжи, смягчал шорох. Рыхлый снег глух и скрадывает звуки движения. Лисовин, не шевелясь, дважды поднимал уши, прядал ими. Изгин останавливался и старался не дышать. Наконец вплотную подошел к кусту и неслышно положил ствол ружья на ветку. Не нужно спешить. Нужно сперва успокоить сердце.

Лисовин хорошо виден. Отдохну и тогда буду стрелять. Вдруг в старике, казалось, очень некстати, что-то поднялось и запротестовало. Нет, он не будет стрелять в спящего лисовина, который так щедро дарил ему нерп и оленей. Стрелять в спящего зверя нехорошо. И притом Изгин так соскучился по другу, что ему непреоборимо хотелось увидеть старого друга во всей его красоте. Хотелось поднять его, посмотреть живого в невиданной шкуре и тогда уже...

Рядом с лисовином — несколько чашеобразных вмятин. Видно, это — его любимое место отдыха. Нет, в спящего зверя Изгин не будет стрелять. Рука не подымается.

Как бы угадав желание человека, лисовин поднял голову, невозмутимо зевнул. Озираясь вокруг, потянул воздух. Встал на толстые лапы и встряхнулся. По всей спине от головы до хвоста пробежала серебристая пересыпь. Изгину даже явственно послышался звон — будто рассыпались серебряные деньги.

Лисовин сейчас будет купаться в снегу. Так и есть. Он вытянул морду, подогнул передние ноги, оттолкнулся задними и проехался на брюхе. Затем перевернулся на спину, перевалился с боку на бок, покатался, встал и встряхнулся.

На лисовине дорогая шкура. Такую Изгин ни разу за свою долгую жизнь не видел. Вот она. Уже в руках Изгина. Такая добыча — мечта охотников всего света. Славный конец охотника!

Перед тем, как нажать на спусковой крючок, Изгин еще раз внимательно оглядел друга. Он стар. Уже не нужен природе. Все равно умрет где-то в тайге, и его съедят другие звери.

Изгин убедил себя, что убийство столь дорогого зверя оправданно. Пусть послужит своему другу и покровителю в последний раз.

Изгину стало несколько неловко, когда он поймал себя на мысли: о нем напишут в районной газете! Может, сфотографируют. А что? Пусть пропишут в газете! Пусть все узнают о неслыханной шкуре! Пусть все узнают, что лучший охотник — это Изгин. На закате жизни Изгина посетит большая охотничья слава.

Старик снял с правой руки мягкую рукавицу из нерпичьей кожи, приник к прицелу и спокойно положил палец на холодный спусковой крючок. Глубоко вздохнул, медленно выдохнул, задержал дыхание. Мушка направлена точно в голову зверя. Сейчас выстрел громко известит мир о неслыханном успехе старого охотника Изгина.

И вдруг — будто пламя из охотничьего ружья. Изгин вздрогнул и поднял голову. Красная молодая лиса вылетела из-за куста, играючи прилегла перед красавцем лисовином. Гибко и упруго виляя хвостом, она обошла лисовина вокруг. Изогнувшись, рыбой взметнулась перед его носом. Лисовин, как бы отбиваясь от нахлынувшей напасти, поднял переднюю лапу. Его толстый пушистый хвост заходил кругами. Это был свадебный танец.

«Ты еще можешь!» — изумился охотник. Его руки вяло опустились.

Лиса, извиваясь в страстном танце, звала лисовина. Лисовин принял вызов. Резвясь, они скрылись вдали.

«Пусть поживет до следующей зимы»,— спокойно подумал Изгин. Но тут же испугался своей дерзости.

Он повернулся как-то неловко. Резкая боль ударила в поясницу, взлетела по позвоночнику и вошла в голову. Вскоре голова набухла нудной болью. Глаза обволок туман. «Что это?» — почему-то безразлично и без тревоги подумал старик.

мрачневшее сознание старика. А руки продолжают делать свое.

Еще два раза слышал Изгин лязг металла. Четвертый капкан так и не нашел. Как же быть? Тогда к нему пришла простая мысль: нужно оставить запах человека. Ни один зверь даже близко не подойдет. И старик помочился на куст ольхи.

Усталость валила с ног.

Но вдруг старик забыл об усталости: его осенила пугливая мысль. Если бы кто-нибудь был рядом, то заметил бы: старик вдруг весь преобразился, его голова поднялась, он медленно повел ею вокруг, посмотрел сперва на неясный след лисовина, потом взглянул в сторону сопки, куда скрылись лисы, и замер в задумчивости. И неожиданно отчетливо сказал вслух: «Я еще вернусь сюда в следующий сезон». От этой дерзости старика передернуло.

И опять вспухла голова. И опять туман застлал глаза. И одолела старика страшная усталость, будто он только что завершил большой, отнявший у него все силы труд.

Но надо идти. Ветер упруго и настойчиво толкает в спину.

С неба валит крупный снег. Снежинки кружатся перед глазами, слегка завихриваются. Снег пушистый-пушистый. Мягко ложится на плечи, шапку и лицо. О-о, как много снегу!

Тонут широкие лыжи. Старик переступает с таким трудом, будто не снег налипает на лыжи, а свинец. Изгин жадно глотает воздух обсохшим ртом. Но воздух лишился живительной силы. Старик весь мокрый. А дорога еще длинная-длинная...

И вот видит: высоко выпрыгивая из снега и с головой проваливаясь в нем, скачет навстречу зверь. Скачет трудно, из последних усилий, скачет так, будто перед ним быстроногая добыча, которую он настигнет следующим прыжком. Старик обрадованно остановился, узнав в скачущем звере Тынграя. Умный пес, повидимому, забеспокоился в долгом ожидании хозяина. И, снявшись с ошейника, как всегда

Но одна мысль стала тревожно и настойчиво стучать в виски: там, на тропе, кап-каны! Там, на тропе, кап-каны!!

Старик несколько раз жадно схватил ртом морозный воздух, собрал остатки сил и, убедившись, что может идти, двинулся своей лыжней назад.

Началась поземка. Ноги подкашивались. Суставы скрипели, будто снег в мороз.

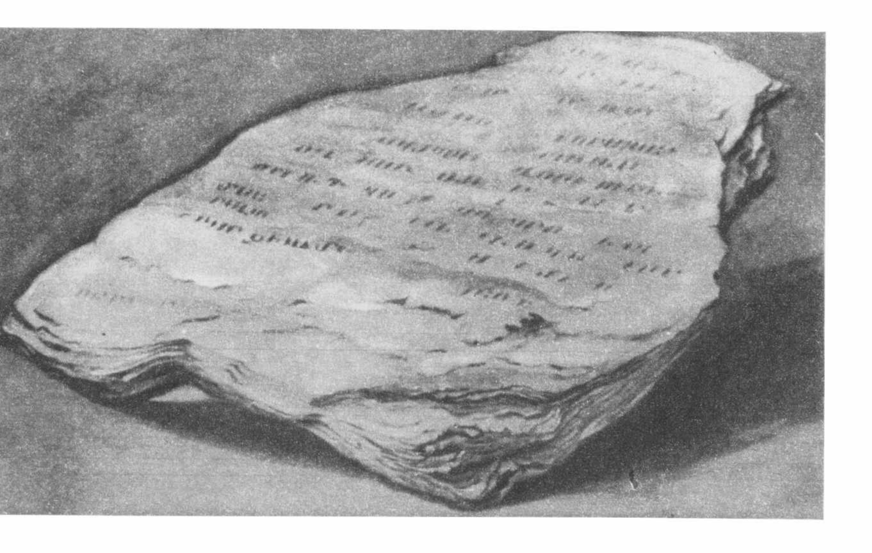
Вот и место ставки. Теперь невозможно найти капканы: замело. И старик стал наугад протыкать снег. Он устал от ходьбы, ожесточился и ошалело тыкал палкой в снег. Как сквозь полусон, услышал лязг металла. Сломал палку на месте прихвата челюстей капкана — сил не осталось разжать их. «Что ты делаешь!» — кричит кто-то. «Да, да, нельзя так»,— отвечает по-

он делает на длительных остановках, пошел по заметенному следу.

Тынграй в прыжке обдал хозяина комьями снега и, радостно повизгивая, завертелся у ног. У старика же не осталось сил приласкать собаку.

Собака нетерпеливо порывается вперед, останавливается, поджидает хозяина, возвращается к нему. Тынграй недоуменно и долго, не мигая, смотрит на хозяина. Что-то смутное и тревожное овладевает собакой, и Тынграй жалостливо и безысходно скулит. Изгин знает, почему волнуется его старый друг. Сквозь наплывший на глаза мутный туман он благодарно смотрит на собаку...

— Идем, Тынграй, идем,— с усилием выговорил старик...

Ким БАКШИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Орел и Меч

«Старые священные книги мудрости и поэзии продолжают жить здесь, как высохшие розы, полные еще незримых семян».
Пабло Неруда.

У каждого народа есть свой Кремль, свой Лувр, своя Долина пирамид. В Армении—это Матенадаран.

В него вступаешь, как в концерт. Сначала оркестр настраивает инструменты. Поднимаешься по розовостенной улице, и гремят трамваи, сигналит нетерпеливый шофер на перекрестке, как колодезный журавль, скрипит кран, несущий высоко в небе контейнер с кубами туфа, на соседней улице трещит отбойный молоток...

Выше в гору звуки отпадают один за другим. Остается оглушительное чириканье воробьев и гортанный крик ребятишек на ступенях плоской и пустынной лестницы.

Это звучит, как первая музыкальная тема. И вместе с ней, параллельно ей, возникает и с каждым шагом вверх усиливается торжественная мелодия Матенадарана.

Он величественно надвигается, нарастает, как крепость, как памятник. Его фасад на фоне гор — хоран, заглавная страница древней рукописи, одной из тех, что хранятся в нем.

Матенадаран — десять тысяч древних армянских рукописей и книг, от самой маленькой — весом 17 граммов — до самой большой — двухпудового пергаментного великана. Древнейшие листы написаны в пятом веке, задолго до крещения Руси, до завоевания норманнами Англии.

Вообще в Матенадаране все время сопоставляешь и сравниваешь. Так легче оценить бесценные книги, которые держишь в руках. Им больше тысячи лет. И еще задолго до них существовала литература на армянском языке — историческая, философская, научная. А в это время по Западной Европе волнами шли гунны, вечный Рим лежал в развалинах и для европейских народов все еще было впереди: и государства, и культура, и «Песнь о Роланде», и «Песнь о «Нибелунгах».

В 405 году Месроп Маштоц создал армянскую азбуку — 36 букв, которые употребляются и сегодня как заглавные, так называемые месроповы буквы. То, что сделал Маштоц и его ученики за немногие десятилетия пятого века, нельзя иначе назвать, как великий подвиг. И его значение тем более важно, что национальные школы, которые ученики Маштоца учреждали по всей стране, первые оригинальные произведения и среди них подлинные шедевры — все это создавалось в побежденной Армении, расчлененной между сасанидской Персией и Византией.

Так с первого момента своего возникновения армянская книга была не просто суммой сведений, записанных на листах пергамента и заключенных в переплет — «от доски до доски», не только средством распространения грамотности, культуры и т. д.— это был меч, которым народ боролся за свою независимость, за свою национальность. В Матенадаране хранится 18 списков книги историка Егише «О Вардане и войне армянской». Она писалась по горячим следам восстания армян и грузин против поработителей, ее автор — потрясенный свидетель Аварайрского сражения, в котором персы бросили в бой слонов. Он оплакивает гибель Вардана Мамиконяна — спарапета, вождя восставших.

Книга Егише, созданная «без дистанции времени», в течение многих столетий звала народ на патриотическую борьбу с захватчиками. И сейчас она вдохновляет.

Поколения историков, начиная с Мовсеса Хоренаци (V век), автора знаменитой «Истории Армении», оставили неоценимые, нигде более не встречающиеся сведения о Закавказье, Иране, Византийской империи, Индии, об арабах, сельджуках, монголах. Мовсес Калантуаци пишет в девятом веке: «Нагрянул с Севера народ, который называют Русскими, которые не более чем три раза, подобно вихрю, распространились по Каспийскому морю...»

Уникальна коллекция Матенадарана. Некоторые сочинения древнегреческих философов, переводы с сирийского, старофранцузского существуют только здесь, только на армянском языке: их оригиналы давно утеряны.

В древних трактатах Матенадарана содержатся гениальные научные догадки, зерна многих открытий.

Еще в седьмом веке ученый и мыслитель Ананий Ширакаци в своей «Географии» утверждает, что Земля имеет шарообразную форму, что Млечный путь — огромное скопление слабосветящихся звезд, что Луна лишь отражает свет Солнца и т. д. А потом были многие столетия поисков, заблуждений, великих научных открытий и технического прогресса, и подтвердились прозрения древнеармянского естествоиспытателя. А блестящая диалектическая догадка Ширакаци: «Возникновение есть начало уничтожения, а уничтожение есть в свою очередь начало возникновения. Ибо из этого безвредного противоречия мир приобретает долговечность».

На Руси при Владимире Мономахе служил «армянин родом и верою, хитр бе врачеванию». Познания армянских медиков, как свидетельствуют трактаты Матенадарана, были очень велики. В тринадцатом веке производятся анатомические вскрытия, отсюда точные сведения о строении человеческого тела. Некоторые лекарства, описанные в древних книгах, заинтересовали современных врачей и фармацевтов. Например, порошок «от кровотечения на поле боя». Очевидно, это—отличное, быстродействующее средство.

Книги по философии и праву, математике и космографии... Химические трактаты — как плавить золото, как приготовить краску,— и рядом с ними, словно подтверждение, неблекнущие буквы, немеркнущие миниатюры. С веками они делаются только чище и ярче. О качестве чернил свидетельствует окаменевшая книга. Ее обнаружили в пещере. Много столетий известковые воды

Научно-исследовательский институт древних рукописей: изучение, издание и лечение книг.

НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВКЛАДКЕ: действительный член Академии наук Армянской ССР Ашот Иоаннисян, член ученого совета Матенадарана.

1329

омывали и цементировали рукопись. Пергамент разрушился, чернила — нет: буквы словно высечены на камне.

Перед входом в Матенадаран есть барельеф: орел и меч. Мне объяснили: мудрость в руках народа — оружие против врага.

Почему эта рукопись была спрятана глубоко в пещере? А эта почему разрублена мечом? А эта обожжена? А на этой следы крови?..

Книги-погорельцы. Книги-инвалиды с вырванными страницами, вырезанными миниатюрами. Книги-гарибы, бродяги, скитальцы.

Они разложены на широком столе и еще на узком столике, приставленном к нему. Они громоздятся друг на друге, словно толпятся, спешат показать свои раны.

Если бы нужна была живая иллюстрация трагической истории Армении, она перед нами — история народных восстаний и поражений, коротких передышек, когда, словно тюльпаны в пустыне, торопливо расцветали культура и ремесла; и снова потоки крови заливали страну, и снова горели университеты, монастыри, города, тысячи армян покидали родину и увозили с собой как самое драгоценное — книгу.

Памятные заметки в конце древних рукописей. Короткие, торопливые, порой недоконченные, они как застывший крик: «О братья! Книга сия начертана в горестное и печальное время». И другой рукой: «Каллиграф был зарублен иноземцами. И один я, мирянин, спас эту книгу»... И еще: «Владыка Захарий дал ее в залог, а я, Семен Вардапет, за тридцать серебряных таньга освободил рукопись из рук захватчиков». И еще: пятна крови.

Книги, как воины, разделяли судьбу народа. Их сжигали на площадях, увозили в плен. В 1179 году во время нашествия сельджуков уничтожено 10 тысяч томов. Хан Ленктемур повелел спалить Татевский университет и сжечь огромную библиотеку.

Но армянский народ хранил в книгах свой язык и национальность, защищал историю и свое будущее. На месте разрушенных возникали новые книгоскриптории и книгохранилища-матенадараны.

Грич — переписчик книг — одна из драматических фигур армянской истории. Иованнес Манкасаренц (XV век) ослеп, переписывая книги «семьдесят два года подряд — летом и зимой, денно и нощно», как говорит об этом его ученик Закарий. Писец Унан ослеп, у него отсох указательный палец после сорока двух лет непрерывного труда.

Когда приходили враги, грич следовал за народом, взвалив на плечи кипу тяжелых листов пергамента, чернила, краски, книги и образец. И где бы он ни останавливался — продолжал переписывать.

В конце XI века на северо-восточном побережье Средиземного моря возникло Киликийское государство, основанное беженцами из Армении. Оно просуществовало триста лет и дало миру Тороса Рослина, человека, одаренного новаторским талантом.

Мы почти ничего не знаем о жизни этого удивительного художника. Современник Данте, он был, несомненно, одним из первых живописцев Ренессанса — его миниатюры исполнены весеннего жизнелюбия, просыпающейся радости бытия.

На страницах рукописей Рослина крадутся леопарды и барсы, вспархивают куропатки, идут северные олени, бесшумные, как привидения. Птицы, животные, цветы, травы сплетаются в веселый ковер. В миниатюрах Рослина сквозь мир фантастики средневековья виден взгляд художника, открывшего для себя реальный мир.

По-видимому, Торос Рослин пользовался натурщиками, когда писал святых. Его дева Мария — румяная армянская красавица, ангел — густобровый юноша с глубокими черными глазами.

Миниатюры «Чашоца» Гетума II, хранящегося в Матенадаране—шедевр: богатство орнамента и красок, изысканность письма, виртуозная техника, глубина образов.

Резиденция католикосов — крепость Ромкла, где работал Рослин, была неприступна, как скалы, на которых она была построена. Под защитой ее стен трудились художники и каллиграфы, росла библиотека. Казалось, мир прочен. Но Ромкла была разрушена мамелюками. Растоптаны ростки Возрождения. Драгоценные книги Рослина разделили судьбу тысяч своих собратьев: погибли или отправились в изгнание.

Много рук несло «Чашоц» Гетума II, много стран прошла эта книга, пока наконец попала в Научно-исследовательский институт древних рукописей — ереванский Матенадаран, где ее так бережно хранят, изучают и лечат.

В последние сорок лет «население» Матенадарана увеличилось в два с половиной раза.

Книги, как люди, возвращаются на родину.

Заглавные буквы киликийской рукописи 1288 года.

Сделано в шестом веке: резной слоновой кости оклад книги.

Хоран, заглавная страница (XIII век).

Торос Рослин (фрагмент миниатюры).

НАХОДКА

Персональная пенсионерка Елизавета Акимовна Киракозова — человек своеобразной судьбы: дочь терского помещика, жена крупного дельца, она в царское время оказывала немалые услуги революционному подполью Владикавказа и Петербурга, была знакома со многими замечательными людьми, встречалась с Сергеем Мироновичем Кировым.

Побывав ныне в Ленинграде, я разыскал 87-летнюю Киракозову. Беседовали о Кирове. Между прочим, Елизавета Акимовна рассказала, что осенью 1917 года она навестила родные края. И, возвращаясь из Владикавказа домой, в Петроград, ехала вместе с Кировым, тогда руководителем терских большевиков, направлявшимся на исторический II Всероссийский съезд Советов. Поезд прибыл в столицу вечером, и Киракозова пригласила Сергея Мироновича к себе, на Фонтанку.

Появился он дня через два, веселый, возбужденный. Елизавета Акимовна пожурила его за то, что не давал о себе знать в это тревожное время. Сергей Миронович усмехнулся:

— За нас теперь беспокоиться нечего: большевиков бог не выдаст, черт не съест.

Ни словом не обмолвился он о том, что стал участником великой революции, жарких боев за большевистскую власть.

Покидая Петроград, Киров вновь заглянул к Киракозовой, но не застал ее дома и оставил записку.

— А где эта записка?

— Вот.

Из вороха бумаг Елизавета Акимовна неожиданно достала журналистскую визитную карточку Кирова с его автографом.

Такой визитной карточки нет нигде, даже в Ленинградском музее Кирова. О существовании этого автографа, относящегося к историческим дням Октября, не подозревали ни историки, ни архивисты, ни работники кировских музеев.

С. СИНЕЛЬНИКОВ

«ЛЕЙПЦИГ» ПРИЕЗЖАЕТ В МОСКВУ

Петровка, 16... Если вы москвич, если вы бывали в столице, то, наверное, знаете этот адрес. Тут, на первом этаже старинного столичного дома, расположился магазин польских сувениров «Ванда».

Сейчас это единственный подобный магазин. Но ему недолго оставаться в одиночестве. Архитекторы «Гипроторга» вместе с немецкими друзьями разработали варианты оформления магазина, который приедет из ГДР. В честь 800-летия немецкого города этот магазин решено назвать «Лейпциг».

«Лейпциг» разместится в доме 87 на Ленинском проспекте. Здесь будет несколько торговых отделов. В одном из самых больших залов можно будет приобрести торшеры, бра, люстры, настольные лампы и другие электротовары.

Конечно, в магазине будут знаменитые немецкие игрушки, парфюмерия и изделия косметической промышленности Германской Демократической Республики.

Интересно и своеобразно оформление магазина. Здесь применят новейшие материалы, интерьеры отделают пластиком и алюминием. Декоративное панно распишут специальными синтетическими красками.

Летом нынешнего года «Лейпциг» встретит первых посетителей.

— А затем наступит черед «Власты»,— сказали нам в «Гипроторге».— Это будет магазин сувениров, изготовленных в Чехословакии. Магазин расположится тоже на Ленинском проспекте, почти напротив «Лейпцига». Внутреннее оформление выполняется в трехцветной гамме — красной, синей и белой. Это цвета чехословацкого флага.

В залах установят витражи. Предусмотрены специальные светотехнические эффекты, которые позволят выгоднее показать товары и в то же время украсят магазин. «Власта» предложит покупателям знаменитую бижутерию «Яблонекса», изделия из прославленного чешского стекла, духи, пудру, одеколоны, различные поделки из кожи...

К. ТАНИН

АРТЕКОВЦЫ, НА ЛИНЕЙКУ!

Вскоре исполняется сорок лет Артеку: впервые флаг пионерского лагеря был поднят летом 1925 года.

Конечно, сегодня пионерский поселок не сравнить с тем, что было даже несколько лет назад. Вместо лагерных палаток под Медведь-горою выросли большие корпуса из бетона и стекла, алюминия и пластика. Это спальни, лечебницы, мастерские, читальни. Заканчивается строительство стадиона, сооружается морской порт.

Но наиболее богат Артек славными делами своих воспитанников. В 30-х годах здесь набирались сил, закаляли свою волю и мужество Тимур Фрунзе, Рубен Ибаррури, Володя Дубинин, Гуля Королева, Лиля Карастоянова, Витя Коробков... Они погибли в войне с фашистами. Но на их примере сегодня учатся гражданскому долгу тысячи других ребят. Имена героев здесь окружены почетом и глубоким уважением.

Готовясь к юбилею, пионеры Артека просят старших товарищей, которые воспитывались в этом лагере, сообщить о своей жизни, боевых и трудовых делах. Некоторые из них отозвались, прислали интересные письма. А многие, нет сомнения, еще отзовутся.

Артековцы, на юбилейную линейку!

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ, собкор «Огонька»

Сергей ГОЛЯКОВ,
Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

ЗОР

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

32

«Октябрь 1936 г.
Моя милая К.!

Пользуюсь возможностью черкнуть тебе несколько строк. Я живу хорошо, и дела мои, дорогая, в порядке.

Если бы не одиночество, то все было бы совсем хорошо. Но все это когда-нибудь изменится, так как мой шеф заверил меня, что он выполнит свое обещание.

Теперь там у вас начинается зима, а я знаю, что ты зиму так не любишь и у тебя, верно, плохое настроение. Но у вас зима по крайней мере внешне красива, а здесь она выражается в дожде и влажном холоде, против чего плохо защищают и квартиры: ведь здесь живут почти под открытым небом.

Если я печатаю на своей машинке, то это слышат почти все соседи. Если это происходит ночью, то собаки начинают лаять, а детишки — плакать. Поэтому я достал себе бесшумную машинку, чтобы не тревожить все увеличивающееся с каждым месяцем детское население по соседству.

Как видишь, обстановка довольно своеобразная. И вообще тут много своеобразия, я с удовольствием рассказал бы тебе. Над некоторыми вещами мы вместе бы посмеялись, ведь когда это переживешь вдвоем, все выглядит совершенно иначе, а особенно при воспоминаниях.

Надеюсь, что у тебя будет скоро возможность порадоваться за меня и даже погордиться и убедиться, что «твой» является вполне полезным парнем. А если ты мне чаще и больше будешь писать, я смогу представить, что я к тому же еще и «милый» парень.

Итак, дорогая, пиши, твои письма меня радуют. Всего хорошего.

Люблю и шлю сердечный привет — твой Ика».

33

По Гиндзе шествовала необычная процессия. Парадный полицейский эскорт расчищал ей путь, оттесняя к обочинам автомобили и рикш. С тротуаров на процессию глазели толпы токийцев.

Триста человек, стараясь держать равнение, шагали по центральной улице японской столицы, улыбались и приветственно махали руками. Над их головами плыли транспаранты с фашистской свастикой, портреты Гитлера, флаги рейха. В первой шеренге вышагивал сам длинноногий посол Германии Герберт Дирксен. Рядом с ним семенил министр иностранных дел Японии Хитиро Арита. За ними маршировали все остальные немцы токийской колонии. Этим торжественным шествием 26 ноября 1936 года было ознаменовано заключение накануне в Берлине «антикоминтерновского пакта».

Рихард шагал почти в самой голове колонны рядом с Оттом. Теперь даже в глазах непосвященных в его взаимоотношения с посольскими чинами это не выглядело столь странным: после отъезда корреспондента ДНБ Зорге стал вместо него нацистским фюрером немецкой колонии, местным «вождем», с которым теперь должен был считаться даже сам посол. Кроме того, он создал в Токийском университете кафедру немецкой филологии, сам преподавал на ней и пользовался среди немцев репутацией ученого.

Где-то в хвосте колонны, среди промышленников и инженеров, шел и Клаузен, глава недавно открытой фирмы «Макс Клаузен и К°» по выпуску фотопечатных изделий — скромный, но начинающий преуспевать коммерсант.

Шествие завершилось у фешенебельного ресторана «Токио кайкан», традиционного места правительственных приемов. Здесь торжества были продолжены: начался обмен речами. Выступил Дирксен. Он говорил, что германо-японский союз — это «сердечное сближение арийцев с самураями». Министр Арита разглагольствовал о «красной опасности», намекал: новое соглашение направлено против Советского Союза.

Конечно, ни тот, ни другой и словом не обмолвились о секретных статьях подписанного в Берлине пакта. Для кого секретных? Рихард слушал речи посла и министра и, прикрыв глаза, словно бы перечитывал текст полученной утром радиограммы из Центра: «Не могу не отметить очень точную вашу информацию на всех стадиях японо-немецких переговоров... Вы правильно нас информировали и помогли нам...» За этими строчками Рихард угадывал голос Урицкого. Хорошо. Значит, Москва довольна работой «Рамзая».

Да, это были напряженные месяцы. Переговоры между немцами и японцами начались еще весной, вскоре после февральского мятежа. Они велись и в Токио и в Берлине. С японской стороны в них участвовали офицеры генштаба, с немецкой — работники посольств и специально прибывшие группы из Германии. Фон Риббентроп, германский посол в Лондоне, был отозван для этих переговоров в Берлин.

Здесь, в Токио, постоянно был информирован о ходе переговоров Эйген Отт. Через него проходили документы, присылавшиеся из Берлина, и материалы, поступавшие из генштаба японской армии. Каждый новый документ он старался обсудить с Зорге. Важные сведения поступали к Рихарду и от Дзецуко Мияги, усердно писавшего в тот период портреты генералов генштаба.

В результате Зорге удалось узнать не только основное содержание военного соглашения, приложенного к договору о пакте, но и все его детали. Зорге передавал в Центр тексты документов, раскрывающих позиции германского и японского генеральных штабов. И едва представители Гитлера покинули Токио, как полный текст всего сверхсекретного соглашения уже лег на стол в кабинете на втором этаже небольшого дома в тихом московском переулке.

Особенно доставалось в эти дни Максу Клаузену. Он выходил в эфир ночами и на рассвете, в разгар дня или по вечерам, каждый раз меняя места, чтобы пеленгаторы полковника Номура не засекли рации. Он передавал донесения с различных квартир — со своей, от Бранко, от Мияги.

С тех пор как он освободился от тяжелой и громоздкой аппаратуры Бернхарда, дело пошло на лад. Клаузен обеспечивал стабильную радиосвязь с Центром в любую погоду, в любое время суток. Сконструированный и собранный им передатчик легко умещался в небольшом чемодане, который в руках «делового человека», каким слыл глава фирмы «Клаузен и К°», не вызывал никаких подозрений. И все же Макс считал это недостаточным. Он проявил максимум изобретательности для того, чтобы при необходимости его жена Ани могла переносить передатчик с квартиры на квартиру. Завернув части аппарата в фуросики — японский шелковый платок для свертков,— Ани преспокойно укладывала его на дно своей хозяйственной сумки и, прикрыв его всякой снедью, безбоязненно передвигалась по городу.

У себя дома Клаузен работал на втором этаже, в маленькой, выходящей окнами в сад комнате, куда никто, кроме него, обычно не входил. О появлении в доме гостей его предупреждал громкий звонок в передней. У него всегда было в запасе несколько минут для того, чтобы собрать бумаги, выключить передатчик и как ни в чем не бывало спуститься вниз. И все же опасность постоянно напоминала о себе самыми неожиданными способами.

Как-то рано утром Клаузен вышел в эфир и, держа руку на ключе, мерно отстукивал группы цифр. Работы было много. Вниманием радиста владели лишь листы бумаги с ровными колонками цифр да крошечная неоновая лампочка, мигавшая в такт нажатию ключа. Точка... тире... точка. Невидимый пунктир уносился в пространство, перечеркивая тысячекилометровые расстояния.

Макс мысленно представил себе своего корреспондента: какой-нибудь молоденький связист в защитной гимнастерке сидит у приемника и отстукивает на машинке текст сообщения, которого с нетерпением ждут там, в Москве. Макс никогда не видел этого связиста. Но он знал: у этого парня отличный «почерк». «Вернусь в Москву — обязательно отыщу его»,— подумал Макс, автоматически нажимая на ключ.

Макс работал с увлечением. Сколько передач он отстукал на своем веку! И все же перед каждым свиданием в эфире он испы-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 9—14.

тывал чувство радостного волнения. Из всех членов группы он был единственным счастливцем, который почти каждый день слышал обращенный к ним голос Москвы. И, наверное, именно поэтому он никогда не знал усталости.

Макс почувствовал, что его что-то отвлекает и раздражает. В тишину утра прокрались какие-то шорохи. Он огляделся. В комнате никого не было. Но шорохи усиливались. Радист взглянул в окно и обомлел. На суку большого дерева, росшего перед самым окном, бесцеремонно усаживался незнакомый человек с большой черной брезентовой сумкой на груди.

— Какого черта вам тут надо! — грозно крикнул Клаузен.

— Извините, господин. Я из управления службы озеленения города,— широко улыбнулся японец.— Ваше дерево слишком разрослось. Нужно подрезать отдельные сучки.

Клаузен захлопнул створки, опустил шторы. Сердце громко стучало. Что это? Случайность? Или полиция подослала еще одного своего агента?

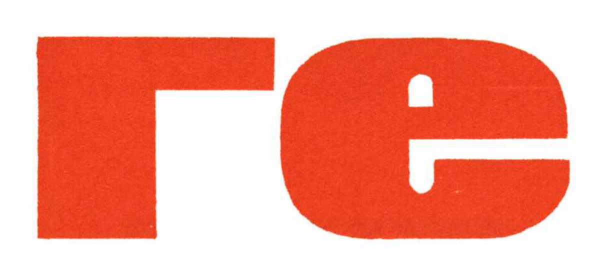
Макс закончил передачу и тут же разобрал аппаратуру. Несколько дней он ходил сам не свой. Но, к счастью, все обошлось благополучно.

В другой раз, когда Клаузен вел передачу из своей комнаты на втором этаже, в его дом вошел полицейский инспектор.

— Где хозяин? — спросил он у жены Макса Ани.— Он мне срочно нужен!

Ани удалось задержать инспектора на несколько минут, пока Макс лихорадочно разбирал передатчик и прятал его в стенную нишу. Он едва успел заложить отверстие, как полицейский поднялся в комнату.

— Господин Клаузен, вы задерживаете уплату очередного пожарного налога!

Только-то и всего... Фирма «Клаузен и К°» на следующий день заплатила пожарный налог вперед за целый год.

Хотя эти инциденты были случайными, Рихард требовал еще более тщательной конспирации: «Разведчики обычно и попадаются на мелочах!»

34

Содержание «антикоминтерновского пакта» сводилось к двум основным пунктам: Япония и Германия взаимно обязывались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него борьбу в тесном сотрудничестве; принимать необходимые меры борьбы и «против тех, кто внутри или вне страны, прямо или косвенно действует в пользу Коминтерна». Секретные статьи пакта прямо указывали: главный враг — СССР. «Антикоминтерновский пакт» оформлял союз агрессивных держав для совместной борьбы за мировое господство.

Он был тесно связан с политикой гитлеровской Германии в Европе. Весной 1936 года немецкие батальоны вступили в демилитаризованную Рейнскую зону и вышли к границе с Францией. В октябре, за месяц до подписания пакта с Японией, Гитлер заключил с Муссолини соглашение о создании оси Берлин — Рим и о разграничении будущих сфер влияния на Балканах и в Дунайском бассейне, о совместной интервенции против республиканской Испании...

— О чем задумался? — прервал мысли Рихарда военный атташе. Он наполнил бокал Зорге и поднял свой.— Неплохо мы потрудились, а? Не жалея сил.

— Да, неплохо,— отозвался Рихард. А сам подумал: «Да, неплохо. Не в наших силах было помешать заключению пакта, но все, чтобы Москва была в курсе событий, мы сделали... И будем делать все, чтобы помешать осуществлению целей этого пакта».

35

«1 января 1937 г.

Милая К.!

Итак, Новый год наступил. Желаю тебе самого наилучшего в этом году и надеюсь, что он будет последним годом нашей разлуки. Очень рассчитываю на то, что следующий Новый год мы будем встречать уже вместе, забыв о нашей длительной разлуке.

Недавно у меня был период очень напряженной работы, но в ближайшее время будет, видимо, несколько легче. Тогда же было очень тяжело. Зато было очень приятно получить за последние месяцы два письма от тебя. Твои письма датированы августом и сентябрем. В одном из них ты писала, что была больна, почему же теперь не сообщаешь, как твое здоровье и чем ты болела. Я очень беспокоился о тебе. Поскорее сообщи о своем здоровье. За письма же сердечно благодарю. Я по крайней мере представляю, где и в каком окружении ты живешь. Месторасположение твоей квартиры, видимо, очень хорошее.

Ты, наверное, удивишься, что у нас здесь сейчас до 20 градусов тепла, а у вас теперь приблизительно столько же градусов мороза.

Тем не менее я предпочитал бы быть в холоде с тобой, чем в этой влажной жаре.

Ну всего наилучшего, милая, мне пора кончать. Через два месяца получишь снова весточку от меня, надеюсь, что более радостную.

Ты не должна беспокоиться обо мне. Все обстоит благополучно.

Целую тебя крепко, милая К.

И.»

«Февраль, 1937 г.

Спасибо, дорогой Ика, за твое письмо, полученное мной сегодня. Благодарю тебя также за новогодние пожелания. И я надеюсь, что это будет последний год нашей разлуки, но как долго он еще протянется...

Мои дела идут хорошо. Я весела и здорова. С работой дело обстоит также хорошо. Жаль только, что нет тебя.

Не беспокойся обо мне, живи хорошо, но не забывай меня. Желаю тебе всего хорошего и крепко тебя целую.

К.»

Катя не могла писать, что за это время она стала мастером, а теперь уже назначена и начальником цеха на своем заводе.

Рихард узнал об этом кружными путями. Выезжал в «командировку» в Гонконг и там встретился в условленный час с Василием. Тот и рассказал о Кате.

36

«Пакт» вступил в действие. Германские и японские химические концерны заключили соглашения о технической помощи и консультации. В Токио прибыли немецкие военные специалисты для работы в японской военной промышленности — на артиллерийских, моторостроительных, авиационных, металлургических заводах. Японские военные миссии выехали в Германию для «изучения обстановки». На японские аэродромы стали прибывать немецкие самолеты: истребители «арадо», «мессершмитты», «хейнкели» и «хеншели», средние и тяжелые бомбардировщики «юнкерсы». Стало поступать военное снаряжение.

Летом японские войска вновь совершили нападение на Китай. Первый налет был отбит. Но в бой были брошены новые силы, артиллерия, танки. Япония рассчитывала на молниеносную победу. Однако война приобретала затяжной характер. Все же императорская армия захватила крупнейшие порты Китая Шанхай и Тяньцзин, его столицу — Нанкин. Токио настойчиво добивалось, чтобы Китай присоединился к «антикоминтерновскому пакту».

Рихарду стало известно, что премьер-министр Хирота обещает сделать уступки, если Китай присоединится к этому соглашению. Соответствующая радиограмма была передана в Москву.

Китайское правительство не решилось на сделку с Японией. Бои продолжались...

Тем временем развертывались события и в Европе. В ноябре 1937 года к «антикоминтерновскому пакту» присоединилась фашистская Италия. Муссолини заявил о своей солидарности с политикой Японии на Дальнем Востоке. А Гитлер, выступивший с речью в Мюнхене, угрожающе сказал: «Соединились три государства. Сначала европейская ось. Теперь великий мировой треугольник».

«Мир катится к «большой войне», — решил Зорге.

37

«Двадцать восьмое апреля тридцать восьмого года. Да, запомним этот день...— снова повторил про себя Рихард и оглядел из своего угла большой зал посольства. — Все повторяется. Приемы. Бокалы... Только на новом уровне, в иное время...» Вспомнил слова Томаса Карлейля: «Человек не должен жаловаться на времена; из этого ничего не выходит. Время дурное: ну что ж, на то и человек, чтобы улучшить его...» Да, не будем жаловаться. Как бы там ни было, Эйген Отт — генерал и посол, а значит, у «Рамзая» и у Москвы теперь больше возможностей «улучшать это дурное время».

После того как закончился прием и гости разъехались, Отт, как и прежде, пригласил Рихарда к себе. Но на этот раз не в маленькую комнату военного атташе, а в огромный кабинет посла.

— Располагайся как дома,— сказал Отт, когда они остались наедине.— Ты все так же нужен мне. Даже больше, чем прежде.— Он прошелся по комнате, в которой столь часто стоял навытяжку перед Дирксеном. Оглядел ее с новым интересом. Пощелкал ногтем по кожаным корешкам книг. Признался: — Не предполагал... Даже в честолюбивых мечтах.

Потом сел напротив Рихарда в кресло.

— Я не забываю, дорогой друг, что и мои генеральские погоны, и эти апартаменты, и этот высокий пост — во многом твоя заслуга. И можешь быть уверен, что в долгу я не останусь.

— О чем ты говоришь? — поднял брови Рихард.

— Да, да, я знаю твою скромность... Ладно. К этому разговору мы еще вернемся — у меня есть в отношении тебя кое-какие планы... А теперь давай вместе обсудим чрезвычайно важные новости, которые я узнал в штабе верховного командования и лично от министра иностранных дел фон Риббентропа.

Голос Отта приобрел торжественность. Рихард почувствовал: генерал намеревается сообщить ему нечто чрезвычайно важное. Он откинулся в кресле и приготовился слушать.

— Тебе, конечно, известна последняя речь фюрера в рейхстаге? Он сказал, что германское правительство будет добиваться объединения всего немецкого народа,

что Германия не может оставаться безучастной к судьбе десяти миллионов немцев, которые живут в двух соседних странах. Ты понимаешь, что за этим скрывается?

— Понятно,— отозвался Рихард.— Фюрер говорил об Австрии и Чехословакии. Австрия уже почти месяц, как присоединена к рейху. Следовательно, очередь за Чехословакией.

— Ха-ха-ха! — самодовольно рассмеялся Отт.— Это очевидно даже младенцу. Но все это — только начало. Да, Австрия — отличный стратегический плацдарм для захвата Чехословакии. Но дальше — Юго-Восточная Европа, Балканы и...

Он сделал многозначительную паузу, потом снова заговорил, еще более торжественно:

— Ты знаешь, я поражен, буквально поражен тем, что увидел теперь в Германии. Это совсем другая страна, чем была два года назад. Вся германская нация готова к настоящей войне. Не говоря уже об армии. А в армии сейчас полтора миллиона солдат и офицеров — почти вдвое больше, чем было у Германии накануне первой мировой войны. Сто дивизий! И это не считая отрядов штурмовиков и СС!

Рихард представил эти отряды коричневорубашечников, вспомнил Веддинг, костер на площади Оперы.

Генерал продолжал:

— Но эти сто дивизий — не вильгельмовские, с винтовками. У вермахта на вооружении уже три тысячи танков, 3 700 боевых самолетов! — Он понизил голос: — В армии большие перемены. От руководства отстранены все, кто проявляет нерешительность или не поддерживает курса на большую войну, все, невзирая на лица. Генерал-фельдмаршалу фон Бломбергу предложено уйти в отставку. На его место назначен генерал Кейтель. Герингу присвоено звание генерал-фельдмаршала. Военное министерство упразднено, и руководство всеми вооруженными силами взял на себя наш фюрер. Теперь он верховный главнокомандующий. Недавно он сказал: «Я величайший вождь, которого когда-либо имели немцы, и на мою долю выпало основать Великую Германскую империю!» Теперь ты понимаешь, что это значит?

Рихард подумал: «Да, это значит, что фашисты открыто приступают к насильственному переделу Европы, к порабощению народов». Но ответил неопределенно:

— Трудное дело — политика. Как сказал один француз: «Политика — самое великое из всех знаний».

— Хоть и француз, а правильно подметил,— согласился Отт. — В том-то и дело, что теперь нам с тобой предстоит куда больше работы и забот, чем прежде.

— Ничего,— ободрил посла Зорге.— Тот же самый француз сказал и другое: «Высокие посты быстро научают высокий ум».

Отт самодовольно улыбнулся. Он не расслышал в голосе Рихарда ни тени насмешки.

38

Рихард с трудом приоткрыл отяжелевшие веки. Маленькая чистая комната. Окно во всю стену. Белые шторы. Белая спинка кровати. И вдруг — ярко-красное пятно. Оно расплывалось, прыгало, превращалось в обжигающий огненный шар. Рихард захотел поймать его. Потянул руку. Резкая боль стиснула все тело, вернула к сознанию. Теперь он ясно различал над собой чье-то закутанное в марлю лицо. Открыты были одни глаза. Почти без бровей. Внимательные и настороженные. Над глазами красное пятнышко — аккуратный крестик на ослепительно белой косынке. «Сестра милосердия... Госпиталь... Катастрофа»,—пронеслось в голове Рихарда. Он окончательно пришел в себя и стал вспоминать, что произошло.

В последние дни пришлось здорово потрудиться. Москва требовала новых данных о возможном развитии событий на Дальнем Востоке. По разным каналам к Рихарду поступало множество самых разнообразных и порой противоречивых сведений. Одзаки регулярно информировал о настроениях членов японского кабинета, Вукелич — о тактике европейских государств в отношении гитлеровской агрессии, Мияги — о планах японской военщины. Сам Рихард внимательно следил за всем, что происходило в посольстве и в токийской нацистской организации. Созданный им разведывательный аппарат работал четко и достаточно эффективно. И все же главная забота лежала на его плечах. Это был огромный труд ученого-аналитика, который по отдельным штрихам должен создать цельную картину. А картина получалась весьма зловещей. Захватив Австрию и Чехословакию, Гитлер уже не скрывал своего желания как можно скорее начать большую европейскую войну. Было также ясно, что немцы хотят обеспечить себе тылы. Для этого им нужно было отвлечь внимание и силы Советского Союза на Дальний Восток, создав для него угрозу со стороны Японии. Фашистская дипломатия развила бурную деятельность. Зорге видел, как посол Отт все чаще и чаще отправлялся в министерство иностранных дел, где часами убеждал японцев выступить против СССР. Последствия его визитов уже успели сказаться. Японская печать, словно по команде, начала яростную антисоветскую кампанию. На советско-маньчжурской границе участились случаи провокаций. Временами казалось, что мир висел на волоске. Однако окончательные планы японского правительства сохранялись в глубочайшей тайне. Проникнуть в эту тайну стало главной задачей Рихарда. Он провел не одну бессонную ночь, думая, анализируя, сопоставляя. Нет, Япония пока что не готова к большой войне с Советским Союзом — был его окончательный вывод.

Но Рихард предупредил Центр о том, что в ближайшее время со стороны Японии могут последовать попытки еще более обострить международную обстановку на Дальнем Востоке, произвести разведку боем.

Доклад был готов в четверг. А в пятницу Клаузен сообщил, что ему удалось наконец найти для Рихарда «отличную игрушку», этой игрушкой был новенький «цундап», который, по словам Клаузена, только и ждал, чтобы его оседлал достойный наездник.

Рихард давно просил Клаузена присмотреть для него хороший мотоцикл. Клаузен был непревзойденный мастер в таких делах, и его выбор оказался очень удачным. Рихард уже предвкушал тот момент, когда он после стольких дней адского труда сможет немного освежиться и рассеяться.

Стоял солнечный весенний день, когда он выкатил сверкавший никелем «цундап» на улицу и завел мотор. Машина была сильная, тяжелая. Рихард с наслаждением дал газ, рванулся навстречу ветру. «Цундап» быстро набрал скорость и птицей понес своего седока навстречу непредвиденной опасности. На одном из крутых поворотов перед Рихардом внезапно вырос велосипед. Какой-то старик вез несколько ящиков мелкой рыбешки. Услышав звуки приближающегося мотоцикла, он растерялся. Все решали доли секунды. Рихард сделал рывок в сторону, машину развернуло и со всего размаху бросило на глухой забор...

Когда Рихарда привезли в госпиталь святого Луки, он был почти без сознания. Кровь заливала лицо. Большая рана на голове, глубокие ссадины по всему телу.

— Немедленно на стол,— услышал он чей-то категорический приказ и внутренне ужаснулся. Ведь самая страшная катастрофа ждала его впереди. Готовя к операции, его обязательно разденут... А там, в кармане пиджака, агентурный материал. По правилам конспирации он не мог оставить его на квартире. Если этот материал попадет в руки японцев — провалится вся организация. Собрав последние силы, превозмогая боль, Рихард приподнялся на носилках.

— Я вез очень срочные новости для агентства,— стараясь казаться спокойным, сказал он врачу.— Прошу вас немедленно сообщить одному моему знакомому, в каком месте я нахожусь. Вот его телефон.

Врач сделал протестующее движение.

— В вашем положении лучше всего ни о чем не думать, господин Зорге.

— Вы забываете, что я журналист,— настаивал Рихард,— и сообщать людям новости — мой долг, в каком бы положении я сам ни находился.

Но врач был непреклонен. Тогда, улучив удобный момент, Рихард достал несколько иен и незаметно сунул их в карман халата хлопотавшей возле него сестры.

Клаузен появился через пятнадцать минут, но Рихарду показалось, что прошла целая вечность.

— Здесь телеграммы для агентства ДНБ,— громко сказал Рихард, передавая Клаузену бумаги.— Пусть немедленно отправят по телефону в Берлин.

Больше он ничего не помнил.

Из больницы Клаузен помчался на квартиру Зорге. Клаузен знал: японцы не преминут воспользоваться случаем, чтобы лишний раз обшарить жилище Рихарда. Рихард жил один, и под предлогом «охраны имущества пострадавшего» они явятся в дом, составят подробную опись вещей и затем опечатают все входы и выходы. Таков был порядок.

Как правило, Рихард не держал у себя на квартире конспиративных документов. Копии всех его докладов и телеграмм уничтожались немедленно после того, как они передавались в Москву по радио или с курь-

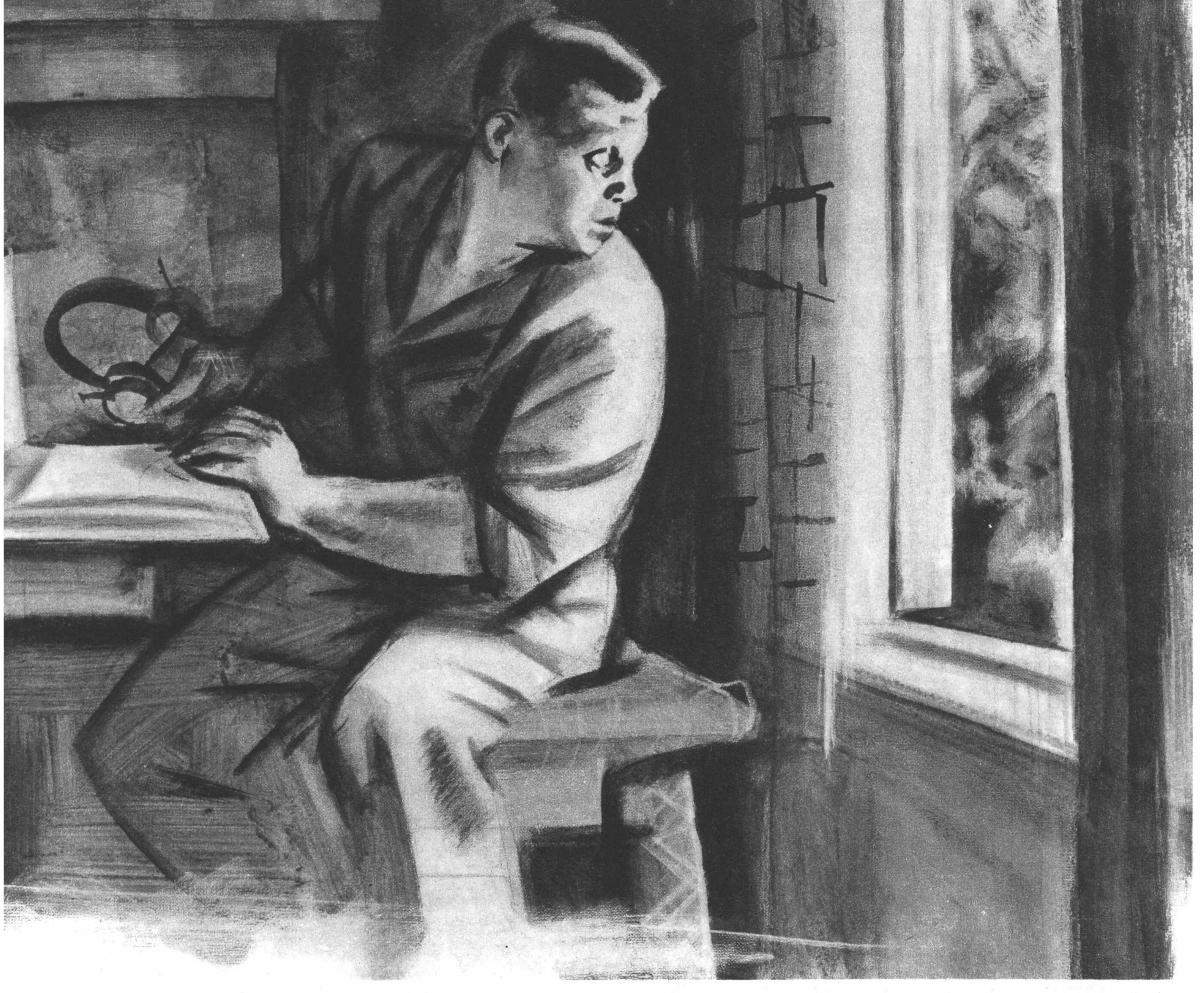

Рисунок Г. Калиновского.

ером. Но у него могли найти некоторые секретные документы, которые он брал в посольстве. Вполне естественно, что они не предназначались для глаз японской тайной полиции. Клаузен подоспел как раз вовремя. Едва он успел закрыть за собой дверь, как к дому Рихарда подъехал черный лимузин с плотными синими занавесками на окнах. Несколько переодетых агентов вошли в подъезд. Но ищейки опоздали. Теперь они были не страшны.

39

Вынужденное безделье тяготило Рихарда. И как только здоровье пошло на поправку, он попытался снова включиться в работу своей группы. Правда, больничная палата — не самое лучшее место для деятельности разведчика. Но Рихард и здесь сумел не остаться без дела. Источники информации являлись к нему сами. Иногда его навещал Отт, но гораздо чаще приходил военный атташе майор Шолль, шумный, бесцеремонный толстяк, сообщавший Рихарду последние посольские новости.

Между Рихардом и Шоллем уже давно существовали дружеские отношения. Сам того не подозревая, Шолль готовил для Москвы важнейшую информацию о военно-промышленном потенциале Японии. Сравнительно недавно Рихарду самостоятельно приходилось собирать сведения по этим вопросам. Он обзавелся широким кругом знакомых среди немецких дельцов и инженеров, работавших в Токио. Но все эти люди обладали очень узким кругозором. Каждый был специалистом в какой-нибудь отдельной отрасли и к тому же боялся, что сведения, сообщенные им Рихарду, могут попасть в руки конкурентов. Все это очень осложняло работу. И тогда Рихарда осенило. Он убедил Отта в том, чтобы само немецкое посольство готовило обстоятельные доклады для Берлина об экономическом положении Японии. Отту очень понравилась эта идея. Составление докладов было поручено майору Шоллю. Когда у военного атташе накапливалось достаточно материала, он приходил к Рихарду, и они вместе готовили очередное донесение в Берлин.

Уже в больнице Рихард узнал от Шолля, что Япония купила в Германии несколько лицензий на производство синтетического бензина. Очень важная новость. Бензин — хлеб машин. И для специалистов стратегический запас горючего, которым располагает противник, мог сказать больше, чем иные планы, разработанные в генеральных штабах. Зорге стала известна и еще одна важная новость. Немецкая компания «Хейнкель» разместила в Японии секретный заказ на производство авиационных двигателей. Заключением этой сделки занималась специальная комиссия немецких инженеров, посланная в Японию по личному приказу фюрера. Комиссия тщательно обследовала крупнейшие японские авиационные заводы и составила подробнейший доклад о состоянии японской авиационной промышленности и возможностях ее сотрудничества с гитлеровским люфтваффе. Шолль показал этот доклад Рихарду. И вскоре Клаузен сообщил, что Центр очень заинтересовался этим докладом и просил передать «больному» благодарность.

Сознание того, что он оказывался полезным, находясь даже в больнице, ободряло Рихарда. К тому же друзья не забывали его. Часто приходил Вукелич. И тоже не с пустыми руками. Они подолгу говорили о том, как развиваются события в Европе. Великие державы явно потворствовали агрессивным планам Гитлера, толкали его на новые авантюры.

40

«Пока что не беспокойтесь о нас здесь. Хотя нам здешние края крайне надоели, хотя мы устали и измождены, мы все же остаемся все теми же упорными и решительными парнями, как и раньше, полными твердой решимости выполнить те задачи, которые на нас возложены великим делом. Сердечно приветствуем вас и ваших друзей. Прошу передать прилагаемое письмо моей жене и приветы. Пожалуйста, иногда заботьтесь о ней... Рамзай. 7 октября 1938 г.»

(Продолжение следует.)

Ленинград. На проспекте 25-го Октября. Фото Б. Кудоярова.

1945

1965

ГОД 1942-й

Залп «катюш». Фото Дм. Бальтерманца.

Взрыв немецкой подводной лодки. Фото Б. Шейнина (ТАСС).

Занзибар — это близко

А. КОЧЕТКОВ,
В. КОМАРОВ
Фото авторов.

Один на весь город

Занзибар — единственный город на острове Занзибар. Али Львака, когда он на посту, один на весь город. Он полицейский регулировщик, его служебный номер сто девяносто пять, а пост — на перекрестке Кона я Бенк, единственном регулируемом перекрестке города. Что касается автодорожных знаков, то тут слово «единственный» не подходит. Знаков в городе сотни: разрешающие, предупреждающие и в основном запрещающие: «Сквозного проезда нет», «Проезд запрещен», «Стоянка транспорта запрещена». Обилие их вызвано не строгим характером Али Львака и его начальников, а лишь особенностями городской планировки. Занзибар — старый восточный город с узкими средневековыми уличками и переулками. На некоторых из них с трудом могут разъехаться два осла с поклажей. Человек при встрече с машиной должен буквально слиться со стеной, уступая дорогу. Если подняться на башню бывшего султанского дворца, самую высокую точку города, то нельзя угадать ни улиц, ни переулков: сплошные крыши, крыши, крыши...

Много работы у Али Львака на его единственном регулируемом перекрестке Кона я Бенк. Стоит Али на своем посту, куда сходятся четыре улицы, и дирижирует велосипедами, ручными тележками и машинами.

На Занзибаре машины иностранных марок. На десять британских приходится по одной немецкой и итальянской. Англичане, немцы, итальянцы хозяйничали здесь, на острове...

На одной из уличек показалась огромная, груженная мешками телега, которую с трудом тащили трое африканцев. Али подал им знак проезжать и, обращаясь к нам, с горечью сказал:

— А эта машина занзибарская... Вы не застали рикш? Мы публично сожгли их коляски в первые же дни после январской революции.— И добавил, но уже радостно:— Из всех колясок рикш осталась одна. Она теперь в городском музее...

Мы выехали на набережную. Отсюда хорошо виден занзибарский порт, суда, стоящие на рейде, и остроконечные паруса рыбачьих лодок, бороздящих океан. На набережную, одетую в гранит, каждый вечер приходят отдохнуть от дневного зноя многие занзибарцы. Они располагаются семьями везде: на немногочисленных скамьях, просто на газонах, а ребятишки даже на пушках. Пушки на деревянных лафетах сняты с захваченных кораблей и поставлены здесь как «символы могущества» бывших султанов Занзибара. Дула их смотрят в сторону океана.

Если повернуться спиной к океану, то отсюда, с набережной, откроется панорама города. Справа — древняя арабская крепость. Кое-где ее стены поросли травой, на башнях выросли маленькие деревья, но крепость стоит еще прочно. В шестнадцатом веке, захватив остров, португальцы превратили ее в торговый склад, а внутренний двор — в невольничий рынок. Рядом с крепостью — бывший дворец султана. Белые здания его растянулись вдоль набережной на добрую сотню метров. Дворец и крепость соседствуют здесь, как главы в книге истории Занзибара. С конца семнадцатого века власть на острове захватил Сеиди Саид, родоначальник династии султанов, крупный феодал с юга Аравийского полуострова. С этого времени рядом с крепостью, на месте маленькой рыбацкой деревушки, и возник город Занзибар. Прежде столицами на острове считались Тубату и Кизимкази. В этих местечках и сегодня среди густой травы и пальм стоят замшелые колонны и остатки стен дворцов арабских шейхов. Им немного меньше тысячелетия. Занзибар гораздо моложе. А с января тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года, когда страна получила независимость, город начал свою новую историю. Теперь в крепости — женский клуб, а дворец султана — музей, школа и дом, где работает народное правительство Занзибара.

В Занзибаре нет принятой у нас, в Европе, нумерации домов, и потому почтальон не стучится в двери. Занзибар — город без почтальонов. Вместо них на центральной улице, у входа на главный почтамт, стоят ряды маленьких почтовых ящичков-боксов. Они, как соты, прилепились к стенам. Возле них всегда толпится народ. Каждый занзибарец стремится получить свой абонентный почтовый ящик. Есть бокс — есть адрес.

Без почтальонов город обходится, а вот без кого не может обойтись, так это без кахавы — так зовут здесь продавца горячего кофе. Постукивая медными чашечками, зазывая покупателей, ходят эти торговцы по улицам города. Стоит вам крикнуть: «Кахава!» — и он тут же появится перед вами с остроконечным медным кофейником на жаровне. Кахаву можно встретить везде: здесь, у центрального почтамта, в арабской части города, в Нгамбо — африканском квартале, в Фунгуни — обиталище рыбаков — и, конечно, на городском рынке Марикити.

Марикити — настоящее восточное торжище. Красные, желтые, зеленые гроздья бананов лежат на земле, висят на веревках. Бананы размером с палец и с руку по локоть, ананасы, апельсины, какие-то незнакомые нам фрукты и овощи диковинной формы и необычного цвета — все сверкает под лучами жаркого африканского солнца. Под громкие выкрики торговцев из рук в руки ходят медные пенсы с дырками в середине, восточноафриканские шиллинги с потертыми изображениями английского короля Георга IV или Елизаветы. Кудахчут куры в корзинках из пальмовых листьев. Они ждут своих покупателей. На базаре много людей из деревни. Покрытые красной пылью дорог, они привезли сюда свой немудреный товар. Глаза их ищут: кто же его купит? Громкоголосый базар шумит: торгуют здесь только мужчины, женщин на базаре немного. Занзибар—страна мусульманская.

Слово «жарко» довольно часто произносят занзибарцы. Город на шесть градусов южнее экватора. Люди, живущие здесь, не испытывают чувства радости при виде чистого неба и яркого солнца, так, как это делаем мы, жители среднеевропейской полосы. От жаркого солнца, которое светит изо дня в день, из года в год, им приходится прятаться и искать тень, а у экватора в полдень в городе тень не сразу найдешь! Али Львака — полицейскому регулировщику — некуда спрятаться, он должен стоять на своем открытом солнцу перекрестке. Он стоит на собственной тени, напоминающей скорее его полицейскую фуражку, а не тень человека. В полдень, когда солнце в зените, особенно жарко. В эти часы Али с нетерпением ждет прихода сменщика Абдуллы Салеха. Тогда Али пойдет по узким уличкам, наслаждаясь прохладой, домой или на набережную, а может быть, в народный клуб и будет там танцевать и петь песни. Клубы теперь для всех, а не только для богатых: они национализированы.

Первые уроки

В зное тропического дня нас одолела жажда. Запотелый стакан холодного лимонада казался пределом мечтаний. Заходим в маленький ресторанчик. Входим в зал. Тихо и пусто. За стойкой, сладко похрапывая, спит бармен. В дальнем углу зала сидит одинокая пара: молодой занзибарец в европейском костюме и его спутница вся в черном. Разговаривая с сонным барменом, мы не заметили, как к нам подошли.

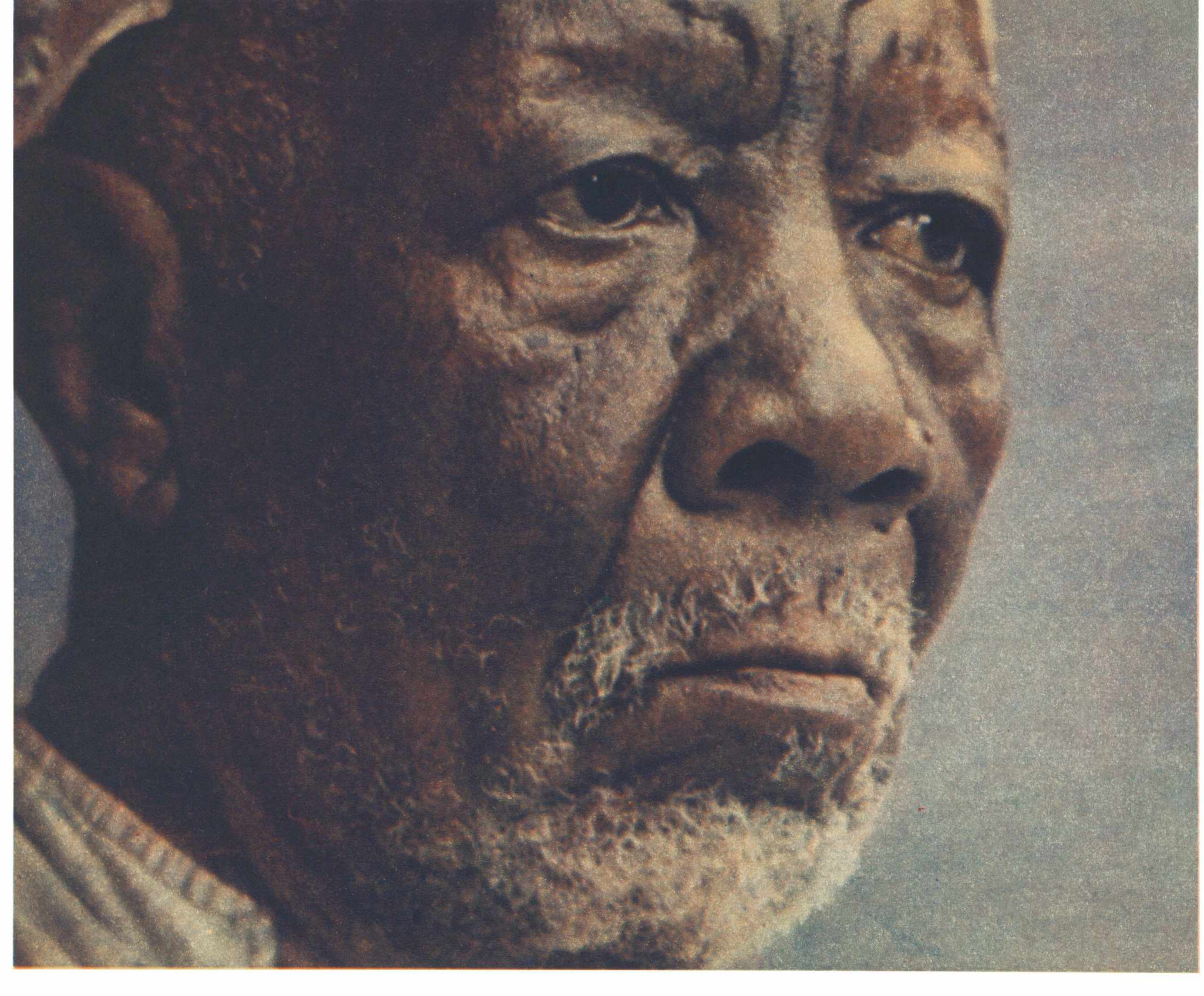
— Извините, пожалуйста, вы из Советского Союза? Я говорю по-русски... Меня зовут Шарифа, а это мой муж Мбарук Мазруй.

У стойки бара завязалась оживленная беседа. Впрочем, больше и громче всех говорила Шарифа. Ее огромные глаза светились радостью, а низкий голос выдавал волнение.

— Мы прожили в Москве два года. Работали в радиокомитете: Мбарук — переводчиком на язык суахили, а я — диктором передач для Восточной Африки. У нас двое детей: Лумумба — ему пять лет и Нина — ей полтора годика. Она родилась в Советском Союзе. Ниночка все понимает по-русски и даже поет песенки... Ладушки... ладушки...

Наши новые знакомые Шарифа и Мбарук родились и выросли здесь, на Занзибаре. Оба окончили учительский колледж. До поездки в Советский Союз преподавали в деревенской школе. Недавно они вернулись на родину и сейчас снова готовятся занять место у школьной доски. Они с радостью согласились помочь нам: быть нашими переводчиками и проводниками. Мы договорились завтра же поехать в Мкокотони, рыбачий поселок на севере острова.

...Выехали на рассвете. Едем по совершенно пустым улицам. Изредка попадаются люди. Промелькнул велосипедист. На вытя-

Вспоминая прошлое...

Покорители океана.

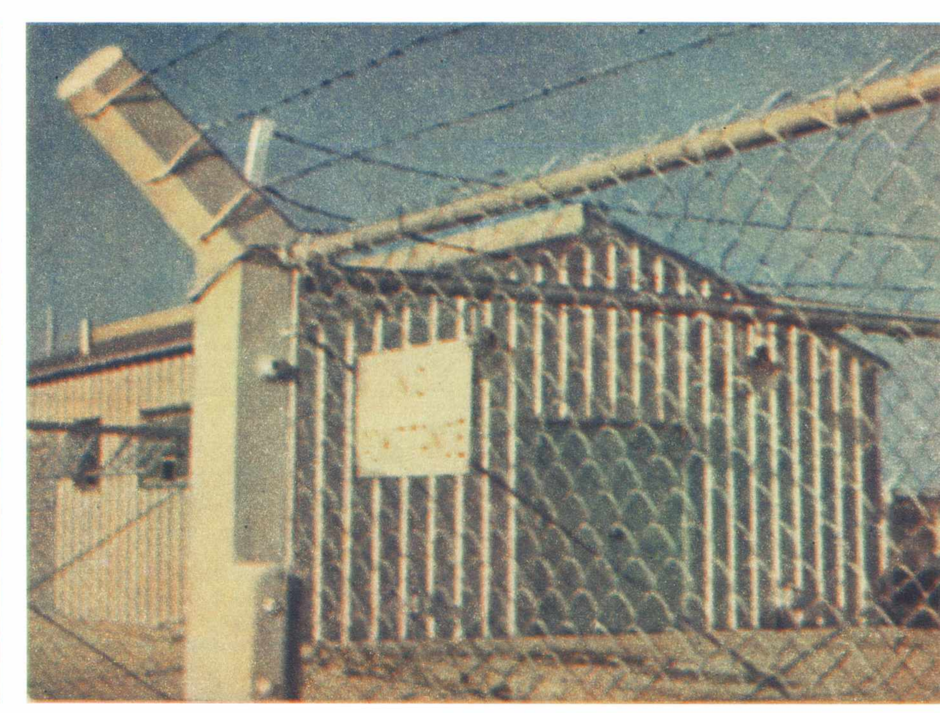
Раньше хозяевами здесь были американцы...

Гвоздика — богатство острова.

Юность Занзибара.

Здесь начинается океан.

Вольнослушательница занзибарской школы.

нутой руке он вез свежевыглаженный, а может быть, и новый, костюм. У кого-то сегодня будет торжественный день или ранний деловой визит. На одной из улиц замечаем большое белое здание.

— Это госпиталь имени дугу Ленина, самая большая больница на Занзибаре,— сказал Мбарук.

— И самая лучшая. Слово «дугу» значит брат,— добавила Шарифа.

Мы не заметили, как выехали на шоссе, ведущее в Мкокотони. Машина мчится вдоль берега океана. Мелькают рощи кокосовых пальм, плантации гвоздичных деревьев, небольшие деревушки. Хижин почти не видно: их скрывает пышная растительность тропиков. Навстречу нам стали чаще попадаться путники — крестьяне, женщины в ярких национальных одеждах. Каждый встречный поднимает вверх два растопыренных пальца. Это знак победы, символ революции, ставший приветствием на острове. Машина остановилась в одной из деревушек. Нам машут руками, радостно улыбаются, что-то выкрикивают. Перед машиной пробегает шумная ватага курчавых ребятишек с книжками на головах и за поясом — это школьники, а дом буквой «П» — школа. Лица Шарифы и Мбарука сияют: в этой деревенской школе они начинали работать, здесь их старые друзья, с которыми они не виделись почти три года.

Школы на Занзибаре не похожи на наши. Они напоминают террасы для игр в пионерских лагерях. Под навесом ряды низких столиков, за каждым из них сидит мальчик и девочка. На глухой стене класса черная доска. На ней рисунки — рыба, сундук, книга — и под каждым из них написано слово, обозначающее нарисованное. Пожилой учитель показывает линейкой рисунок, а ребятишки хором отвечают, что это: «калями»... «сандуки»... «китабу»... Урок в первом классе начался.

Едем дальше. Мбарук дает справку:

— На острове тридцать пять школ. В них обучается семнадцать тысяч детей при населении в триста тысяч жителей. После революции введено бесплатное обучение.

Минут через двадцать—двадцать пять мы в поселке Мкокотони. Приехали как раз вовремя. В бухту одна за другой входили парусные лодки — нгалавы, похожие на катамараны. На берегу — рыбный базар. Под навесом на прилавках разложены тунцы, огромные скаты, невиданные нами рыбы различных расцветок — от розово-красных до ярко-голубых, большие, почти метровые лангусты, морские черепахи и осьминоги. Больше всех кричит и суетится человек, которого все называют «далали».

— Далали—самый большой человек на базаре,— говорит Мбарук,— только через него можно на берегу продать рыбу с аукциона. Поэтому рыбаки стараются сбыть пойманную рыбу еще в море, с лодки. Это выгоднее, не надо давать комиссионные далали.

Шарифа познакомила нас с высоким молодым человеком — учителем местной школы. Макоме Сонгоро пригласил нас к себе домой. Скромный обед состоял из жареной рыбы и бананов.

Макоме Сонгоро преподает в двух школах: утром учит детей, днем — взрослых.

— В поселке мы недавно открыли новую школу для неграмотных. Ее посещают рыбаки, их жены и старики. Через час начнутся занятия.

В комнату вошла пожилая женщина. Макоме обернулся.

— Это моя мать, она тоже ученица этой школы.

Урок проходил на улице поселка под тенью развесистого дерева. У стены хижины Макоме поставил черную доску, и возле нее расселись пожилые ученики с букварями в руках. Их много, человек двадцать—тридцать, в основном женщины. Возле их ног ползают и играют дети. Лица некоторых были нам знакомы, мы видели их на берегу или на базаре. Среди них сидела и Коромбо Хамис Сонгоро — мать учителя. Ее взгляд неотступно следил за тем, кто стоял у доски — за ее четвертым, младшим, сыном. Шарифа, успевшая заранее расспросить Макоме, показывает нам людей и рассказывает о них.

— Вон, видите, красивая женщина с младенцем на руках — это жена рыбака Машау. У них трое малышей. А вот там, позади женщин, человек в очках — Вуай Мати Вуай. Ему скоро семьдесят. У него три сына, дочь и пятеро внуков.

Старики, рыбаки, их жены старательно повторяют за учителем слова, написанные им на доске. Совсем как те малыши в школе...

Мы возвращались обратно в город поздно вечером. Дорогу освещали лишь фары машины. Прохладный ветер бил в окна. Шарифа с Мбаруком сидела на заднем сиденье и, казалось, дремала. Вдруг она чисто, чисто по-русски сказала:

— У вас тоже когда-то так учились... Правда?

Комиссар из Мангапани

— Вы не были в Мангапани? О, это очень красивое место и совсем рядом,— слышали мы от многих.

Подъезжая к Мангапани, мы встретили на обочине шоссе возле «джипа» группу людей. Среди них выделялся человек небольшого роста, в очках, с большим револьвером за поясом. Он что-то быстро говорил, сопровождая слова энергичными жестами.

— Это Мухсын Абейд,— сказала Шарифа,— комиссар из Мангапани.

Мы познакомились.

— Терять времени не будем, поезжайте за мной,— пригласил комиссар. Его «джип» стал быстро удаляться.

Машины остановились на берегу океана. Отсюда открывался изумительный вид на лазурную бухту. Над золотистым песком берега склонились пальмы. Из воды торчали скалы причудливых очертаний. Однако красотой Мангапани мы любовались недолго. Комиссар торопил, звал за собой.

Мы идем по узкой, еле заметной дорожке. Справа и слева от нас стройные кокосовые пальмы, подлесок из бананов и кустарников и огромные деревья с развесистыми кронами. Колючки лиан и ползучих растений хватают за ноги, за одежду. На ходу, непрерывно жестикулируя, комиссар рассказывает:

— На Занзибаре нет джунглей, тропические леса давно вырублены. Весь остров — сплошная плантация: гвоздика, кокосы, бананы. Жаль, не сезон, я угостил бы вас манго...

Мы остановились у дерева с мощной кроной. Среди длинных, жестких, блестящих листьев выделялись крупные соцветия из множества мелких цветов. Это цвело манго. Нас поразило соседнее, еще более крупное дерево. На его стволе и нижних концах толстых ветвей висели шершавые, овальной формы плоды величиной с тыкву.

— Это хлебное дерево. Его плоды употребляют в пищу в вареном или поджаренном виде. Впрочем, вкус хлеба они напоминают весьма относительно,— заметил Мухсын Абейд.

Мы были рады короткой передышке. В зарослях было жарко и душно. Капельки пота покрывали лица и руки, а рубашки — хоть отжимай. А комиссар уже шагает вперед, на ходу указывая рукой на деревья, кусты:

— Папайя — дынное дерево, авокадо — «королевский фрукт».

Плод авокадо мы впервые попробовали на Занзибаре. Он похож на огромное гусиное яйцо зеленовато-фиолетового цвета. Внутри плода мякоть, в центре которой, как желток в крутом яйце, лежит крупное круглое семя. Оно несъедобно. В пищу идет только маслянистая мякоть, напоминающая по вкусу сливки с шоколадом. Плоды содержат много жиров, говорят, даже свежий бифштекс уступает по калорийности авокадо.

Мы идем все дальше и дальше. Мухсын Абейд на ходу передает нам неведомые цветы, ягоды, плоды. Жестами он настоятельно требует понюхать, попробовать, и мы, забыв о всякой предосторожности и прививках, нюхаем и пробуем все, что оказывается в наших руках. Впереди показался просвет. Над нами голубое небо и солнце, а вокруг трава, густая, выше человеческого роста. Она плотной стеной обступила тропу. И вдруг голос комиссара зазвучал глухо, откуда-то из-под земли. Он звал нас. Мы разглядели скрытые высокой травой глыбы серого камня. В них чернотой зияло квадратное отверстие.

— Не бойтесь, спускайтесь ко мне,— кричал комиссар,— змей здесь нет!

Вниз вели крутые ступени из камня, полуразрушенные, скользкие.

— Смелее, прыгайте!

...Когда глаза привыкли к темноте, мы увидели, что находимся в каменном мешке в восемнадцать—двадцать квадратных метров. Замшелые стены и свод потолка вырисовывались в зловещем, зеленоватом отсвете.

— Это ямы для рабов. Таких ям здесь несколько, многие хорошо сохранились. Сюда загоняли до сотни людей. Вход заваливали тяжелой каменной плитой. Воздух проникал только через крохотное отверстие под потолком.

...Мы стоим на высоком берегу. Лучи солнца, пробившие темные облака над океаном, осветили узкую полоску противоположного берега.

— Это материк. От Мангапани он всего в тридцати шести километрах: самое близкое расстояние от острова до материка. Теперь понятно, почему здесь ямы? Это перевалочный пункт. Занзибар — ворота в Восточную Африку. Остров был крупнейшим центром работорговли. Через его невольничьи рынки прошли сотни тысяч рабов. Потом работорговлю запретили, но перевалочный пункт в Мангапани действовал еще долгие годы. Торговцы живым товаром нашли здесь идеальное место.

Да, место здесь пустынное и мрачное. Черные громады скал обступили изрезанный узкими бухтами берег.

Сюда, на высокий берег, извиваясь между скал, поднималась крутая тропа. Это старая тропа невольников, дорога в подземелье, в рабство. Мухсын Абейд повернулся к нам:

— Хотите, в деревне я покажу вам живого раба, конечно, бывшего?

Не дожидаясь нашего ответа, Мухсын Абейд продолжал:

— Здесь, на месте этих проклятых ям, мы хотим построить новый город...

За разговором незаметно подошли к деревне. День клонился к вечеру. В это время все дома: рабочие вернулись с плантаций, а рыбаки еще не ушли в море на ночной лов. Комиссара сразу же окружили. Мухсын Абейд в деревне не редкий гость, он свой человек. Мы еще не представляли круг обязанностей районного комиссара на острове, но уже успели заметить, что здесь, в деревне, его любят. Многое в работе районного комиссара зависит от характера того, кто занимает этот пост. Мухсын Абейд — человек вездесущий: он занимается экономикой района, разрешает споры, к нему обращаются за советом секретари первичных организаций Афро-Ширази — правящей партии Занзибара. Организации партии есть в каждой занзибарской деревне.

Комиссар подвел нас к старику, неподвижно сидевшему на пороге своей хижины. Нас поразили его глаза: печальные и мудрые. Это глаза человека, прожившего долгую и трудную жизнь.

— Познакомьтесь, Сейф Мбарук Амур, человек, переживший рабство. Мы как-то высчитали, что ему сто четыре года.

Сейф Мбарук с трудом оторвал руку от палки, на которую он опирался, и поздоровался с нами. Говорил он медленно, с остановками. Память уже уходит от него: где родился — не помнит. Помнит, что его просто продали. Жил в неволе: окрики, побои. Работал на плантациях много лет. Потом рыбачил. Каждую ночь выходил в море. Были ночи хорошие — много рыбы, были страшные. Слава аллаху, всегда возвращался на берег, судьба. Мбарук вздохнул: «Жаль вот, пережил я своих сыновей и внуков. Им бы сейчас пожить...»

— Сейф Мбарук Амур — уважаемый человек в деревне,— сказал Мухсын Абейд.— Мы все ему помогаем. Революция издала закон о старых людях.

Вокруг комиссара и старика собралось все взрослое население деревни. Разговор перешел на самую близкую тему — о революции.

— Мы будем жить лучше! Революцию мы для этого и совершили,— убежденно подвел итог этому разговору Мухсын Абейд, комиссар из Мангапани.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Излучение неверия...

I

Обняв девушку за хрупкие плечи, из кинотеатра выходит парень.

— Тоска-то на душе какая! — говорит она.

— Да уж,— соглашается он,— глаза бы не глядели!.. Выпить, что ли...

Они сворачивают в одну сторону, я — в другую.

Мы смотрели «Лицо» Бергмана на неделе шведских фильмов...

По общему признанию, Бергман — один из наиболее интересных и в то же время противоречивых представителей нынешнего зарубежного кино, занявших жестоко непримиримую позицию по отношению к действительности.

Исступленно проклинает Ингмар Бергман и общественное устройство вокруг человека, и развращенность самого человека, отчаявшись найти свет, добро в современном буржуазном мире.

И в самом деле, это **жестокий** художник... Причем и бесспорная «жестокость» и бесспорная художественность его таланта — мрак символических киносказаний — действуют на вас едино и слитно, вызывая вкупе ощущение острой душевной боли. Его пугающие образы запоминаются, заставляют думать о себе — все эти жалкие уроды, никчемные, тупые, равнодушно-преступные либо же сильные силой зла, уничтожающей слабых... Но даже срывая с них личины, разоблачая их, Бергман показывает, что вокруг ничего не изменилось: мир остался таким же страшным, преступным, безразличным к тому, что в нем происходит.

Таков смысл и «Лица». По правде сказать, это еще далеко не самый «жестокий» фильм из тех жестоких фильмов Ингмара Бергмана, которые мне пришлось видеть за последнее время.

Четкий силуэт старинной повозки на какое-то мгновение возникает на экране — и это, может быть, единственный светлый кадр во всем фильме; дальше Бергман будет отбирать только густые черные тона... Через непроходимую лесную чащобу пробирается экипаж; в повозке чуть виднеются лица странно одетых людей. Это труппа средневекового театра; во главе ее — кудесник, маг и чародей — якобы немой доктор-астролог. Его сопровождают зловещая старуха колдунья; фигляр, посредник между астрологом и простыми смертными; переодетая мальчиком жена астролога, утомленная и печальная... Резкое карканье ворона усугубляет зловещее предчувствие беды, неблагополучия. Таинственная угроза нависла не то над путниками, не то над одиноким и больным человеком, которого они подобрали в лесу, не то над обитателями замка, где остановились путники. Впрочем, хозяева, а еще более слуги замка захвачены колдовскими чарами. Особенно велико обаяние астролога. Гипнотизирующие глаза с огромными расширенными зрачками, кажется, обладают загадочной властью. Знатная госпожа, прекрасная изящная хозяйка замка, носящая траур по дочери, объясняется магистру в любви с первого взгляда, взволнованно предлагает ему себя.

Приближенный и друг хозяина, ученый пытается проникнуть в тайны астролога: «Я хотел бы вскрыть твой череп, заглянуть в твой мозг...» Астролог дает ученому такую возможность: мы видим, как этот пытливый человек препарирует на чердаке отрезанную голову умершего попутчика труппы, думая, что рассматривает мозг и глаза кудесника. Потихоньку забравшись на чердак, астролог жестоко мстит ученому: пугая, он доводит его до сумасшествия... Затянутая, как пытка, патологическая сцена возле обезглавленного трупа и впрямь может свести с ума! Воображение зрителя «забито», потрясено нагнетением ужасов. Начинает казаться, что вот-вот еще немного, и ты закричишь, стряхивая тяжелое наваждение...

Наконец-то жалкий шарлатан разоблачен. Без парика и наклеенной бородки лицо астролога, какое-то скопчески голое, бабье, становится невыразительным, бедным и жалким. Несчастный попрошайка всю жизнь скитается с женой без гроша в кармане, дурача и обманывая людей. И лишь чужой, выдуманный облик дает ему недолгую призрачную власть над чужими, невежественными душами...

Но вот фильм окончен, а ощущение болезненного надрыва, неясной тревоги, какой-то кромешной мглы на душе от знакомства с созданием художника осталось, не рассеялось. Выходишь из кинотеатра действительно с тоской и горечью. И невольно вспоминаешь, как Толстой говорил о Леониде Андрееве: он пугает, а мне не страшно... Я думаю, что на языке киноискусства — при его огромной впечатляющей силе и массовости — «Бездна» Андреева звучала бы страшно...

А вот неделя французских фильмов. И среди них такой по-французски насмешливый, по-французски откровенный в самом интимном фильм Андре Кайята «Супружеская жизнь»... Но ведь в конечном-то счете и он оставляет ощущение неблагополучия у требовательного, думающего зрителя.

Шутка остается шуткой, но ничему, кроме неверия, не учат, ничего, кроме неверия, не внушают отношения юных героев.

Кадр из фильма «Лицо». Сцена любовного объяснения знатной дамы с «кудесником».

Они напоминают людей с разных планет, да и те, пожалуй, сумеют лучше понять друг друга, чем эти двое, так тесно связавшие свои жизни... И с каждым днем их все больше разъединяет, отдаляет друг от друга даже не враждебность, но закоренелый, необратимый эгоизм: каждый думает только о себе, знает только себя... Нет и не бывает полной любви, настоящего понимания; не верьте никому!.. Вот смысл и этого, в общем-то, столь же тоскливого, жестокого фильма, порожденного несбыточной мечтой художника о настоящих, человеческих отношениях,— невозможностью найти их в изолгавшемся буржуазном обществе...

Но, спросим себя: часто ли думают зрители об обществе, глядя фильмы?!. Не вернее ли предположить, что они в это время переживают, чувствуют жизнь. Чувствуют так, как хочет того художник...

II

«Опасность, опасность, опасность!..»—сигнализируют об атомной радиации счетчики Гейгера.

Жаль, что нет таких счетчиков, которые предупреждали бы людей об излучении неверия. О возможных «дозах» потребления искусства, пронизанного пессимизмом, неприятием жизни, отказом от ее идеалов.

Уточним: дело не в регламентации, упаси бог! А в **подготовленности** к восприятию подобного искусства, коль скоро оно входит в нашу жизнь.

Немыслимо ограничивать жадную тягу человека, особенно молодого, к познанию нового. Как немыслимо не радоваться тому, что исчезла из нашего обихода замкнутость, подозрительность, ограниченность, а двери жизни широко распахнулись для дружеского общения с народами, для обмена культурными ценностями.

Но ценность ценности рознь!

Спору нет: трудящиеся массы достаточно прочно овладели культурой, чтобы разбираться в ее живых явлениях. Однако же нигилистическая игра со смертью, отрицание человеческих идеалов, как и вообще всего святого в жизни,— пусть это отрицание идет от самой искренней сердечной боли, от острого и горького разочарования художника в неправедном устройстве общества, не всегда проходит бесследно. Особенно для молодежи.

Конечно, и молодые сейчас вооружены знаниями. И все возможности им даны для дальнейшего расширения их кругозора.

Тем не менее сложнейший процесс постижения современной зарубежной культуры нашей молодежью вряд ли может идти самотеком, «как трава растет». А ведь положа руку на сердце признаемся: во многом он пока что идет именно так!..

Среди толп зрителей, осаждавших столичные кинотеатры летом 1963 года, в дни Московского фестиваля, преобладающее большинство составляли студенты и школьники-старшеклассники. Столь же активно они участвовали в неделе шведского, а потом французского фильма...

И этого, повторяю, ни «запретить», ни «отменить» нельзя! Да и не нужно.

Но вряд ли следует с полным душевным спокойствием — которое, по-моему, граничит с опаснейшим равнодушием! — и дальше предоставлять молодежь самой себе в «освоении» многих переводных фильмов, подобно тому, как она была предоставлена самой себе, столкнувшись, скажем, с литературой модных зарубежных авторов, наводнившей библиотеки и книжные магазины.

А ведь и сейчас нигде и никто не говорит с подростками о книгах, которые они читают, нигде и никто не говорит с ними о фильмах, которые они смотрят...

В школе ученики девятых и десятых классов, считающие себя уже взрослыми, по-прежнему «проходят» литературу «от сих до сих», как будто вокруг подростков ничего не изменилось, как будто не изменились и сами подростки!.. Зато дома они читают переводные романы, по сравнению с которыми недоброй памяти творчество Арцыбашева кажется ныне не более чем пресной жвачкой.

Порою и педагоги и родители с беспомощной тревогой смотрят на ребят, замечая властное вторжение нового в их жизнь лишь по каким-то случайным внешним приметам. Но ведь перемена прически, иная манера носить платье или костюм, чулки, носки, галстук, модная обувь или модное словечко — все это равно несущественно!.. Зато далеко не всегда взрослые замечают очень важные и серьезные признаки вторжения вовсе не желательного иной раз «нового» в формирующееся сознание, идеологию, психику, этику и эстетику подростков. И оставляют их дальнейшее нравственное развитие на произвол судьбы.

Что это, инертность?.. Нежелание либо неумение говорить о сложных вещах достаточно убедительно и компетентно?..

Так или иначе, но и классные руководители и отцы с матерями избегают подобных разговоров со взрослыми детьми. Остро, скользко, неизведанно... И даже агитатор на производстве не видит своей прямой обязанности, собрав возле себя молодых производственников, поинтересоваться их точкой зрения на те или иные «модные» новинки литературы и искусства. А молодежь тут же, едва успев отойти от агитатора, начинает возбужденно делиться впечатлениями: говорит и спорит об этих именно новинках между собою...

III

Яд неверия — страшный яд. Он убивает медленно. Убивает прежде всего юные души — чуткие и впечатлительные, еще не выработавшие защитного жизненного противоядия, рождая в них тоску, нигилизм, озлобленность.

В черствых же, безразличных натурах он вызывает бездумное стремление подражательства. И, пожалуй, самые нежелательные последствия такое подражательство получает в искусстве же.

Иные малоопытные художники кино берут «на вооружение» модную западную форму, не задумываясь о полной непригодности ее для воплощения совершенно иного жизненного содержания.

— Зарубежное некоммерческое кино говорит о трудностях жизни, так ведь и мы теперь рассказываем о том же: обличаем культ личности, воссоздаем тяжкую пору Отечественной войны, неудачно сложившиеся судьбы...

Вот несложные рассуждения, результатом коих чаще всего и является столь же несложная схема, приблизительно выражающая содержание некоторых кинофильмов последнего времени... Еще более стандартизируется форма. Как правило, это предельно «растрепанный», нарочито алогичный сценарий; затемненные, перепутанные во времени кадры; множество внешних деталей, многозначительно обыгрываемых оператором; преувеличенное внимание к жестокостям жизни; зловещий либо унылый тон повествования за кадром...

Как ни странно, но такое нескрываемое подражательство, встречающееся у совсем еще молодых, начинающих свой путь, неоперившихся режиссеров, покровительственно именуется... поисками в искусстве! Увы, немногого стоит поиск, не вознагражденный ни одной находкой... А там, где находки есть, нет и подражательства.

Художник, болея болью своего времени, сердцем принимает противоречия, конфликты, коллизии своего века и лепит его образ. Это зеркало века — отраженный, волнующий образ, которому дана власть беспокоить, тревожить душу человеческую...

Благо людям, если художник верит в жизнь! Тогда пусть он будет как угодно далек от нас — и в пространстве и во времени! Все равно мы полюбим, узнаем, почувствуем с собою рядом и его самого и его творчество. А главное — рядом с будущим!.. Потому что, вверяя себя власти жизнеутверждающего, перебарывающего смерть искусства, человек уже не одинок! Он ищет и находит единомышленника, чтобы протянуть ему руку...

Необоримая сила, присущая русскому искусству, русской литературе, недаром же наделила их мировым значением, сделала русскую литературу, по словам Владимира Ильича Ленина, предшественником социал-демократической партии в России. Художники, голосу которых внимал весь мир, не боялись говорить о сложном и трудном, даже если еще не умели до конца разобраться в насущных вопросах народной жизни. Поэтому-то Ленин с такой любовью и уважением всегда говорил о Толстом, отмечая в то же время мучительные противоречия, терзавшие Толстого.

И Ленин же в письме к Инессе Арманд 5 июня 1914 года гневно обрушивался против достоевщины, которую уже тогда начинали бойко копировать различные литераторы сомнительного идейного толка.

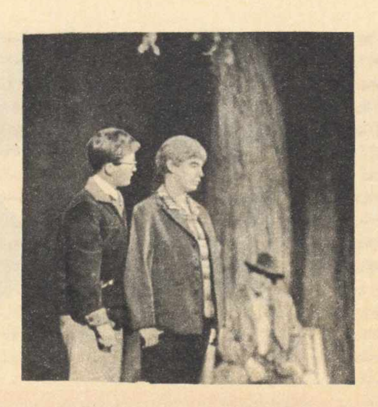
«По одиночке бывает, конечно, в жизни все то из «ужасов», что описывает Винниченко,— с негодованием писал Инессе Арманд В. И. Ленин о прочитанной им книге этого автора «Заветы отцов».— Но соединить их все вместе и **таким** образом, значит **малевать** ужасы, пужать и свое воображение и читателя, «забивать» себя и его».

Душевный надрыв, сердечную муку, страстную антибуржуазную проповедь Достоевского В. Винниченко спекулятивно разменивал на мелкую монету нигилизма, описывая действительность с нездоровым интересом к патологии; «с истериками... с вывертами», как замечал В. И. Ленин.

К счастью, подобные винниченки — так сказать, «вольные» — у нас отсутствуют; невольные же порой встречаются...

Правда, сами-то они, верно, не знают об этом. Не думают, что, заимствуя за рубежом даже выстраданное, но от этого не менее болезненное отрицание добра, они сами пускают в повседневный народный обиход неверие, нигилистический модерн, пусть мелкими порциями.

В жизни народа он в любых порциях не нужен. И в любых порциях вреден.

В ТУЛЕ, НА СЦЕНЕ ТЕАТРА ДРАМЫ имени ГОРЬКОГО премьера: «Правда о старом кинжале» Ц. Солодаря.

НА СНИМКЕ — герои спектакля: Гоша — артистка Г. Медведева и Андрей — артист В. Прокоп.

А НАЧИНАЛОСЬ С ТАЧКИ...

Да, именно с тачки! С самой обыкновенной двухколесной тачки, в которую поочередно впрягались артисты. Теперь она как реликвия хранится во дворе Харьковского театра кукол имени Н. К. Крупской. Но двадцать пять лет тому назад, когда у труппы не было ни своего помещения, ни автобуса, этот «вездеход» ежедневно совершал длительные путешествия.

Ребята любят свой театр. Сколько школьных сочинений посвятили они лучшим его постановкам!

В 1956 году состоялась премьера «Чертовой мельницы». С тех пор спектакль, поставленный В. Афанасьевым, выдержал более 700 аншлагов.

Театр неоднократно выезжал на гастроли в другие города. Многие спектакли показаны по Центральному телевидению.

Б. ПОЮРОВСКИЙ

Так отправлялся когда-то театр на спектакль.

ВСЕМ АИЛОМ НА СПЕКТАКЛЬ

Сцена из «Короля Лира».

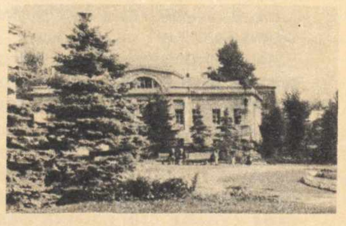
Не только по отзывам критиков можно судить о спектаклях Киргизского государственного драматического театра.

«Король Лир» Шекспира, «Материнское поле» Чингиза Айтматова, «Совесть не прощает» Т. Абдумомунова, «Судьба отца» Б. Джакиева... На эти постановки театр получает заявки от рабочих и служащих. Иногда спектакли целиком закупают в складчину несколько колхозов. Они так и пишут в дирекцию: «Приедем к вам в воскресенье всем аилом! Оставьте спектакль за нами»...

Когда по горным дорогам можно будет проехать на машинах, театр встанет на колеса. Ему случается вместо декораций, изготовленных в мастерских, пользоваться теми, которые создала природа; актеры играют под открытым небом, на фоне ослепительных горных кряжей.

В коллективе театра царит дух молодости и инициативы. Особенность репертуара — его подлинная интернациональность: среди пьес — произведения киргизских, русских, украинских, казахских, азербайджанских драматургов. И, конечно, переводная классика.

Л. ФЕДОРОВА

Уголок Москвы.
Сад Музея имени Пушкина.

ИСКУССТВО, НУЖНОЕ ВСЕМ

Художественное проектирование насаждений — что это такое?.. Это — своеобразное и довольно древнее искусство; Москва и москвичи проявляют все больше вкуса и интереса к нему, понимания его... Обществом озеленения и охраны природы Фрунзенского района под руководством архитектора Михаила Петровича Коржева создана школа художественного проектирования зеленых насаждений — школа прекрасного. Слушателей школы — людей самых разных по возрасту, образованию и профессии — объединила любовь к искусству, нужному всем.

Попытки устроить такую школу в России предпринимались еще в XVIII веке. И вот спустя 200 лет такая школа открыта на общественных началах; учащиеся знакомятся с историей развития садово-паркового искусства и современными формами его существования.

О. САМОСАДНАЯ

ЭТО ЯППАР ИЗ КОМЕДИИ «КОДАСА»... Посмотрите, какой своеобразный характер! Каким умом, догадкой и юмором светится взгляд, да и все выражение лица!..

Один из любимых артистов Башкирии, оперный певец Магафур Хисматуллин, к своему пятидесятилетию создал много народных образов, подкупающих мыслью, силой вокального мастерства.

О. ПОЛЯНСКИЙ

Уфа.

В редакцию продолжают поступать отклики читателей на письмо ветеранов войны «Долг живых перед мертвыми».

В этих откликах — рассказы о новых, неизвестных еще подвигах советских солдат, партизан и подпольщиков. В них — страницы истории Великой Отечественной войны, пока еще не вписанные в многотомье ученых трудов.

ЗАПОМНИХ ИХ ИМ

На берегу Ондозера

«Ночью сто сорок моряков из разведроты 85-й морской стрелковой бригады погрузились в рыбачьи плоскодонки. Одна за другой отвалили они от берега и скрылись в низком предутреннем тумане, стелющемся над поверхностью Ондозера,— пишет нам подполковник в отставке А. В. Афанасьев.— Я знал, почему все моряки-разведчики сменили перед выходом на это задание пехотные бриджи и гимнастерки на флотские клеши и бушлаты. Я знал это и не мог простить себе, что я, начальник разведки бригады, остался на берегу... Не один день готовили мы эту сложную операцию. Разведроте нашей бригады предстояло переправиться на противоположный берег Ондозера, занятый гитлеровцами, уничтожить вражескую артиллерийскую батарею, освободить триста советских военнопленных, которых враг заставил строить обходную дорогу на Ухту. Затем, уничтожив вражеский гарнизон в поселке Ругозеро, прорвать фронт и вернуться к своим. Командовать операцией назначен был я.

Но в первый раз, когда наши донельзя перегруженные лодки отошли на сорок — пятьдесят метров от берега, шесть из них черпнули бортом и пошли ко дну. Моряки, оказавшиеся в воде, стали взбираться на другие лодки. Но те не могли принять ни грамма лишнего груза и тоже стали тонуть. Проклиная свою непредусмотрительность, я приказал повернуть к берегу.

На другую ночь разведрота, сократив число участников операции со ста восьмидесяти до ста сорока человек, вновь двинулась в путь. Но уже без меня. Командование бригадой в наказание за неудачу отстранило меня от руководства операцией, и вместо меня в поиск пошел командир разведроты капитан Ковалев. Он был смелым моряком и неплохим командиром, однако Ковалев не знал многие известные мне особенности обстановки на этом участке фронта. Думается, что все это следовало бы принять во внимание. Но воинская дисциплина не терпит возражений — я сдал командование операцией.

Группа капитана Ковалева успешно высадилась на вражеском берегу Ондозера. Целые сутки вела она бой с врагом. Я видел, как полыхал поселок Ругозеро. Слышал, как ревела канонада на занятом гитлеровцами берегу.

Через трое суток в продырявленной, чуть не до краев полной воды плоскодонке вернулся тяжело раненный матрос по фамилии Мочихин. С трудом шевеля губами, он чуть слышно проговорил:

— Все погибли... Ни один не сдался.

Много позже, когда фронт перешел в наступление, допрашивая пленных, я получил подтверждение словам Мочихина.

С тех пор, в течение долгих двадцати трех лет, не выходит у меня из ума геройская и трагическая судьба ста сорока разведчиков морской пехоты, сложивших головы на берегах Ондозера летом сорок второго. Я мечтаю когда-нибудь вновь побывать на этих каменистых берегах и мечтаю увидеть там строгий и суровый памятник героям».

Шестилетняя подпольщица

«Когда началась война,— пишет нам врач-окулист Алла Волкотруб,— мне было всего четыре года. Но, поверьте, я отчетливо помню и первый ее день и все ужасы, которые мне пришлось пережить в годы гитлеровской оккупации...»

Да, небывало тяжелые испытания выпали на долю крохотной девочки. Ее отец сражался в партизанском отряде имени Богуна, действовавшего в Хмельницкой области. Мать была подпольщицей. В городе Хмельницком, в доме по улице Шевченко, 3, в котором Алла жила со своей матерью, находилась партизанская явка. В этом доме хранилось оружие, добытое подпольщиками для партизан. Сюда приходили партизанские связные. Здесь укрывались и отсюда уходили в лес, к партизанам, советские люди, бежавшие из концлагерей.

Чего только не перевидала маленькая Алла! На ее глазах немецкий солдат разбил грудному мальчишке голову о каменную мостовую. В одну постель с дочерью ее мать спрятала однажды маленькую еврейку по имени Аня. А когда пришли гестаповцы, разыскивавшие беглянку, мать сказала, что у дочери тиф. По виду Аллы в это и впрямь можно было поверить: лицо девочки покраснело от страха, на лбу крупными каплями выступил пот. И гестаповцы ушли.

Принимала Алла участие и в более сложных операциях: помогала матери переправлять оружие в лес, к партизанам. Зимой оружие укладывали в санки, сверху для маскировки сажали Аллу и ехали к Бугу, на «прогулку»...

15 апреля сорок третьего года из дома Волкотруб ушли в лес два советских военнопленных. Но на мосту через Буг их ждала засада. Один из беглецов, Петр Семенюк, отстреливался до последнего и был убит. Второй, по имени Гришка (фамилию его Алла не помнит), сдался в плен и выдал партизанскую явку, на которой нашел приют.

В тот момент, когда нагрянули гестаповцы, Алла была дома одна. Ее схватили, увезли в тюрьму. Это случилось ровно за две недели до того, как Алле исполнилось шесть лет. Вместе со всеми другими заключенными гестаповские палачи заставили маленькую Аллу смотреть, как на тюремном дворе пытают двух комсомолок-подпольщиц, Маню Тромбовецкую и Ольгу Кшешинскую, которых выдала предательница Галина Мазур. Раздетых донага девушек палачи привязали к столбу, резали, кололи, жгли каленым железом. Мане выжгли на ягодице звезду. На Ольгу спустили свору собак. Но девушки не сказали ни слова.

15 мая сорок третьего года Маню Тромбовецкую, Ольгу Кшешинскую, Николая Алексеева расстреляли. Вместе с ними расстреляли и отца Аллы инженера Федора Алексеевича Волкотруба, который тоже попал в лапы гитлеровцев. А вот мать Аллы осталась в живых. Как только Хмельницкий был освобожден, она разыскала дочь.

«Я счастливо живу,— пишет в заключение Алла Федоровна.— У меня есть муж, есть дочь, есть любимое дело. Но пусть узнают все о том, что я, шестилетняя девочка, пережила в годы войны. Чтобы люди никогда не простили преступлений гитлеровских палачей. Чтобы не было войн, чтобы дети росли счастливыми, как моя дочь».

Предсмертная записка Кати

Многие читатели «Огонька» рассказывают о своих однополчанах. Кавалер трех степеней ордена Славы бывший боец-разведчик 79-й гвардейской дивизии Н. Д. Корякин прислал фотографию, на которой запечатлены многие защитники волжской твердыни. Вот это фото. К сожалению, память автора не сохранила имена всех бойцов и офицеров, которые изображены на нем. Он помнит лишь, что в первом ряду снизу четвертый слева — знаменитый снайпер Герой Советского Союза Медведев. Рядом с Медведевым — командарм легендарной 8-й гвардейской армии В. И. Чуйков. Сам же автор стоит третий справа (левая рука на бедре). Н. Д. Корякин надеется, а вместе с ним и мы, что участники великой битвы, изображенные на этой фотографии, узнают себя и отзовутся на письмо однополчанина.

Вот письмо из города Быдгощ (Польская Народная Республика). Его автор С. Бескин вспоминает, что во время боев под городом Дейч-Кроне (ныне входящем в состав ПНР) гитлеровцы устроили завалы, земляные укрепления, дзоты. И часть, которая вела наступление, прижатая перекрестным огнем к земле, принуждена была остановиться. Создалось критическое положение. Но тут поднялись два молодых парня, два солдата, два комсомольца. Один—с ручным пулеметом, другой — с автоматом.

— За Родину, вперед! — крикнули они.

И сейчас же упали на дорогу, скошенные пулеметами врага...

«Огонек» №№ 6 и 14 за 1965 год.

НИТЕ
ЕНА!

Они упали, но их призыв, их пример не пропал даром. Будто ураган поднял с земли советских солдат и офицеров, и ничто уже не могло сдержать их атаки. Фашисты были сметены. Мало кто из них ушел живьем. Город был взят и очищен от врага. «Но кто эти два солдата? — пишет товарищ Бескин.— До сих пор я этого не знаю».

Бывшая партизанская связная, воевавшая на Брянщине, Варвара Васильевна Моисеева рассказывает о своей подруге подпольщице Кате Евреиновой, которую в хуторе Михайловском повесили гестаповцы.

«Ее гибель,— пишет В. В. Моисеева,— потрясла меня. Катя была мне ближе сестры родной. По профессии она была учительницей, человек благороднейшей души, добрая, ласковая. И внешне она тоже была красивая и изящная. И погибла она так же героически, как и Зоя Космодемьянская, не сказала врагам ни единого слова. Перед смертью Катя передала на волю записку. «Передайте нашим, — говорилось в ней,— что я умираю, как верная дочь Родины».

«Я хочу написать о моем товарище осетине Михаиле Харитоновиче Дидикаеве,— пишет в редакцию бывший белорусский разведчик из бригады имени Ленина Пинского соединения партизанских отрядов Александр Буга (партизанская кличка Сашка — «Хохол»).— Пусть родные, односельчане, молодежь Осетии знают, какой был у них герой-земляк.

ТРАГОМ ПИСМА ИЗ СОВЈЕТСКОГ САВЕЗА

ТЕНК ЈЕ ГОРЕО НА ТЕРАЗИЈАМА

Усамљени совјетски тенк продро је у центар града. Становници оближњих кућа обрадовали су се ослободиоцима, али тада је одјекнула експлозија

Немало подвигов совершил Миша Дидикаев во время боев и диверсий. И погиб он так же, как и жил,— героически. Подрывная группа, в которую входил Дидикаев, получила задание во что бы то ни стало взорвать вражеский эшелон на железной дороге Лунинец—Барановичи. Подойти к линии скрытно не было никакой возможности—так густо стояла охрана. Тогда Дидикаев схватил мину и, прижав ее к груди, бросился под поезд. Так Миша ценою собственной жизни пустил под откос вражеский эшелон и выполнил задание.

И еще—по рассказам Миши Дидикаева — вместе с ним воевал его брат. Его повесили немцы в селе Белевичи».

Танк на площади Терезии

Житель города Сочи участник Отечественной войны Н. В. Цветков рассказывает о своем земляке, бывшем танкисте Иване Степановиче Беспалове. Его танк утром 15 октября 1944 года одним из первых ворвался в центр столицы Югославии — Белграда. На площади Терезии в «тридцатьчетверку» Беспалова попал вражеский снаряд. Машина загорелась. Объятый пламенем, Беспалов выскочил из машины, но тут же, потеряв сознание, упал на мостовую. И погиб бы, конечно, если бы кто-то из местных жителей, рискуя собственной жизнью, не спас танкиста.

А спустя двадцать лет, в прошлом году, Иван Беспалов обратился к президенту Югославии Иосипу Броз-Тито и попросил его помочь отыскать своего спасителя. И вот через некоторое время Беспалов получил толстый, обклеенный марками конверт. В конверте оказался иллюстрированный югославский журнал «Политика», издающийся в Белграде. В этом журнале подробно рассказывалось о том, как югославский гражданин спас жизнь советскому танкисту. Имя этого славного югослава — Милета Джонович. Он уже давно умер. Но в доме, где когда-то лежал израненный и обожженный советский танкист, и сейчас живут Джоновичи. Они хорошо помнят танкиста—первого советского человека, которого им привелось увидеть. И, как семейную реликвию, по сей день хранят пожелтевший бумажный треугольничек. Это — письмо с фронта, из-под Берлина, посланное Беспаловым своему спасителю вскоре после выздоровления...

Бывший командир партизанского отряда имени Кирова Н. М. Николенко рассказывает о своем боевом друге разведчике Якове Бабушкине, погибшем от руки предателя осенью сорок третьего года. Бабушкин — москвич, жил где-то на Арбате. Но ни его родных, ни адреса отыскать пока не удалось.

Немало интересных писем получено нами от краеведов, юных следопытов. Директор средней школы № 2 из города Брагина, Гомельской области, Юрий Евгеньевич Золотаренко и члены исторического кружка, которым он руководит, поставили себе задачу установить имена Героев Советского Союза, получивших это высокое звание за форсирование Днепра и освобождение районов Приднепровья. Среди них Ю. Е. Золотаренко встретил имя Героя Советского Союза Василия Александровича Русакова, 1925 года рождения, уроженца деревни Клясово, Кимрского района, Калининской области.

Золотаренко вспомнил, что однажды, вскоре после освобождения его родной деревни Барбаров, он, тогда еще шестнадцатилетний мальчишка, возвращался вместе с товарищами домой (они валили лес около деревни Великий Млинок). И вот в полуразрушенных окопах, поблизости от днепровских круч, по которым незадолго до этого проходил передний край обороны гитлеровцев, они увидели тела трех убитых советских солдат. Из их карманов мальчишки вытащили железные медальоны, в которых хранились адреса и имена убитых. В скором времени солдаты были похоронены на центральной площади села Барбаров перед клубом. Одно имя прочно врезалось в память Золотаренко: Русаков.

Золотаренко выяснил, что Герой Советского Союза В. А. Русаков пропал без вести в декабре 1943 года на Мозырском направлении. Есть и еще ряд доказательств, что именно он и похоронен в селе Барбаров. Однако это нельзя еще считать безусловно доказанным. Мы надеемся, что оставшиеся в живых сослуживцы В. А. Русакова откликнутся и помогут установить истину.

Краеведческий кружок, которым руководит Святослав Георгиевич Левицкий из города Львова, разыскивает имена погибших партизан, могил которых на Львовщине немало. В лесу, неподалеку от села Купеч-Воля, Каменка-Бугского района, где 2 марта 1944 года вело бой соединение партизанских отрядов генерала Наумова, ребята обнаружили могилы уроженца Ленинградской области, села Рогово, Петра Дорофеевича Федорова, лейтенанта Плаксина и партизана по фамилии Гиляровец.

ОГНЕННЫЙ РЕЙС

А. И. Самуйлик.
Рис. автора.

В Белоруссии хорошо знают коммуниста Александра Ивановича Самуйлика. В годы панской власти в Западной Белоруссии был он вожаком партийного подполья. Много времени провел в тюремных застенках. Началась Отечественная война. Самуйлик — командир партизанского отряда имени Кирова.

А теперь он инструктор Каменецкого райкома партии.

Много боевых эпизодов хранит его память. Вот один из них. Было это в 1942 году, в канун 25-й годовщины Великого Октября. Группа партизан, возглавляемая А. И. Самуйликом, около станции Своротная захватила вражеский состав с награбленным продовольствием, почтовыми посылками. На паровоз водрузили красный флаг. На вагонах вывесили заранее приготовленные лозунги: «Да здравствует Великая Октябрьская социалистическая революция!», «Бейте гитлеровцев везде и всюду, раздавим фашистскую гадину!».

И вот состав тронулся в путь. В пути партизаны сбрасывали местным жителям мешки с зерном, немецкие посылки. На одной из станций располагался фашистский гарнизон. Дерзкое появление партизан было столь неожиданным для гитлеровцев, что они не успели даже открыть огонь.

На станции Вульки, когда все продовольствие было уже в руках местных жителей, партизаны подожгли задние вагоны. Состав повели к реке Пине. На берегу, возле разрушенного моста, партизан поджидали немцы. Сняв красный флаг и лозунги, партизаны покинули идущий состав и без потерь отошли в лес. Горящий поезд на глазах фашистов с грохотом рухнул в реку.

О смелом рейде партизан долго потом шла молва в здешних местах. А сегодня о нем напоминает один из экспонатов минского музея Отечественной войны — красный флаг, гордо реявший на захваченной врагом земле.

А. КОЖИН

Сатирические стихи

Михаил КУДИНОВ

Рисунки В. Черникова.

НА ПУСТОЙ НЮРНБЕРГСКОЙ МОГИЛЕ

Вместо эпитафии

Он был доволен
Своей судьбой:
Украл, попался...
Назначен судьей.

Бежал позорно
С поля сраженья,
Был пойман, судим...
Получил повышенье.

Лишился рассудка,
Наделал бед,
Был схвачен и связан...
Его сосед.

Состарился, умер,
Но, честное слово,
Похоронили
Кого-то другого.

А он был снова
Назначен судьей.
И судит живых.
И доволен судьбой.

ЖАЛОСТЬ

Полумертв, полужив,
Лунным светом сбитый с толку,
Выл волк, положив
Зубы на полку.

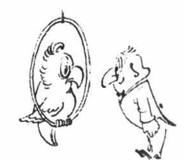
Выл волк на луну.
А вокруг
Было тихо,
И неслось
В тишину:
«Ой, лихо мне, лихо!
Ой, плохо мне, плохо!
До чего же мне худо!
А земля — оглохла,
А луна — как блюдо,
А я волк,
Да не тот,
Я скелет
Настоящий.
Если дальше так пойдет,
Я сыграю
В ящик».
Было волку
Невмочь,
Выл
Волк
Долго-долго...

И луну
Убрали прочь:
Пожалели
Волка.

ПОПУГАЙ

Попугай любил своего хозяина.
Попугай не бил своего хозяина.
Попугай учил своего хозяина
Говорить заученными, избитыми фразами.
Попугай, улетая, запирал хозяина.
Попугай, прилетая, выпускал хозяина,
Выпускал из клетки, где, усевшись на жердочке,
Хозяин забывал о душе и о разуме.
И в конце концов вырос клюв у хозяина,
Появились когти и хвост у хозяина,
И тогда он нашел себе тоже хозяина
И учил говорить его избитыми фразами,
И всем сердцем любил своего хозяина,
Но нередко бил своего хозяина,
Потому что характеры у попугаев разные
И хозяева тоже бывают разными.

СОМ

Был
Сом
Бедолагой.
Жил
Сом
Под корягой,
Пил
Сом
Только воду,
Бил
Сом
В непогоду
По воде
Хво-стом,
Беспокойным
Спал
Сном.
Ел мало,
Что попало,
В общем, плохо
Жил
Сом,
И при этом,
Как ни странно,
Сом толстел
Постоянно,
Голодал —
Толстел,
Плохо спал —
Толстел,
И когда его схватили
И на берег потащили,
Бедолага-сом белугой
От испуга заревел.
А потом лежал на блюде
Сом,
А потом,
Было блюдо, были люди,
Где же сом-
Бедолага?
Где река?
Где коряга?

Все на месте!
Просто сом
Видел скверный... сон.

МИНОГА

Живет
Минога,
Жует
Ранет.
Подтекста
Много,
А текста
Нет.
Минога
Строго
Сказала:
«Бред!»
Талант
От бога,
А бога
Нет.

Ласло ПАЛАШТИ

В понедельник, как обычно, мы, четверо старых друзей, собрались в кафе. Один из нас заметил за соседним столиком знакомого и окликнул его. Долговязый молодой человек лет двадцати пяти подошел к нам, представился и обратился ко мне:

— Не правда ли, вы родились в марте!..

Он не спрашивал, в голосе его слышалось утверждение. Он торжествующе улыбался. Его самоуверенное лицо заставляло вас чувствовать, как он горд своей непогрешимостью.

Мой ответ не охладил его, хотя я сообщил ему, что родился в мае, следовательно, он ошибся.

В сомнении он покачивал головой: он мне не верил.

— Френология не обманывает,— объяснил он.— Эта наука по строению и форме лица и головы делает заключения о человеке. Скоро она завоюет себе место во всех областях жизни. Я уже несколько месяцев изучаю произведение голландского ученого Ван Даагхеера, изданное на немецком языке. Смело могу сказать, что разбираюсь в френологии. Сейчас я как раз пишу статью об этой науке. В статью я включу свое предложение. Я советую проводить для начальников отделов кадров экзамены по френологии. Тогда любого поступающего на работу они смогут профильтровать как следует.

Он обратился к моему приятелю:

— Вы единственный ребенок, родились в августе, в обществе робеете, едва смеете говорить. Характер у вас нерешительный. Правильно?

Приятель рассмеялся.

— Я родился в январе, у меня шестеро братьев и сестер. Когда я раскрываю рот, то говорю без остановки. Я самоуверен.

Френолог покраснел.

— Невозможно! У вас августовское строение головы. И вы типичный единственный сын. Ван Даагхеер ясно указывает, что...

Внезапно он замолчал и пристально уставился в лицо нашего четвертого друга, затем заговорил:

— Апрель... Холост... Род занятий — связан с чем-то медицинским... Врач, или аптекарь, или, возможно, исследователь.

Друг кивнул головой.

— Точно... Апрель, холост, занимаюсь исследованием серы.

Френолог удовлетворенно кивнул.

— Я говорил, что френология не обманывает. А что касается вас,— он повернулся к нам двоим,— то всегда встречаются люди, желающие сбить человека с толку неверными данными.

«Апрельский» друг наклонился ко мне и шепнул на ухо:

— Не удивляйся! Я, конечно, родился в декабре, женат и работаю главным бухгалтером, но мне стало его очень жаль.

Между тем соседний столик занял новый посетитель, который через пять минут встал и приблизился к нам.

— Простите,— обратился он к френологу,— вы родились в июле 1939 года в Домбоваре и живете на улице Ваци, не правда ли?

Лицо молодого человека просияло.

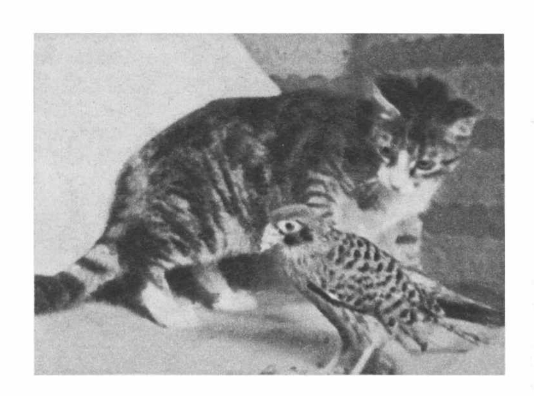
— Вы тоже френолог? Вы блестяще прочитали это на моем лице! — Он торжествующе повернулся к нам.— Ну-с! Что вы скажете о френологии?

Прежде чем мы смогли ответить, незнакомец протянул нашему френологу удостоверение личности.

— Я хотел проверить, действительно ли вы оставили документ на соседнем столике. В другой раз будьте осторожны!

Перевела с венгерского
Елена Тумаркина.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

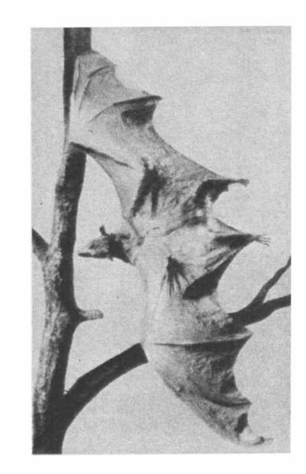

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

У одних моих знакомых живут кобчик и котенок. Вначале они относились друг к другу настороженно, но вскоре подружились.

Е. БЕЛЯВСКАЯ

Москва.

ЛЕТУЧИЕ ЛИСИЦЫ

Таких животных увидели советские туристы в Индии. Они собираются целыми колониями в парках или возле храмов и весь день спят, подвесившись к веткам деревьев. Промышляют они ночью.

Головка животных очень похожа на голову лисицы. В Зоологическом музее Академии наук СССР в Ленинграде есть чучело этого зверька.

О. РУМЯНЦЕВА

Ленинград.

КОРАЛЛ В ГОРАХ

В Японии найден коралл, возраст которого, как определили ученые, — 300 миллионов лет. Его случайно обнаружил один крестьянин в горах близ города Мориоки.

Этот гористый край когда-то был дном океана. Ученые считают, что находка может пролить свет на происхождение японского архипелага.

СТОКРАТНОЕ ЭХО

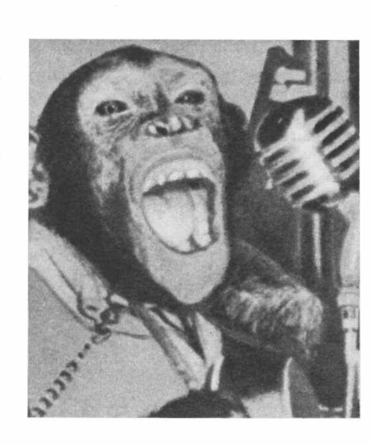
Недалеко от Килларнийского озера, в Ирландии, находится гора Орлиное Гнездо. Эхо в окрестностях этой горы повторяется почти стократно и напоминает огромный хор.

КВАРТИРЫ-БАЛКОНЫ

Немецкий инженер Доллингер из города Штутгарт (ФРГ) предложил новый, оригинальный тип жилого строения: квартиры-балконы прикреплены к стальной башне, в которой есть лифты и лестницы.

ЭЛЕКТРОННЫЙ МОШЕННИК

На выставке медицинского оборудования в Париже демонстрировалась электронная машина, которая подделывает подпись любого человека. Даже специалисты не могли отличить подделанную подпись от настоящей.

АРЕСТ АВТОМОБИЛЕЙ

Тяжелые времена наступили для водителей автомашин в Риме. Если автомобиль стоит на месте, где запрещена стоянка, то подъезжает грузовик с подъемным краном и увозит автомашину в полицейский участок.

ДЖАЗОВЫЙ ПЕВЕЦ

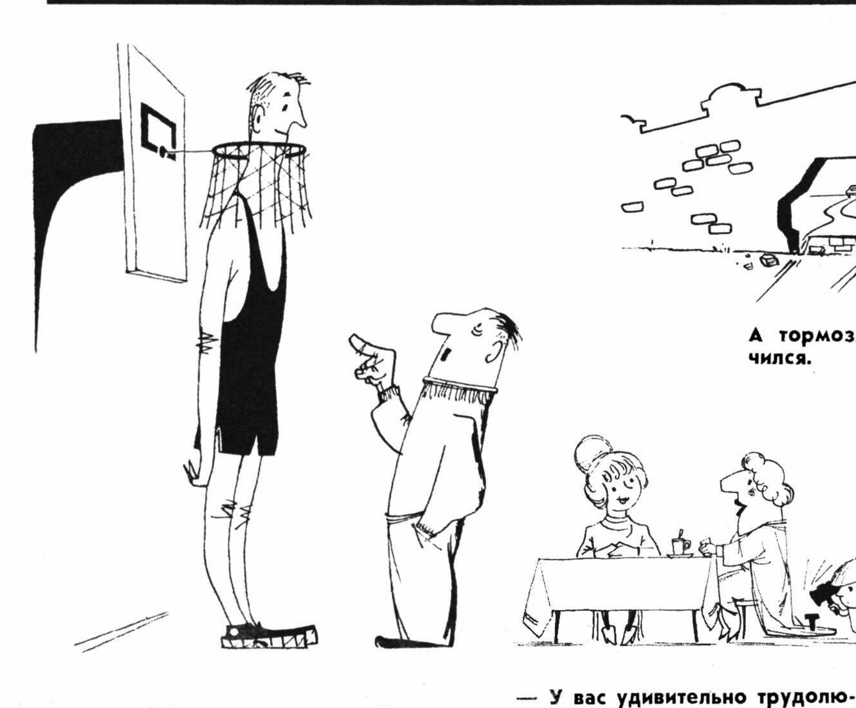
Шимпанзе перед микрофоном телевидения в американском городе Рочестере подражает некоторым современным джазовым певцам.

ПЕРВОБЫТНАЯ ОХОТА

При раскопках поселения древнекаменного века на Енисее впервые в мировой истории обнаружено свидетельство того, что первобытный человек, живший 13 тысяч лет назад, умел охотиться активно. В обломке лопатки зубра торчал роговой наконечник копья или дротика, пронзивший шкуру и мышцы зверя и крепко застрявший в кости. Животное было ранено на близком расстоянии, вероятно, во время преследования на открытой местности.

З. АБРАМОВА

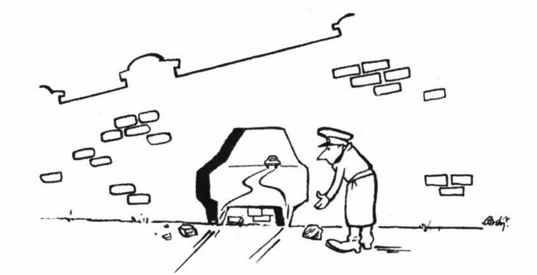

— И запомни: твое дело — защита.

Рисунок О. Кандаурова.

— У вас удивительно трудолюбивый мальчик: целый день что-нибудь мастерит.

Рисунок О. Кандаурова.

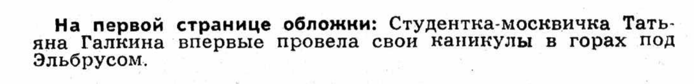
А тормозить он так и не научился.

Рисунок В. Тамаева

— Нет, эта хозяйка мне не подходит. Следующая!

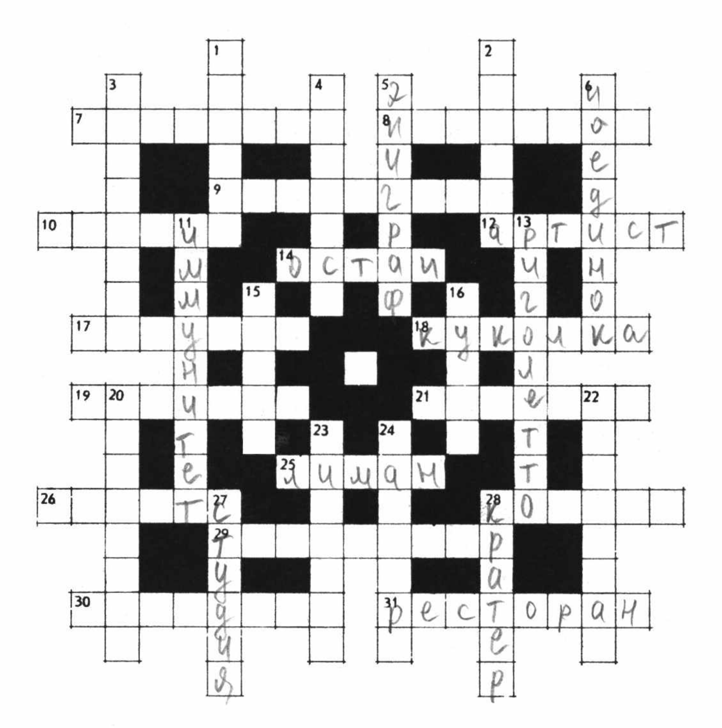
Рисунок В. Воеводина.

На первой странице обложки: Студентка-москвичка Татьяна Галкина впервые провела свои каникулы в горах под Эльбрусом.

На последней странице обложки: Удобно расположившись в кресле, можно за несколько минут подняться к заоблачным высотам Приэльбрусья.

Фото Л. Бородулина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Река в Индии. 8. Советский авиаконструктор. 9. Тригонометрическая функция. 10. Спортивная игра. 12. Исполнитель произведения искусства. 14. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 17. Великий русский актер. 18. Одна из фаз в развитии насекомых. 19. Высокомолекулярное соединение. 21. Химический элемент. 25. Залив, отделенный от моря косой. 26. Большое состязание на спортивных судах. 28. Фигура в танце, пляске. 29. Радиотехническое устройство. 30. Название главы романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 31. Предприятие общественного питания.

По вертикали:

1. Созвездие Южного неба. 2. Часть декорации. 3. Порт на Кубе. 4. Французский художник. 5. Цитата, изречение перед текстом. 6. Повесть А. И. Куприна. 11. Невосприимчивость организма к инфекции. 13. Опера Дж. Верди. 15. Движение воздуха. 16. Пролив между островами Кюсю и Сикоку в Японии. 20. Подлинник. 22. Автор оперетты «Перикола». 23. Порт в Тунисе. 24. Дощечка для смешивания красок. 27. Мастерская живописца, скульптора. 28. Углубление на вершине вулкана.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

3. Диорама. 8. Стаккато. 9. Ипподром. 10. Коробочка. 11. Улитка. 13. Радуга. 16. Виток. 20. Копенгаген. 21. Мотороллер. 22. Декламатор. 24. Готовальня. 28. Манеж. 29. Кимоно. 31. Шаннон. 32. Доминанта. 33. Канистра. 34. Родригес. 35. Федотов.

По вертикали:

1. Морфология. 2. Магнитофон. 4. Докука. 5. Леохар. 6. Станицын. 7. «Консуэло». 12. Катамаран. 14. Антоновка. 15. Просека. 17. Клеенка. 18. Тенор. 19. Порог. 23. Альманах. 25. Амундсен. 26. Гарибальди. 27. «Декабристы». 30. Одесса. 31. Шадрин.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01962 Подписано к печати 7/IV 1965 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 2 000 000. Изд. № 578. Заказ № 871.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

БЕГСТВО ОТ ЖИЗНИ

«...Откуда, когда и как вторглась в настоящее искусство абстракция, и кто ее проповедники!» — задает вопрос Георгий Ярышкин из города Жданова. Об этом же спрашивают в своих письмах десятки других читателей «Огонька».

Отвечаем на их вопросы.

Зловещее нагромождение ломаных, похожих на битое стекло пятен и клубок линий, изогнутых, как щупальца спрута.

«Канатная плясунья в сопровождении своей тени» — так называется этот опус, по всем правилам заключенный в традиционную раму и снабженный подписью автора.

Канатная плясунья? Но где она на этом полотне?!. Или, может быть, устроители экспозиции перепутали этикетку с подписью?

Нет! Этот сумбур принадлежит кисти одного из лидеров модернистского искусства США, Мену Рей, художнику, по меньшей мере «своеобразно» трактующему окружающий его мир.

В одном из своих обращений к зрителю он пишет с ошеломляющей откровенностью, что «полностью освобождает выражение, которое так долго держали в плену упрощенчество, имитация природы, частное видение жизни и набившие оскомину сюжеты».

Не удивляйтесь, откуда этот полет мысли, эта полная «раскованность»! Мен Рей закалился в сюрреалистических кружках Парижа, где еще в двадцатых годах сражался с «набившим оскомину» реализмом.

В наши дни Мен Рей благополучно продолжает свой творческий путь, променяв надоевшую ему манеру «дадаизма» на более модный у поклонников модернистского искусства «поп арт».

Мен Рей дерзает. Он сегодня храбр, как никогда. С незаурядной смелостью он опрокидывает всех и вся:

«У меня нет никаких особых целей или представлений о живописи. Если я бывал связан с различными школами, то только потому, что моя работа в то время шла параллельными путями. Удовольствие и приверженность принципам свободы — таковы движущие мотивы моей работы. Я не знаю, что хорошо и что плохо в живописи, поскольку ни то, ни другое никогда меня не задевало... Если бы мне пришлось выбирать что-нибудь из двух качеств: хочу ли я быть оригинальным или глубоким,— я, конечно, предпочел бы оригинальность... Правда, есть еще один мотив: я рассматриваю всякую творческую работу как бегство от жизни...»

Бегство от жизни — эти слова могут служить девизом модернистского искусства, какие бы причудливые формы оно ни принимало.

С неприглядным, порою странным, а порою зловещим творчеством «ташистов», «дадаистов», «сюрреалистов», просто «абстракционистов» и «абстрактных экспрессионистов» рассказывает интересная книга Н. Я. Малахова «Критика современных буржуазных формалистических течений в искусстве», изданная издательством «Искусство».

Перед нами встает мир эстетизации безобразного. Мир, где человеческая личность, Человек потерян, где самый характерный процесс — дегуманизация...

Мы знакомимся с апологетами современного модернизма П. Клеем, М. Рейем, Х. Блумом, О. Пикенсом, И. Олбрайтом, Б. Линке, С. Дали, Г. Муром, Д. Поллоком, Р. Раушенбергом и другими.

Вот что мы узнаем о «творческом процессе» наиболее модного сегодня «поп арта»:

«Сезар «обрабатывает» прессом автомобили, превращая их в параллелепипеды весом в тонну, подписывает и продает как скульптуры. Кроме пресса, он работает еще сварочным аппаратом и другими орудиями».

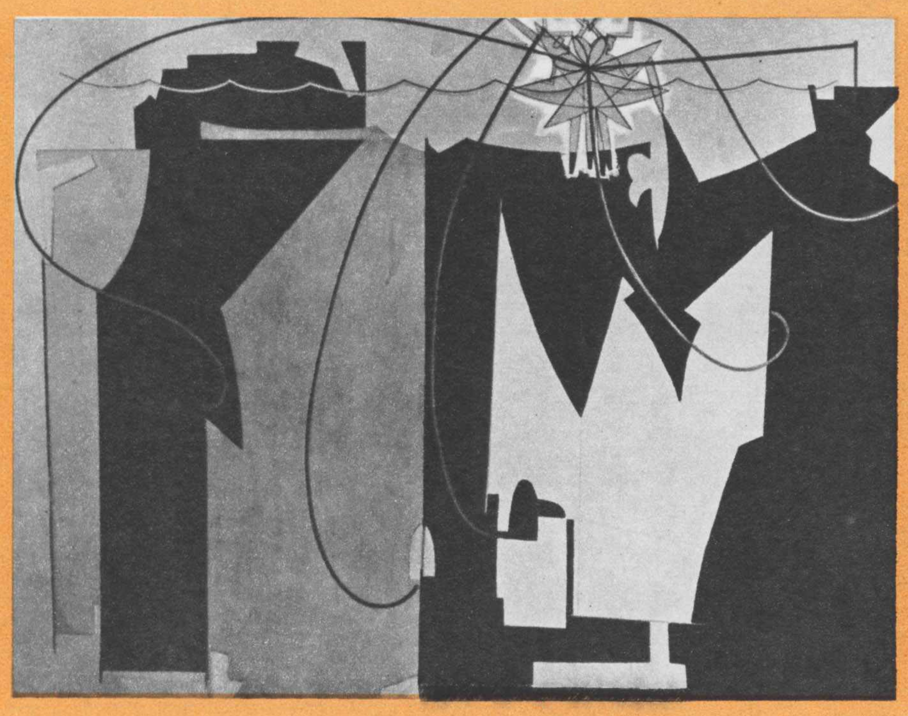
Сезар — один из самых высокооплачиваемых французских «скульпторов».

Другой автор — Споэрри — приклеивает тарелки, ножи, бутылки, стаканы, остатки пищи, окурки сигарет к поверхности обеденного стола. Он называет эту технику «фиксацией» и утверждает, что руины Помпеи — «наиболее красноречивый пример естественной фиксации...»

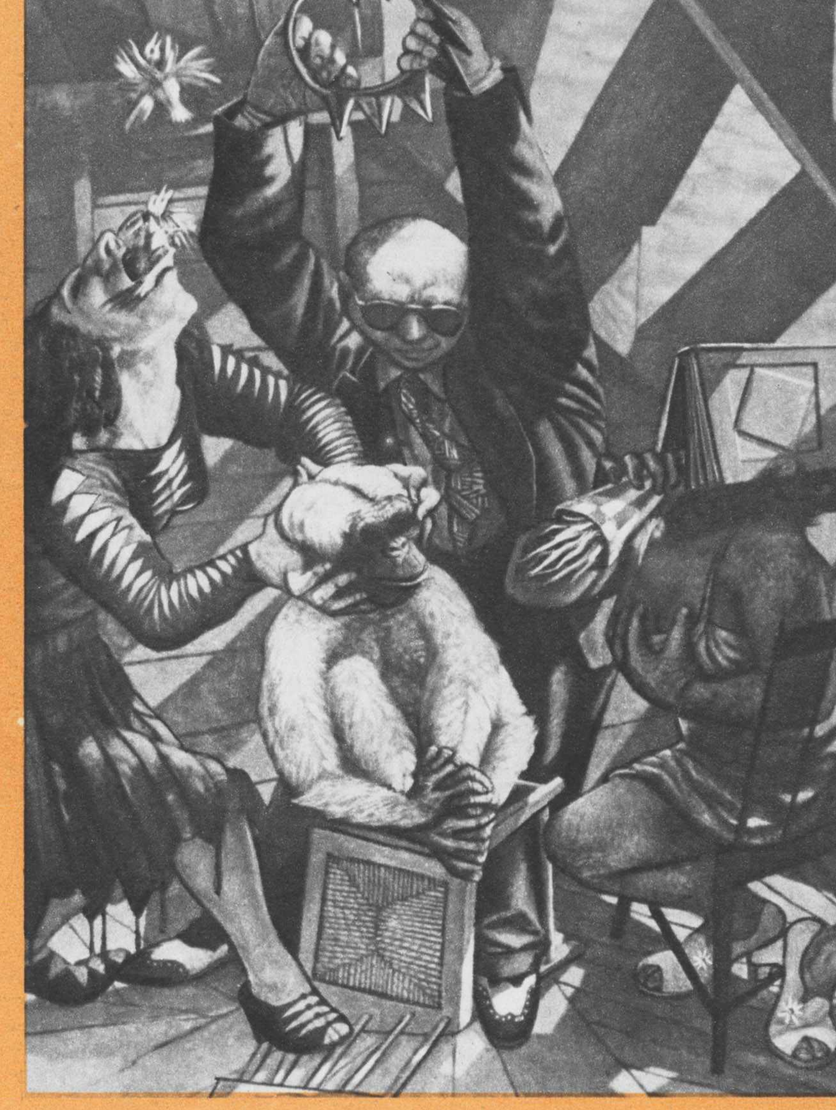
Тенгели производит свои «абсурдные машины» из железного лома и другого ненужного материала — получаются громадные, шумные, раздражающие сооружения. Одна такая махина была привезена в Нью-йоркский музей современного искусства. Как только ее установили, она оглушительно взорвалась — таков был «творческий» замысел автора.

Поистине непостижимы фокусы современных модернистов!..

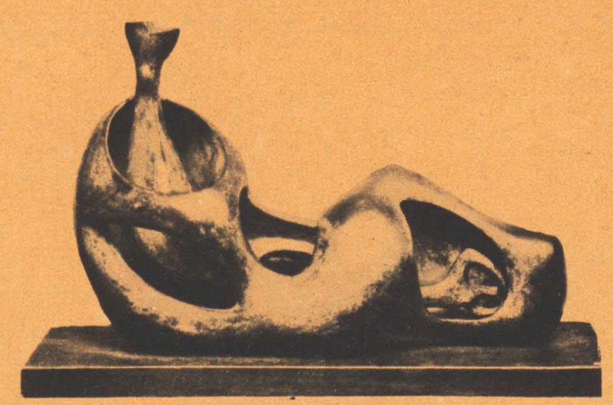
И. ВИКТОРОВ

М. РЕИ. Канатная плясунья в сопровождении своей тени. 1916.

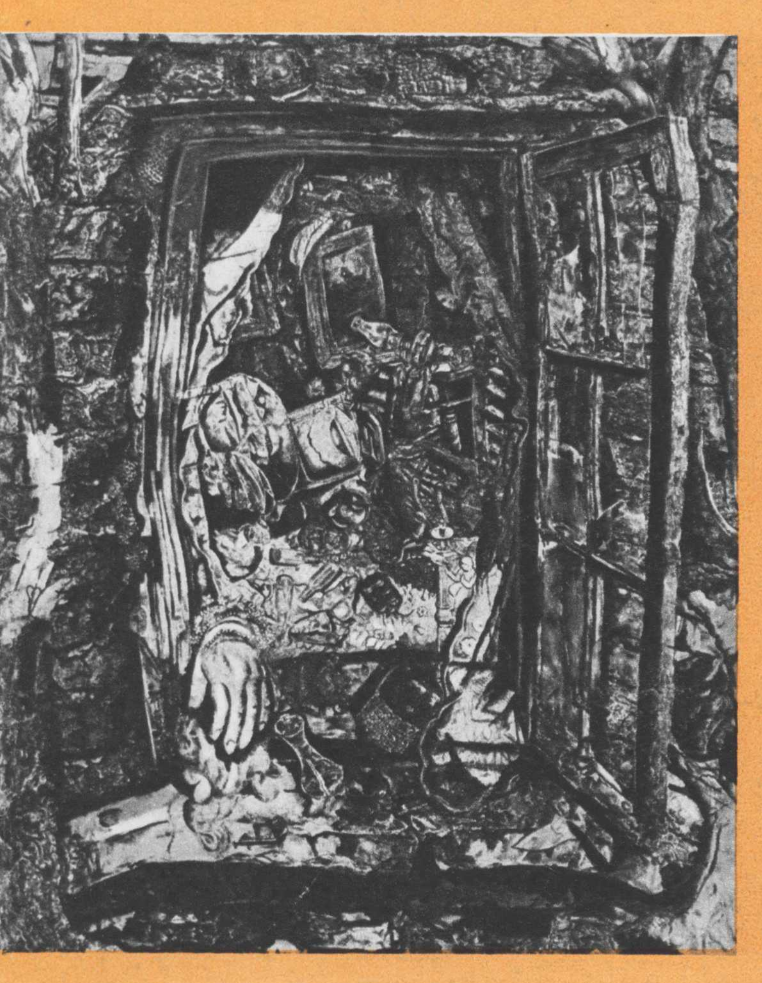

О. ПИКЕНС. Карнавал. 1949.

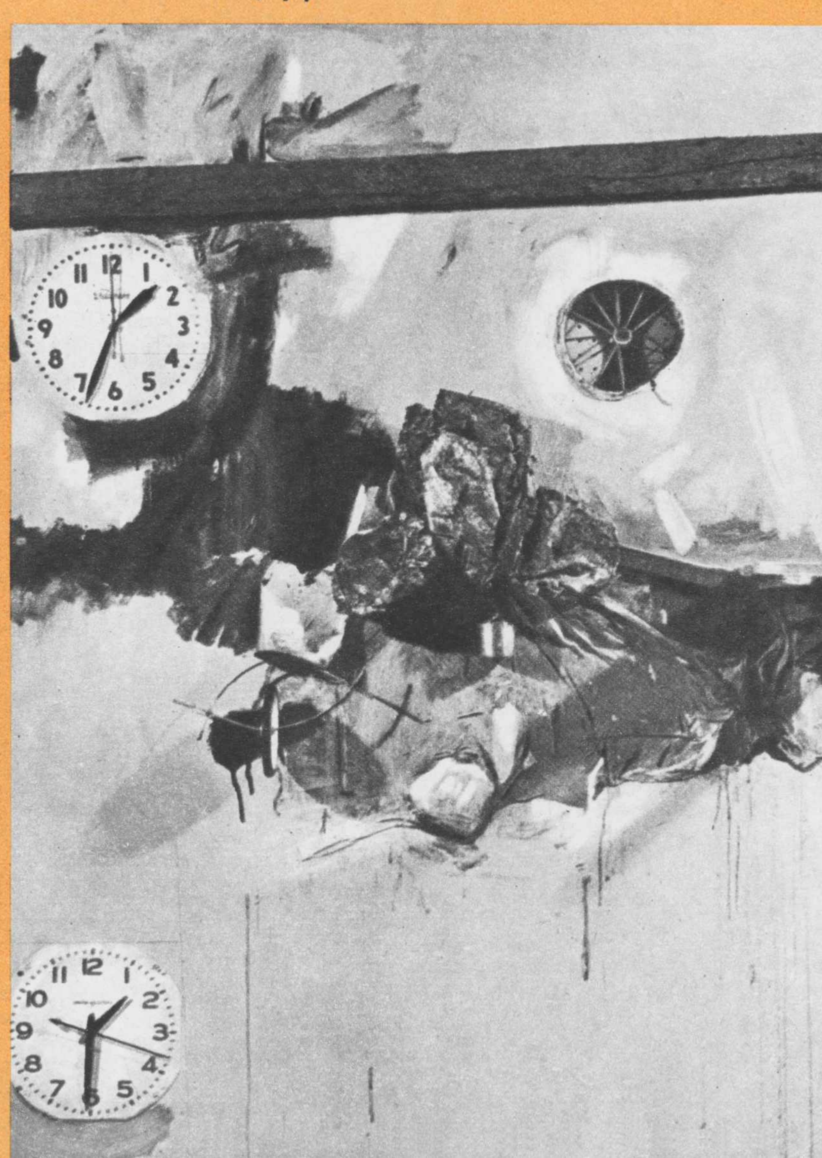

Г. МУР. Интерьер и экстерьер лежащей фигуры. 1951.

Р. РАУШЕНБЕРГ. Резервуар. 1961.

И. ОЛБРАЙТ.
Убогая комната. 1942.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.